

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Валиахметов, Альберт Наилевич

1. Чехословацкий корпус в России (1917–1920):
Историография

1.1. Российская государственная библиотека

Валиахметов, Альберт Наилевич

Чехословацкий корпус в России
(1917–1920): Историография [Электронный
ресурс]: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09
.-М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской
Государственной Библиотеки)

Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Полный текст:

<http://diss.rsl.ru/diss/05/0737/050737037.pdf>

Текст воспроизводится по экземпляру,
находящемуся в фонде РГБ:

Валуахметов, Альберт Наилевич

Чехословацкий корпус в России (1917–1920):
Историография

Казань 2005

Российская государственная библиотека, 2005
год (электронный текст).

61: 05-7/1033

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»
Министерства образования и науки Российской Федерации

На правах рукописи

ВАЛИАХМЕТОВ Альберт Наилевич

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В РОССИИ (1917-1920):
ИСТОРИОГРАФИЯ

07.00.09 – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор С.Ю. Малышева

Казань – 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-23
ГЛАВА I Отечественная историография	24-138
§ 1 Рассмотрение темы в работах 1918 – конца 1920-х годов	24-65
§ 2 Состояние изучения темы в 1930 – первой половине 1950-х годов	66-82
§ 3 Исследования второй половины 1950-х – 1980-х годов	83-108
§ 4 Новейшая историография	109-138
ГЛАВА II Зарубежная историография	139-235
§ 1 Изучение темы в 1920-1930-х годах	139-173
§ 2 Развитие исследований во второй половине 1940-х – середине 1980-х годов	174-207
§ 3 Современная историография	208-235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236-243
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	244-303

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В современной отечественной и зарубежной историографии практически отсутствуют работы, в которых специально анализировалась бы история изучения Чехословацкого корпуса с 1918 года до наших дней.

Между тем, отечественной и зарубежной историографией накоплен большой и разнообразный опыт изучения истории корпуса. История Чехословацкого корпуса всегда привлекала внимание отечественной историографии, так как корпус рассматривался в качестве важнейшего фактора эскалации гражданской войны в России. Чехословацкая историография оценивала историю «Чехословацкого легиона» в качестве ключевого события для создания национальной государственности. Английская и американская историография уделяли внимание данной теме в связи с тем, что помощь Чехословацкому корпусу объявлялась одной из основных причин интервенции.

Выяснение причин, приведших корпус к столкновению с Советской властью, остаётся одной из главных проблем истории гражданской войны. Ряд современных авторов справедливо считают, что изучение истории Чехословацкого корпуса в России необходимо для понимания соотношения в событиях гражданской войны ролей местных антибольшевистских сил и сил иностранных интервентов, а также для оценки степени самостоятельности антибольшевистских сил¹.

Рассмотрение историографии Чехословацкого корпуса представляется значимым для определения неизученных, малоизученных, спорных аспектов его истории, приоритетных проблем, дальнейших перспектив исследований, для стимулирования этих исследований в современных условиях и с позиции

¹ Коробкин А.А. Отечественная историография «Демократической контрреволюции» (лето – осень 1918 г.) в России: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 183; Ожиганов А.Л. Отечественная историография Колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 216.

современных подходов.

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований по теме немаловажен и для характеристики путей развития национальных историографий различных стран в XX веке, их сходства, различия, взаимодействия, а также факторов, влиявших на это развитие.

Степень изученности темы. Уже в 1920-е годы в советской историографии предпринимались попытки своеобразного историографического осмысления отечественной литературы о Чехословацком корпусе. Эти попытки выражались в форме рецензий и обзоров литературы. Несмотря на то, что специальных обзоров, посвящённых литературе о Чехословацком корпусе, в 1920-е годы опубликовано не было, информация об этом содержалась в обзорах литературы, посвящённых Комучу или гражданской войне в целом². В них, как правило, отмечалось научное или политическое значение той или иной работы, а также подвергались критике версии меньшевистских историков.

В 1930-50-е годы происходит общее сокращение числа исторических исследований. Публикация обзоров литературы, даже в той форме, какая имела место в 1920-е годы, прекратилась. Можно назвать лишь одну историографическую работу – статью И.И. Минца об изучении революции и гражданской войны³, в которой ни слова нет об изучении истории Чехословацкого корпуса. Историографическая тенденция, зародившаяся в 1920-е годы, была прервана.

Во второй половине 1950-х – середине 1980-х годов появляются первые историографические работы по изучаемой проблеме. В работах В.П. Наумо-

² См.: Лелевич Г. Обзор литературы о самарской Учредилке // Пролетарская революция. – 1922. – № 7. – С. 225-229; Лелевич Г. Литература о Самарской учредилке. (Обзор второй). // Пролетарская революция. – 1924. – № 8-9. – С. 366-373; Фурманов Д. Краткий обзор литературы (непериодической). О гражданской войне (1918-1920 г.г.) // Пролетарская революция. – № 5. – С. 321-341.

³ Минц И.И. Изучение истории Великой пролетарской революции и гражданской войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. – М.; Л., 1942. – С. 157-163.

ва, И.Л. Шермана⁴ рассмотрению и анализу подвергается литература, посвящённая Чехословацкому корпусу. Следует подчеркнуть, что на этом этапе появляется первая специальная историографическая работа по теме нашего исследования⁵.

В 1960-80-е годы предпринимались попытки подвести некоторый итог изучению истории Чехословацкого корпуса в России в отечественной историографии. Так, В.В. Гармиза заметил, что история Чехословацкого корпуса в России обстоятельно исследована и отражена в литературе⁶. В монографии «Гражданская война в СССР» отмечалось, что в исторической литературе показана роль Чехословацкого корпуса в обострении гражданской войны⁷. По мнению А.Л. Литвина и М.К. Мухарямова, «...в современной исторической литературе глубоко исследована история белочехословацкого мятежа. Была уточнена численность чехословацкого корпуса, принявшего участие в антисоветском выступлении – 37 451 пехотинец и 638 кавалеристов, подчеркнута, что этот мятеж был инспирирован правящими кругами стран Антанты и США, чехословацкими националистами и партиями эсеров и меньшевиков»⁸.

Наиболее полно подвести итог исследований в тот период удалось, как представляется, В.П. Наумову: «В современной литературе глубоко исследована история белочешского мятежа. Особенно подробно освещены такие вопросы, как его подготовка, замыслы империалистов Антанты по использованию белочешского корпуса в борьбе против Советской власти, роль и место чехословацкой буржуазии в организации мятежа»⁹.

На рубеже 1980-90-х годов стало возможно не столь однозначно оце-

⁴ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. – М., 1972; Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР. (1920-1931). – Харьков, 1964.

⁵ Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. // Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. – Вып. 40. – М., 1958. – С. 142-180. В основу этой статьи легла кандидатская диссертация, защищённая В.П. Наумовым по аналогичной теме.

⁶ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. – С. 77.

⁷ Гражданская война в СССР. – Т.1. – М., 1980. – С. 43.

⁸ Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Решающий рубеж. – Казань, 1978. – С. 11.

⁹ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. – С. 349-350.

нивать как роль корпуса в гражданской войне, так и его освещение в историографии. Среди работ, которые появились за последние 15 лет, следует назвать монографии А.Л. Литвина, В.А. Балашова и В.А. Юрченкова, В.И. Голдина, статьи А.Л. Посадскова и Ю.М. Трибицова, кандидатские диссертации И.Д. Панькина, С.Ю. Малышевой, А.А. Корбкина, А.Л. Ожиганова¹⁰. С.Ю. Малышева уделила значительное внимание отражению истории Чехословацкого корпуса в отечественной (в том числе и эмигрантской) историографии, впервые обратила подробное внимание на отражение истории Чехословацкого корпуса в трудах небольшевистских авторов. То же самое можно поставить в заслугу В.А. Балашову и В.А. Юрченкову. Авторы проанализировали работы Н.В. Святицкого, К.В. Сахарова, В.С. Драгомирецкого, П.П. Петрова, А. Будберга, ограничиваясь, однако, простой констатацией различных точек зрения.

Из всех этих авторов лишь А.Л. Посадсков и Ю.М. Трибицов выделили литературу о Чехословацком корпусе в качестве отдельного и самостоятельного предмета изучения. Ю.М. Трибицов в своей статье, рассматривая отдельные труды советских историков, делает особый упор на констатации негативных оценок деятельности Чехословацкого корпуса. Статья А.Л. Посадскова носит обзорный характер. В ней автор, не анализируя отдельных трудов, даёт представление об историографической ситуации, складывавшейся на том или ином этапе развития отечественной и зарубежной историографии в целом, а также определяет контуры будущих исследований ^{по} теме.

Критика зарубежной историографии отечественными историками бе-

¹⁰ Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.): учеб. пособие. – Саранск, 1994; Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерк новейшей историографии (вторая половина 1980-90-е годы). – Архангельск, 200; Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1989; Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991; Панькин И.Д. Современная советская историография гражданской войны на Южном Урале (1918-1919 гг.): Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1988; Посадсков А.Л. «Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) // История белой Сибири: Материалы 5-й Международной научной конференции, Кемерово, 2003. – С. 30-35; Трибицов Ю.М. Вооружённое выступление Чехословацкого корпуса в России в 1918 году в отечественной историографии // История «белой» Сибири. – Кемерово, 1999. – С. 165-171.

рёт своё начало ещё в 1920-30-е годы, когда выходили в свет рецензии и библиографические обзоры с оценкой трудов зарубежных историков, а также предисловия к публиковавшимся переводным работам. Появившиеся издания носили обличительный характер¹¹. При этом ценность рецензируемой или публикуемой работы определялась тем, насколько разоблачительный (вернее, саморазоблачительный) характер она носила¹².

Первые отечественные историографические труды, в которых рассматривались и характеризовались основные этапы изучения гражданской войны и интервенции в зарубежной историографии, стали появляться лишь в 1960-70-е годы. Именно в этот период были опубликованы статьи, в которых рассматривались советоведческие работы в целом, а также специально американская, французская, западногерманская и даже японская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции¹³.

Советские историки пытались осмыслить весь путь развития зарубежной историографии в целом и зарубежной историографии гражданской войны в России, в частности. Это выражалось в попытках провести дифференциацию и предложить периодизацию развития зарубежной историографии. При этом особо подчёркивалось, что провести подобную дифференциацию и выявить в чистом виде представителя того или иного направления довольно сложно¹⁴. Суть дифференциации сводилась к выделению трёх основных направлений: умеренно-либерального (или буржуазно-объективистского), ре-

¹¹ В дальнейшем сложилось целое направление в историографии – «критика буржуазных фальсификаторов». Положение стало меняться лишь в конце 1980-х годов, когда за представителями зарубежной историографии (притом не только «прогрессивного» направления (по сути – прокоммунистического) стало признаваться право на истину). – См.: Современная немарксистская историография и советская историческая наука // История СССР. 1988. № 1. – С. 172-202; Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1990. – С. 3.

¹² См. напр. предисловие И. Минца к книге: Черчилль В. Мировой кризис. – М.; Л., 1932. – С. IX. – См. также аннотацию к книге В. Гревса (Гревс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). – М., 1932. – II).

¹³ Алахвердов Г.Г. Фальсификация буржуазными историками США истории американской интервенции против Советской России в 1917-1920 гг. // Вопросы истории. – 1958. – № 11. – С. 177-189; Игрицкий Ю.И. Гражданская война и интервенция в СССР в новейших работах западных историков // История СССР. – 1969. – № 2. – С. 217-237; Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М., 1974; Кунина А.Е. Американская буржуазная историография о политике США в отношении Советской России в 1917-1920 годах // Вопросы истории. – 1960. – № 10. – С. 36-55, и др.

¹⁴ Современная немарксистская историография и советская историческая наука. – С. 175.

акционного (или неоконсервативного) и прогрессивного¹⁵. В основу дифференциации были положены не особенности методологии и исследовательских приёмов, а конечные результаты, к которым приходили авторы.

При рассмотрении национальных историографий советские историки ограничивались указанием на ведущее положение в изучении истории гражданской войны английской и американской историографии – в количественном¹⁶, а иногда даже и в качественном отношении¹⁷. Однако в целом, советская историография не проводила чёткой дифференциации между национальными историографиями и видела в них скорее общее, нежели различное. Следует отметить практически полное отсутствие работ, в которых рассматривалась бы чехословацкая историография¹⁸.

При этом лишь В.П. Наумов (в упоминавшейся выше статье) выделил зарубежную литературу о Чехословацком корпусе в качестве отдельного и самостоятельного объекта исследования.

Следует иметь в виду, что статья В.П. Наумова была опубликована в 1958 году. После 1958 года было издано значительное количество работ по истории Чехословацкого корпуса, которые, в этой связи, не могли быть учтены В.П. Наумовым. Сам автор указывал, что «...в разборе буржуазной историографии автор не претендует на полноту охвата (...) Берутся лишь наиболее существенные работы, дающие возможность составить представление о направлении буржуазной историографии»¹⁹.

¹⁵ Интересно, что английский советолог, редактор журнала «Survey» Л. Лабедз писал о том, что в 1930-е годы зародились «демонологический» и «ангелологический» (т.е. явно очернительное и излишне сочувственное) подходы в описании СССР («Survey», April, 1964, P. 87-88. – Цит. по: Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой октябрьской социалистической революции. – М., 1974. С. 52-53).

¹⁶ Кузнецов С.И., Штейн Б.Е. Английская и американская историография Октябрьской революции, иностранной интервенции и гражданской войны в России // Вопросы истории. – 1956. – № 11. – С. 147.

¹⁷ Косаковский А.А. Критика западногерманской буржуазной историографии гражданской войны и интервенции в Советской России // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М., 1974. – С. 445.

¹⁸ Исключение представляет статья В.П. Наумова «К историографии белочешского мятежа», а на более позднем этапе – статья А.Л. Посадскова, кандидатская диссертация С.Ю. Малышовой, а также монография А.Л. Литвина (См.: Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1988. – С. 17-18).

¹⁹ Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 году. – С. 171.

В работах по зарубежной историографии гражданской войны в целом, подчёркивалось, что интерес зарубежных историков к Чехословацкому корпусу обусловлен конъюнктурными соображениями, а именно тем, что «...фальсификация [истории Чехословацкого корпуса] может дать, на их взгляд, наибольший эффект в деле борьбы с силами социализма» и скрыть роль представителей стран Антанты в интервенции²⁰.

Интересно, что стремление западных историков-немарксистов доказать враждебность Советского правительства по отношению к Чехословацкому корпусу, что и послужило по их мнению, главной причиной мятежа, оценивались как «искажение фактов»²¹, «клевета» и «абсурд»²².

Советские историки подвергли критике утверждение своих западных коллег, согласно которому интервенция была вызвана стремлением оказать помощь Чехословацкому корпусу и защитить его от нападения австро-германских военнопленных, якобы вооружаемых Советской властью. Все утверждения об угрозе со стороны германских военнопленных назывались не иначе, как «миф»²³. При опровержении этого утверждения советские историки ссылались на доклад В.Б. Уэбстера и В.Л. Хикса²⁴, а также на слова Т.Г. Масарика²⁵ об отсутствии угрозы со стороны германских военнопленных²⁶. Одобрение советских историков вызывали в основном те положения зару-

²⁰ Косаковский А.А. Указ. соч. – С. 449, 450.

²¹ Там же. – С. 449.

²² Берёзкин А. Кеннан фальсифицирует историю [Рец. на: «The Decision to Intervene. Soviet-American Relations, 1917-1920» by George F. Kennan. vol. II. Princeton, 1958. XII + 513 p.] // Коммунист. – 1958. – № 13. – С. 125.

²³ Алахвердов Г.Г. Указ. соч. – С. 185.

²⁴ Там же. – С. 185. - Ещё 19 марта 1918 г. в Сибирь, с разрешения Советского правительства была отправлена союзная миссия для обследования положения военнопленных. В её состав, в частности, входили американский атташе в России капитан В.Б. Уэбстер и член британской военной миссии в Москве капитан В.Л. Хикс. После тщательного обследования лагерей военнопленных и красногвардейских казарм в Иркутске, Чите, Даурии, Красноярске, Омске и многих других местах Уэбстер и Хикс пришли к выводу, что слухи о вооружении военнопленных не соответствуют действительности исходят из контрреволюционных источников, единственной целью которых является стремление «дискредитировать позиции теперешних властей» (то есть советских государственных органов. - Г.А.). – Там же. – С. 185.

²⁵ Т.Г. Масарик – председатель Чехословацкого Национального Совета (де-юре и де-факто руководитель заграничного национально-освободительного движения чехословаков). Впоследствии первый президент Чехословацкой республики. Т.Г. Масарик находился в России с мая 1917 по март 1918 года.

²⁶ Игрицкий Ю.И. Гражданская война и интервенция в СССР в новейших работах западных историков. – С. 226.

бежной историографии, которые укладывались в советскую концепцию гражданской войны²⁷.

Интересно, что зарубежные историки обвинялись в замалчивании некоторых сюжетов, связанных с историей Чехословацкого корпуса. Речь шла, в частности, о «подготовке» выступления²⁸, о разногласиях между офицерством и солдатами²⁹, о планах США использовать Чехословацкий корпус в России³⁰.

Среди современных историографических трудов по данной теме следует назвать монографии А.Л. Литвина и С.Б. Скибинской³¹, В.И. Голдина³², кандидатскую диссертацию С.Ю. Малышевой³³, а также упоминавшуюся выше статью А.Л. Посадкова. Из всех этих авторов лишь А.Л. Посадков выделил обозначенную тему в качестве отдельного объекта исследования. При этом он рассматривает и анализирует не отдельные работы, а даёт характеристику историографической ситуации в целом.

Отдельные представители зарубежной историографии также проявляли внимание к истории изучения гражданской войны в России³⁴. Однако специальных трудов, посвящённых историографии Чехословацкого корпуса, зарубежными историками также создано не было.

Всё это ставит на повестку дня вопрос о необходимости историографического осмысления отечественной и зарубежной литературы о Чехословацком корпусе.

²⁷ Так, очень часто советские историки ссылались на утверждение генерала В. Гревса, согласно которому чехословацким легионерам в Сибири ничего не угрожало (См.: Гревс В. Указ. соч. – С. 39). При этом ни разу данное утверждение не было поставлено под сомнение или подвергнуто критике.

²⁸ Алахвердов Г.Г. Указ. соч. – С. 185.

²⁹ Там же. – С. 186.

³⁰ Селезнёв Г.К. Рец. на: George F. Kennan. *Russia leaves the War*. Princeton, 1956. 544 pages // Вопросы истории. – 1957. – № 8. – С. 200.

³¹ Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1990.

³² Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерк новейшей историографии (вторая половина 1980-90-е годы). – Архангельск, 2000.

³³ Малышева С. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991.

³⁴ См.: Малин М. Из под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С. 93-109; Фитцпатрик Ш. Гражданская война в Советской историографии: Западная историография интервенции // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. – М., 1994. – С. 344-363.

Характеристика источников. В диссертационном исследовании использовались источники, которые условно можно выделить в следующие группы:

- 1) Основными источниками исследования являются **историографические источники** – работы, в которых рассматривается история Чехословацкого корпуса. История изучения Чехословацкого корпуса насчитывает более 85 лет. Первые труды по теме появились ещё в годы гражданской войны³⁵. Для них было характерно стремление объяснить причины столкновения корпуса с Советской властью. Они носили обличительный или, напротив, оправдательный характер. Причём, эти тенденции были характерны как для отечественной, так и для зарубежной историографии. В отечественной историографии история Чехословацкого корпуса была специально рассмотрена примерно в 30 работах, в том числе в 1 монографии. Однако история корпуса рассматривалась и в общих работах по истории гражданской войны. Примерно схожая ситуация наблюдается в английской, американской и немецкой историографии: зарубежными историками было опубликовано несколько монографий по истории Чехословацкого корпуса, но гораздо чаще Чехословацкий корпус рассматривался в общем контексте истории гражданской войны и иностранной интервенции в России. Что касается чехословацкой историографии, то для неё характерен гораздо больший интерес к истории Чехословацкого корпуса. Ещё в 1920-30-е годы вышло множество работ по теме, при этом авторами многих работ выступали бывшие legionеры. В дальнейшем сохранялся устойчивый интерес к истории Чехословацкого корпуса. В данном исследовании используется следующая группировка историографических источников:
 - 1) по хронологическому принципу (исходя из этого строится периоди-

³⁵ См. напр.: Велховский Ф. Чехословаки в России. – Екатеринбург, 1919; Муна А. Кто такие чехословаки. – М., 1918; Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. – М., 1918.

зация работы); 2) по «национальному» признаку – выделены и подвергнуты специальному рассмотрению отечественная и зарубежная историография, а в рамках зарубежной историографии – отдельно чехословацкая, английская и американская, немецкая историографии; 3) по направлениям – в рамках отечественной историографии 1920-х и чехословацкой историографии 1920-30-х годов выделены отдельные направления. В общей сложности в работе было использовано более 300 историографических источников.

- 2) В работе использовались **неопубликованные документы**, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (фонды: Р-667 (Отдел иностранных дел Комитета членов Учредительного Собрания), Р-670 (Совет управляющих ведомствами Комитета членов Учредительного Собрания), Р-749 (Комитет членов Учредительного Собрания)). Всего в работе использовано 10 единиц хранения из 3 фондов. Привлечение архивных документов было вызвано стремлением осуществить верификацию выводов, содержащихся в трудах историков. Привлечённые нами документы проливают свет на взаимоотношения антибольшевистских сил (в большей степени Комучем) и Чехословацкого корпуса. Так, в частности, они раскрывают историю создания I-го Русско-Чешского полка. Это воинское формирование оценивалось комучевцами и самими легионерами как один из «оплотов демократии» на востоке России. Вместе с тем, документы дают представление о том, что военное и политическое руководство антибольшевистских сил на востоке России понимало цели и задачи создания подобного воинского формирования по-разному и, таким образом, документы дают представление о противоречиях внутри антибольшевистских сил.
- 3) **Опубликованные источники**, в первую очередь **сборники документов и материалов** были привлечены с целью верификации выводов и утверждений, содержащихся в литературе по проблеме. Массовая пуб-

ликация документов по истории гражданской войны и иностранной интервенции была предпринята в конце 1950 – 1960-е годы³⁶. Сборник «Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны» содержит указание заведующего оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С.И. Аралова о разоружении Чехословацкого корпуса, обращение Пензенского ВРК к населению города, в котором чехословацкие legionеры назывались «притворными революционерами» («разграбили Совет и продовольственные склады»), резолюция митинга крестьян, в которой legionеры назывались «белочехами»³⁷ и т.д. Все остальные сборники были построены по схожему принципу: постановления, приказы и воззвания центральных и местных властей, резолюции крестьянских и рабочих митингов и т.д.

Опубликованные документы отражали не историю Чехословацкого корпуса, а историю борьбы с ним. Ценность их заключается и в том, что они содержали первые оценки и интерпретации выступления Чехословацкого корпуса. Так, в сборнике «Директивы Главного командования Красной Армии» было опубликовано официальное сообщение о выступлении Чехословацкого корпуса от 4 июня 1918 года, в котором отмечалось, что выступление было вызвано «злонамеренной агитацией» «контрреволюционных элементов»³⁸. В дальнейшем это утверждение получит развитие в историографии. В постановлениях органов и представителей Советской власти в центре и на местах мы можем обнаружить положения, которые получают затем своё развитие в историографии. Причём, подобное явление будет характерно и для большевистской и для небольшевистской историографии.

³⁶ Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. (Август 1918 – декабрь 1920): сб. документов и материалов. – Казань, 1961; Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920): сб. документов и материалов. – Пенза, 1960; Самарская губерния в годы гражданской войны. – Куйбышев, 1958; Симбирская губерния в годы гражданской войны: сборник документов. – В 2 тт. – Т. 1. Май 1918 г. – Март 1919 г. – Ульяновск, 1958; Т. 2. Март 1919 г. – декабрь 1920 г. – Ульяновск, 1960, и др.

³⁷ Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920). – С. 34, 81, 84.

³⁸ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). – Т. I. – М., 1971. – С. 368.

Первый сборник документов, в котором содержались документы, исходящие от Чехословацкого корпуса, был издан в 1918 году³⁹. Однако, в этом сборнике содержались документы, относящиеся к истории корпуса в 1914-1918 годах (примерно до момента выступления). Ещё в 1920-30-е годы публиковались документы, исходящие от Чехословацкого корпуса: приказ Р. Гайды о введении военно-полевых судов⁴⁰, приказ коменданта Самары Ребенды⁴¹. Однако это были единичные примеры. Они были призваны подчеркнуть жестокость интервентов, их вмешательство во внутренние дела России и т.д.

Две наиболее крупные и ценные публикации документов по теме появились с перерывом в 20 лет⁴². Однако «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика» содержали тенденциозную подборку документов, целью которой было «развенчать лживые буржуазные легенды о Масарике как «освободителе нации» (с.13). Что касается «Документов и материалов по истории советско-чехословацких отношений» то они содержали, помимо документов, исходящих от Чехословацкого корпуса, постановления органов Советской власти, а также резолюции чехословацких интернационалистов. Всего в работе было привлечено более 20 сборников и подборок документов.

В целом, весь комплекс опубликованных в нашей стране источников не позволял исследователям изучать невоенные аспекты истории Чехословацкого корпуса. В опубликованных документах нашла отражение, более или менее систематично, история Чехословацкого корпуса вплоть до осени 1918 года (особенно первые дни выступления), то

³⁹ Каржанский Н. (Качанов). Чехословаки в России. По неизданным официальным документам. – М., 1918.

⁴⁰ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918). – М.; Л., 1926. – С. 221-222.

⁴¹ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.; Самара, 1932. – С. 100.

⁴² Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика и Бенеша. – М., 1954; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т. 1. ноябрь 1917 г. – август 1922 г. – М., 1973.

есть того периода, когда он играл в событиях гражданской войны наиболее активную роль.

- 4) **Воспоминания и дневники** рассматривались нами в качестве историографического источника. Первые работы, в которых была представлена история Чехословацкого корпуса, носили по преимуществу автобиографический, мемуарный характер. Вместе с тем, в них содержались элементы историографических концепций, которые получают своё развитие в дальнейшем. Это характерно как для отечественной, так и для зарубежной историографии. Так, Т.Г. Масарик в своих воспоминаниях «Мировая революция» признавал, что он писал «...не записки о путешествии, а политическую работу»⁴³. В. Черчилль – военный министр Великобритании, – признавал, что построил своё повествование о мировых событиях вокруг личных переживаний, но при этом обращался к документам⁴⁴. Впоследствии, многие положения, содержащиеся в работах Т.Г. Масарика и В. Черчилля были развиты в трудах чехословацких, английских и американских историков. По мнению В.А. Балашова и В.А. Юрченкова, «...Н.В. Святицкий, по существу, заложил основы оценок мятежа белочехов в 1918 г. в Среднем Поволжье в немарксистской историографии»⁴⁵. В общей сложности было привлечено более 30 дневников и воспоминаний.
- 5) **Периодическая печать** была привлечена для верификации выводов, содержащихся в исторических исследованиях. Вместе с тем, она представляет собой уникальный источник информации и может содержать в себе не только сводки новостей, но и постановления органов власти, статьи и т.д. На территории Поволжья (Казанская, Самарская, Симбирская губернии) в 1918-1920 годах издавалось 400 названий периодиче-

⁴³ Масарик Т.Г. Мировая революция. – Т. I. – С. 226.

⁴⁴ Черчилль У. Мировой кризис. – М.; Л., 1932. – XVIII.

⁴⁵ Балашов В.А., Юрченков В.А. Указ. соч. – С. 33.

ских изданий⁴⁶. В Казани с 1917 по 1922 годы издавалось 65 газет, из них в 1918 году – 35 названий⁴⁷. Нами было просмотрено 9 наименований газет, отложившихся в фондах Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ. Казанская пресса 1918 года была привлечена нами не случайно. Территория нашей республики в 1918 году была ареной борьбы, в которой Чехословацкий корпус принимал прямое и непосредственное участие. Более того, 1918 год был временем наиболее активного вовлечения Чехословацкого корпуса в события гражданской войны (по крайней мере, это касается участия в боевых действиях), что создавало тем самым наиболее активные информационные поводы. Мы можем классифицировать изученные нами газеты по партийной принадлежности: «Знамя Революции» (орган Казанского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов)⁴⁸, «За Землю и Волю» (орган исполкома казанского губернского совета крестьянских депутатов и казанского губернского комитета партии левых эсеров-интернационалистов), «Рабочее Дело» (газета казанской организации РСДРП (объединённой)), «Рабочая Воля» (социал-демократическая газета). Некоторые издания позиционировали себя как внепартийные: «Народная Жизнь» (внепартийная демократическая газета), «Новое Казанское Слово» (орган независимой прогрессивной мысли), «Трудовой Путь» (социалистическая, внепартийная), «Казанское Слово» (газета беспартийно-демократическая), «Народная Армия». Мы можем предложить и другой принцип классификации: 1) советские издания («Знамя революции», «За Землю и Волю»); 2) газеты, которые издавались в Казани в тот период, когда город находился под

⁴⁶ Мухаметзянова Н.Р. Периодическая печать времени гражданской войны в России (1918-1920 гг.) как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1997. – С.5.

⁴⁷ Подсчитано нами на основе: Газеты первых лет Советской власти. Сводный библиографический каталог. – Ч. I-IV. – М., 1990.

⁴⁸ До июля 1918 года газета редактировалась большевиками и левыми эсерами, а после – только большевиками.

властью Комуча («Народная Армия», «Народная Жизнь», «Новое Казанское Слово», «Рабочее Дело»)⁴⁹. Казань в 1918 году испытала на себе и власть Советов, и власть Комуча. В газетах большевиков и левых эсеров, с одной стороны, и комучевской прессе – с другой, могли содержаться различные оценки роли Чехословацкого корпуса. В них также можно обнаружить отдельные историографические положения, которые получают своё развитие в дальнейшем. В диссертации использовано 9 наименований периодической печати, выходившей в Казани в 1918 году.

Помимо указанных групп источников, нами были привлечены справочные и энциклопедические издания, а также библиографические указатели.

Объектом данного исследования является отечественная и зарубежная литература о Чехословацком корпусе. **Предметом** исследования являются концепции, взгляды и оценки роли и действий Чехословацкого корпуса, которые сложились в отечественной и зарубежной историографии.

Цель исследования: раскрыть процесс генезиса и эволюции концепций роли и значения Чехословацкого корпуса в гражданской войне в России, бытовавших в отечественной и зарубежной историографии с 1918 года до наших дней.

Задачи: при рассмотрении соответственно, отечественной и зарубежной историографии различных периодов предполагается

- 1) проанализировать источниковую базу исследований на каждом из периодов изучения;
- 2) выявить степень изученности аспектов истории Чехословацкого корпуса;

⁴⁹ Далее мы будем называть данную группу комучевской прессой, подразумевая под этим лишь то, что они издавались в Казани в тот период, когда город находился под властью Комуча.

- 3) выявить и объяснить основные тенденции развития историографии проблемы;
- 4) выявить общее и особенное в развитии отечественной и зарубежной историографии.

Методология исследования. Используемые нами методы связаны с предметом и объектом нашего исследования и зависят от поставленных нами целей и задач. Мы использовали систему методов как общенаучных, так и специально-исторических. Исследование и изучение данной проблемы необходимо вести на основе аналитико-синтетической деятельности, то есть на основе применения методов *историографического анализа* и *историографического синтеза*. При этом *историографический анализ* позволит нам уяснить авторскую концепцию в каждом отдельно взятом случае, а *историографический синтез* – сопоставить эти концепции между собой, определить общее и различное, и, исходя из этого, выявить тенденции и закономерности в развитии историографии Чехословацкого корпуса.

В ходе работы над диссертацией мы использовали *историко-системный метод*. Развитие историографии было обусловлено не только внутренней логикой развития исторической науки (изменение методики и методологии исследования, эволюция исследовательских приёмов, введение в оборот новых источников и т.д.), но также процессами, происходившими в социально-политической сфере, как в России, так и в мире. Данный метод позволяет раскрыть влияние подобных процессов на изучение темы. Мы применяли также *историко-генетический метод*, который позволяет проследить зарождение историографических концепций, а также их последующее становление и развитие. *Историко-сравнительный метод* позволяет сопоставить различные историографические концепции между собой, выделить общее и особенное. Помимо этого, данный метод позволяет сопоставить историографические факты и источники (опубликованные и неопубликованные) и, исходя из этого, сделать вывод о соответствии между уровнем источник-

вого «насыщения» и уровнем теоретического осмысления проблемы, а также о соответствии выводов, содержащихся в историографии имеющейся источниковой базе (верификация). Мы обращались также к *методу периодизации*, который позволяет выделить периоды и этапы в изучении истории Чехословацкого корпуса.

Периодизация. В основу нашей работы была положена периодизация развития исторической науки в России, которая сложилась в ходе дискуссии в начале 1960-х годов⁵⁰. Периодизация, предложенная в своё время М. Нечкиной, стала общепризнанной и широко распространённой в отечественной исторической литературе⁵¹. На более позднем этапе в неё были внесены необходимые уточнения. Современный период отечественной историографии исследователи датируют примерно с середины 1980-х годов⁵². Именно исходя из этой периодизации стали строить свои работы отечественные историки⁵³.

Учитывая условность и инструментальность любой периодизации, мы будем опираться именно на эту периодизацию. Она была скорректирована в данном исследовании, исходя из собственной логики и специфики развития историографии Чехословацкого корпуса в России и выглядит следующим образом:

- 1) с 1918 до конца 1920-х годов;
- 2) с начала 1930-х до середины 1950-х годов;
- 3) со второй половины 1950-х до конца 1980-х годов;
- 4) новейший период.

Говоря о новейшем периоде отечественной историографии, мы будем

⁵⁰ См.: История СССР. – 1960. – № 1. – С. 80; Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. IV. – М., 1966. – С. 11.

⁵¹ См.: Наумов В. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. – М., 1972. – С. 6; Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1988. – С. 8.

⁵² См.: Балашов В.А., Юрченков В.А. Указ. соч. – С. 151; Логунов А. Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 - начала 90-х гг. // Советская историография / Под общ. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – С. 447-487.

⁵³ См. напр.: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 53-61; Прошин О.Г. Отечественная историография Гражданской войны в Среднем Поволжье, 1919-1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1993. – С. 107-122.

иметь в виду работы историков 1990-х годов. В 1990-е годы в отечественной историографии происходит своеобразный «историографический взрыв». При этом произошёл не только количественный рост числа работ по теме. Для многих работ характерны принципиально иные оценки, нежели на предыдущем этапе развития отечественной историографии.

Советские историки указывали на сложность выделения периодов в развитии зарубежной историографии⁵⁴. Однако попытки обосновать подобную периодизацию предпринимались. Ю.И. Игрицкий предложил положить в основу периодизации западной советологии кардинальные вехи советской и общемировой истории⁵⁵. Что касается Чехословацкой историографии, то в основу её также могут быть положены важнейшие вехи истории Чехословакии («советизация» Чехословакии в 1948 году, «бархатная» революция 1989 года и т.п.) Исходя из этого, периодизация развития зарубежной историографии выглядит следующим образом:

- 1) с 1918 до конца 1930-х годов (включая годы второй мировой войны);
- 2) вторая половина 1940-х до второй половины 1980-х годов;
- 3) с конца 1980-х годов до наших дней.

Английская, американская и немецкая историография на каждом из этих этапов также имели свою специфику (о чём речь пойдёт в соответствующих параграфах). Отечественные и зарубежные историки в основном придерживаются аналогичной схемы при периодизации зарубежной историографии гражданской войны в России⁵⁶.

Терминология. Во введении к нашей работе мы считаем необходимым оговорить некоторые термины, используемые в нашей работе.

Мы считаем оправданным написание словосочетания «Чехословацкий корпус» с заглавной буквы. Подобное написание призвано подчеркнуть, что

⁵⁴ Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. – С. 25.

⁵⁵ Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. – С. 25.

⁵⁶ Голдин В.И. Указ. соч. – С. 7; Малышева С. Указ. соч. – С. 100-153; Посадсков А.Л. Указ. соч. – С. 30-35; Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2002. – Vol. 61. – S. 25-48.

данное воинское формирование было одним из основных участников гражданской войны и иностранной интервенции в России. При этом мы считаем равнозначными такие обозначения как Чехословацкий корпус и Чехословацкий легион (последнее обозначение чаще встречается в зарубежной, особенно английской и американской историографии). При обозначении состава Чехословацкого корпуса мы будем употреблять формулировку «легионеры». Применение термина «белочехи» по отношению к легионерам Чехословацкого корпуса представляется неоправданным и неуместным. Этот термин является в значительной степени политизированным. К тому же неправомерно отождествлять корпус с Белым движением (можно говорить о том, что он был частью антибольшевистских сил). Большая часть легионеров не разделяла убеждений русского офицерства (которое составляло основу Белого движения) и стояла на социалистических позициях.

Необходимо специально оговорить и термины, связанные с обозначением различных групп и направлений в историографии. Современная историография пришла к пониманию того, что труды российских авторов, оказавшихся в эмиграции, являются частью отечественной историографии⁵⁷. Мы принимаем во внимание это утверждение и соглашаемся с существующим принципом деления отечественной историографии на советскую, эмигрантскую и постсоветскую (российскую). Вместе с тем, в эту схему нами внесены некоторые уточнения. Отечественная историография 1920-х годов была неоднородной и деление по принципу «советская» / «эмигрантская» не в полной мере отражает эту неоднородность. В связи с этим, в историографии 1920-х годов, условно, могут быть выделены следующие направления: 1) большевистское; 2) небольшевистское⁵⁸. К небольшевистскому направлению мы относим тех авторов, которые в годы гражданской войны выступали про-

⁵⁷ Балашов В.А., Юрчнков В.А. Указ. соч. – С. 5.

⁵⁸ По мнению М.И. Шумилова, советская историческая наука «...отражала взгляды партии большевиков». – См.: Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. (Историко-графический очерк): учеб. пособие. – Петрозаводск, 1992. – С. 7.

тив власти большевиков (входили в состав антибольшевистских организаций и правительств, выступали против Советской власти с оружием в руках и т.д.). При этом небольшевистская историография также была неоднородной. Здесь могут быть, условно, выделены следующие группы: авторы «социалистического» направления (бывшие комучевцы), «либерального» и «монархического» направления. Критерием при этом являются политические убеждения и позиция авторов в годы гражданской войны (представители последних двух названных групп стояли на более правых политических позициях). Интересно, что бывшие комучевцы, чьими союзниками были чехословацкие легионеры, оказавшись в эмиграции, местом своего компактного проживания избрали Прагу, в то время как авторы более правых взглядов – Париж и Берлин.

Под зарубежной историографией мы подразумеваем труды зарубежных (английских, американских, немецких, чешских и словацких авторов) на соответствующих европейских языках и переведённые на русский язык, изданные как за границей, так и в России и СССР. Мы считаем целесообразным говорить о чехословацкой историографии, не выделяя отдельно чешскую и словацкую историографии. Вместе с тем, в параграфе по новейшей зарубежной историографии, мы укажем на некоторую разницу в подходах (вернее, тенденцию к децентрализации в чехословацкой историографии). При характеристике чехословацкой историографии в период между двумя мировыми войнами, в диссертации употребляется термин «легионерская историография». Под нею подразумевается целый комплекс работ, для которого характерна определённая общность взглядов при оценке роли и значения Чехословацкого корпуса в гражданской войне в России и в деле борьбы за независимость Чехословакии. Тенденции «легионерской историографии» были заложены именно легионерами, а также политическими руководителями корпуса и получили своё развитие в трудах историков.

Научная новизна работы. Настоящая работа представляет собой пер-

вое, с 1958 года, исследование, в котором отечественная и зарубежная литература о Чехословацком корпусе избрана в качестве специального объекта исследования. При этом в центре нашего внимания были труды, изданные с 1918 года до наших дней. Это позволило создать максимально полную и целостную картину изучения Чехословацкого корпуса в России в отечественной и зарубежной историографии с 1918 года до настоящего времени.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации могут составить историографическую основу и своеобразные ориентиры для будущих исследователей истории Чехословацкого корпуса.

Помимо этого, материалы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по отечественной и зарубежной историографии в целом, и историографии гражданской войны, в частности; а также при разработке соответствующих спецкурсов.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в статьях и тезисах, опубликованных в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Самаре и Уфе.

Отдельные положения диссертации были представлены во время выступления на всероссийских, республиканских и городских межвузовских конференциях в Москве, Казани, Самаре и Уфе и получили, в целом, позитивную оценку.

Структура диссертации. Структура диссертации обусловлена целями и задачами нашего исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Первая глава посвящена рассмотрению отечественной историографии, вторая – рассмотрению зарубежной историографии. Главы построены по хронологическому принципу, а параграфы – по проблемному. Во второй главе в каждом из параграфов мы рассматриваем вначале чехословацкую, а затем английскую и американскую и в заключение – немецкую историографии.

ГЛАВА I Отечественная историография

§ 1 Рассмотрение темы в работах 1918 – конца 1920-х годов

Изучение истории Чехословацкого корпуса началось ещё в годы гражданской войны в России. На этом этапе происходит зарождение и становление многих историографических концепций, которые получают своё развитие в дальнейшем. Первые работы, в которых разъяснялись причины выступления чехословацких легионеров, появились в 1918 году¹.

Отечественная литература 1920-х годов о Чехословацком корпусе не являлась предметом специального рассмотрения в историографии. В качестве исключения мы можем назвать лишь статью В.П. Наумова и монографию И.Л. Шермана, один из параграфов которой посвящён указанной проблеме². Литература 1920-х годов, в которой говорилось о Чехословацком корпусе, рассматривалась в историографических работах, посвящённых гражданской войне в целом и Восточному фронту, в частности.

Советские историки отмечали, что история Чехословацкого корпуса привлекла в 1920-е годы большое внимание исследователей³. По словам А.Л. Литвина первые работы по данной теме «...разъясняли, что собой представлял контрреволюционный чехословацкий корпус, кто стоит за его спиной, указывали на Антанту, как инициатора мятежа, объясняли временные причины успеха корпуса и необходимость его быстрого разгрома»⁴. Помимо этого, отмечалось, что «...в работах 20-х годов подчёркивалась роль империалистических правительств Антанты и российских правых эсеров в организации мя-

¹ Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. – М., 1918; Чехословаки в Самаре (По данным Высшей Военной Инспекции). – М., 1918.

² См.: Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 году // Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. – Вып. 40. – М., 1958. – С. 142-180; Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931). – Харьков, 1964. – С. 91-96.

³ Найда С.Ф., Наумов В.П. Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР // Очерки по историографии советского общества. – М., 1965. – С. 146; Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. – М., 1972. – С. 122.

⁴ Литвин А.Л. Восточный фронт (1918-1919 гг.) (Обзор литературы 1920 – начала 1930-х гг.) // Из истории Татарии: краеведческий сборник. – Казань, 1965. – С. 130.

тежа чехословацкого корпуса, тот факт, что власть Комуца утвердилась в Самаре, только при помощи штыков легионеров»⁵.

В историографии указывалось что, «...в пропагандистском пылу иногда звучали и необоснованные предположения – например, что чехословаки сотрудничают с немцами»⁶. Вместе с тем, было обращено внимание на «...научную ценность работ Н.И. Подвойского, сборника телеграмм И. Вацетиса и др., приводивших ценные факты, делавших первые обобщения»⁷.

В новейшей отечественной историографии подчёркивается, что сюжет о выступлении Чехословацкого корпуса, как событию, положившем начало широкомасштабной войне в стране, был обязательным для всех работ в 1920-е годы. При этом отмечается, что всеми авторами, вне зависимости от направления, выступление Чехословацкого корпуса оценивалось, как «...очередная попытка втянуть страну в русло Первой мировой войны путём свержения Советской власти»⁸. По утверждению А.А. Коробкина, Чехословацкому корпусу в 1920-е годы было посвящено «обилие публикаций»⁹. По мнению А.С. Верещагина, историки, при описании первоначальных успехов Чехословацкого корпуса делали упор на недооценке местными органами власти всей сложности и опасности ситуации. Он также отметил, что уральские исследователи повторяли ленинскую оценку¹⁰.

В новейшей отечественной историографии наблюдались дискуссии при оценке трудов историков 1920-х годов. Так, по мнению А.С. Верещагина, в работах уральских историков 1920-х годов (А. Баранова, А. Орлова, А.П. Таяева и других) «...приводились факты, доказывающие, что правительства

⁵ Литвин А.Л. Советская историография краха «демократической контрреволюции в России // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 113.

⁶ Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991. – С. 14. – Данное утверждение относится к работе Н.И. Подвойского (См.: Подвойский Н.И. Указ. соч. – С. 9).

⁷ Литвин А.Л. Восточный фронт (1918-1919 гг.) (Обзор литературы 1920 – начала 1930-х гг.). – С. 132.

⁸ Верещагин А.С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1918-1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001. – С. 201.

⁹ Коробкин А.А. Отечественная историография «Демократической контрреволюции» (лето – осень 1918 г.) в России: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 63.

¹⁰ Верещагин А.С. Указ. соч. – С. 201, 202.

стран Антанты являлись непосредственными инициаторами чехословацкого мятежа»¹¹. По мнению А.А. Коробкина, «...исходя из уровня знаний отечественной историографии 20-х гг., ответ на второй вопрос (было ли выступление Чехословацкого корпуса заранее спланированным и согласованным с союзниками или нет – А.В.) представляется неразрешимым»¹². При этом выяснение роли стран Антанты в организации мятежа Чехословацкого корпуса, сводилось в большинстве случаев к необоснованным обвинениям. Так же и объяснение причин выступления Чехословацкого корпуса находилось «...на уровне слухов и предположений»¹³.

Следует подчеркнуть, что правительства стран Антанты действительно разрабатывали планы использования корпуса и одобрили его выступление¹⁴. Вместе с тем, в литературе нет доказательств того, что мятеж вспыхнул по прямому указанию представителей стран Антанты.

Первые оценки выступления Чехословацкого корпуса содержались в официальных постановлениях органов Советской власти и антибольшевистских правительств, а также на страницах периодических изданий. Особое внимание освещению деятельности Чехословацкого корпуса было уделено на страницах казанской прессы 1918 года. Казань испытала на себе и власть Советов, и власть Комуча. Относительно быстрый переход города из рук в руки способствовал тому, что здесь практически одновременно издавались газеты, в которых могли содержаться диаметрально противоположные оценки процессов, происходивших в то время в Поволжье.

В прессе большевиков и левых эсеров формировался негативный образ чехословацких легионеров. По отношению к ним употреблялись следующие эпитеты: «контрреволюционеры», «чехословацкие банды», «наёмники англо-

¹¹ Верещагин А.С. Указ. соч. – С. 224.

¹² Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 63.

¹³ Там же. – С. 62, 63.

¹⁴ См.: История гражданской войны в СССР. – Т. 3. – М., 1958. – С. 305-308; Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. – 1970. – № 5. – С. 144; Светачёв М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922). – Новосибирск, 1983. – С. 71-74.

французского капитала»¹⁵. Эти характеристики подтверждались и подкреплялись описанием участия чехословацких легионеров в свержении Советской власти, карательных действиях, дезорганизации транспорта, что приводило к нарушению коммуникаций и т.д. Другим устойчивым стереотипом было мнение, что чехословацкие легионеры были «обмануты», «одурманены» и «спровоцированы» союзниками и русскими контрреволюционерами¹⁶.

Стремление представить выступление чехословацких легионеров лишь как реакцию на агитацию, проводившуюся в корпусе, призвано было завуалировать более глубокие причины выступления. Данная тенденция будет характерна для большевистской, а затем и советской историографии.

Для антибольшевистской прессы характерна прямо противоположная тенденция по сравнению с советскими изданиями. В ней выступление Чехословацкого корпуса представлено не в виде случайной, стихийной и спонтанной акции, а как сознательный и глубоко мотивированный акт. Подчёркивалось, что в основе выступления Чехословацкого корпуса лежали такие причины, как идея славянского единства против германской агрессии, а также приверженность чехословацких легионеров идеалам демократии. В коммунистической прессе содержались оценки положительного свойства: «храбрые», «доблестные», «геройские», «чудо-воины», «спасители»; более того, чехословацкие легионеры назывались революционерами и истинными демократами¹⁷.

В дальнейшем все эти оценки получают развитие в литературе соответствующего направления.

Первыми исследователями истории Чехословацкого корпуса выступили непосредственные участники событий. С большевистской стороны мы можем назвать Н.И. Подвойского – председателя Высшей Военной Инспек-

¹⁵ См.: «За Землю и Волю». – 1918. – 6 июня; Там же. – 15 июня; «Знамя Революции». – 1918. – 23 августа.

¹⁶ См.: «Знамя Революции». – 1918. – 16 ноября; «За Землю и Волю». – 1918. – 1 июня; Там же. – 13 июня.

¹⁷ См.: «Народная Армия». – 1918. – 21 августа; «Новое Казанское Слово». – 1918. – 5 (18) августа; Там же. – 12 (25) августа; «Рабочее Дело». – 1918. – 14 (27) августа.

ции (ВВИ); а с небольшевистской стороны – бывших комучевцев Н.В. Святицкого, К. Буревого и И.М. Майского.

Первые работы носили агитационный характер¹⁸, так как призваны были объяснить причины столкновения Чехословацкого корпуса с Советской властью¹⁹; во многих из них содержался призыв к действию.

Перейдём к рассмотрению отдельных направлений в отечественной историографии 1920-х годов. Начнём с **большевистской историографии**.

Первые труды по теме появились ещё в годы гражданской войны и принадлежали перу Н.И. Подвойского (который оказался в дни мятежа в Уфе) или были написаны по материалам ВВИ. В середине 1920-х годов появились первые обобщающие труды по истории гражданской войны в России, в которых данная тема также нашла своё отражение²⁰. Лишь в конце 1920-х годов вышли в свет отдельные статьи, специально посвящённые истории Чехословацкого корпуса²¹. Помимо этого, в 1920-е годы в журнале «Пролетарская революция» были опубликованы воспоминания местных партийных и советских руководителей, которые поставили вопрос об ответственности за то, что выступление вспыхнуло и не было быстро подавлено²².

Изучение истории Чехословацкого корпуса (или, пользуясь выражением тех лет, «раскрытие смысла чехословацкого выступления») имело важное практическое агитационное значение. Так, Н.И. Подвойский в разговоре по прямому проводу с командующим Оренбургским фронтом Г.В. Зиновьевым и заместителем командующего В.К. Блюхером 17 июня 1918 года призывал

¹⁸ На этот факт было обращено внимание ещё в литературе 1920-х годов. – См.: Лелевич Г. Обзор литературы о самарской Учредилке // Пролетарская революция. – 1922. – № 7. – С. 227.

¹⁹ См.: Каржанский Н. (Качанов). «Чехословаки в России. По неизданным официальным документам». – М., 1918. – С. 4.

²⁰ Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917-1920. – Л., 1925; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – В 2-х тт. – М.; Л., 1925-1926.

²¹ Алексеев В. Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье // Пролетарская революция. – 1928. – № 4(75). – С. 45-88; Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – М.; Л., 1928; Хабас Р. К истории борьбы с чехословацким мятежом // Пролетарская революция. – 1928. – № 5. – С. 56-65.

²² Буцевич А. Первые дни чехословаков // Пролетарская революция. – 1922. – № 5. – С. 262-274; Германов Л. (М. Фрумкин) К истории чехословацкого наступления и свержения Советской власти в Сибири // Пролетарская революция. – 1922. – № 4. – С. 16-23; Котов Г. Партийная и советская работа в Уфе в 1918 г. // Пролетарская революция. – 1928. – № 6-7. – С. 293-318; Шпилев Г. Из истории партийной работы в Сибири при Колчаке // Пролетарская революция. – 1927. – № 1. – С. 67-84.

издавать и распространять «листки о чехословацком и казачьем грабежах», а также дал указание напечатать в виде листовки правительственное заявление о Чехословацком корпусе и историю чехословацкого мятежа²³. В постановлении ЦК РКП (б) «О мероприятиях по укреплению Восточного фронта» от 29 июля 1918 года вопрос об уяснении смысла «чехо-белогвардейского мятежа (так в тексте – А.В.)» увязывался с продовольственным вопросом (необходимость очищения Поволжья, Урала и Сибири от Чехословацкого корпуса для нормализации продовольственного снабжения)²⁴. В дальнейшем многократно указывалось, что причиной ухудшения продовольственной ситуации являлись действия Чехословацкого корпуса.

История Чехословацкого легиона с самого начала рассматривалась в контексте гражданской войны в России. При этом изучение истории корпуса изначально не было беспристрастным. Обращалось внимание лишь на негативные аспекты деятельности легионеров. На корпус перекладывалась ответственность за ухудшение обстановки в стране. Более того, в трудах руководителей Советского государства гражданская война связывалась с Чехословацким корпусом. В.И. Ленин в августе 1921 года говорил о гражданской войне «от чехословаков до Врангеля»²⁵. По словам Л.Д. Троцкого: «Борьба против чехословаков есть гражданская война, потому что на чехословацких наёмников французской биржи опирается русская контрреволюция»²⁶. В дальнейшем советские историки признавали, что выступление Чехословацкого корпуса сыграло «...немалую роль в разжигании гражданской войны»²⁷.

В большевистской литературе особое внимание уделялось обстоятельствам, предшествовавшим выступлению и самому выступлению Чехословац-

²³ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). – Т. I' – М., 1971. – С. 385, 386.

²⁴ Главнокомандующий всеми вооружёнными силами Республики И.И. Вацетис: сб. документов. – Рига, 1978. – С. 50.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 44. – С. 103.

²⁶ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. I. – М., 1923. – С. 144. – Следует подчеркнуть, что в ряде работ Л.Д. Троцкий оценивал борьбу с корпусом, как борьбу против «иноземного империалистического нашествия» и представлял Чехословацкий корпус «орудием чужестранной оккупации» (См.: Троцкий Л.Д. Указ. соч. – С. 144, 218).

²⁷ См. напр.: Краткая история гражданской войны в СССР. – М., 1960. – С. 29.

кого корпуса. Позднее эта проблематика станет традиционной для советской, а затем и российской историографии вплоть до настоящего времени. Мы объясняем данное обстоятельство тем, что от понимания причин, приведших корпус к мятежу, зависит понимание сущности гражданской войны в целом²⁸. В тесной связи с этим вопросом находится также вопрос о её виновниках и организаторах (если вообще правомерно говорить о персональной или групповой ответственности за развязывание гражданской войны).

В большевистской историографии 1920-х годов сложилась схема интерпретации выступления Чехословацкого корпуса, сформировались штампы и стереотипы, которые перешли затем во многие последующие советские издания, прямо или косвенно затрагивавшие указанную проблему. Именно с этого времени Чехословацкий корпус рассматривался в историографии как «остов», «база», «стержень», «становой хребет контрреволюционных сил будущего Восточного фронта»²⁹. Подчёркивалось что, выступление чехословацких легионеров способствовало своеобразной «реанимации» «активных факторов контрреволюции»³⁰. Отмечалось, что антибольшевистские правительства возникли на штыках чехословацких легионеров и существовали под их прикрытием³¹.

Мы согласимся с данным утверждением. Действительно, вплоть до осени 1918 года Чехословацкий корпус являлся основой вооружённых сил антибольшевистского движения на востоке России. Многие антибольшевистские правительства в этом регионе возникли после того, как легионеры свергли здесь Советскую власть. Вместе с тем, подобный подход практически нивелировал значение местных антибольшевистских сил и сводил граж-

²⁸ Следует подчеркнуть, что гражданская война не может быть сведена к противоборству Советской власти с Чехословацким корпусом (по сути дела внешней, интервенционистской силой). Однако изучение обстоятельств, которые привели к конфликту между ними, может способствовать пониманию противоречий и трудностей, имевшихся в российском обществе весной 1918 года в социальной, экономической и политической сферах.

²⁹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М., 1990. Т. I. – С. 28, 142, 192; Там же. – Т. II. – С. 116.

³⁰ Анишев А. Указ. соч. – С. 132, 139, 146; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. I. – С. 54, 187, 199; Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917-1918 гг. – М., 1925. – С. 109, 129.

³¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. I. – С. 54, 145; Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП (б). – Ч. II. – М.; Л., 1929. – С. 138.

данскую войну, в основе которой были свои глубинные причины, к противостоянию российских и иностранных вооружённых сил, что представляется нам неверным по сути и по определению.

Другим стереотипом было утверждение, что legionеры были «обмануты», «одурачены», «одурманены», «ослеплены»³². Так, Н.Е. Какурин³³ писал, что Чехословацкий корпус был обманут «...ловко пущенным провокационным слухом, что его хотят выдать германцам»³⁴. «Лишение сознательности» Чехословацкого выступления было призвано завуалировать его истинные причины.

В вопросе о причинах мятежа большевистская историография исходила из того, что корпус выступил по воле союзников, что его выступление было спланированным и организованным, но было вызвано, «в первые моменты» «влиянием инстинкта самосохранения»³⁵. Такое же мнение содержится в работе А. Анишева³⁶, утверждавшего, что чехословацкие legionеры оказались в безвыходном положении: «...отказ от подчинения союзникам должен был означать переход на сторону Советской власти, так как иначе чехословаки должны были рассеяться, расплыться в чужой стране... Необходимость сохранения своей военной организации заставляла сохранять дисциплину и подчинение командному составу»³⁷.

Подобные версии (что выступление было продиктовано в первую очередь влиянием инстинкта самосохранения) были впоследствии подвергнуты критике в исторической литературе. В.П. Наумов писал, что «...вывод автора (А. Анишева – А.В.) о якобы безвыходном положении корпуса не соответст-

³² Хабас Р. Указ. соч. – С. 65.

³³ Н.Е. Какурин – кадровый офицер, перешедший на сторону Советской власти. В 1921 году вступил в РКП (б) и начал преподавательскую работу в Военной академии РККА (См.: Поликарпов В.Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения). – М., 1980. – С. 259).

³⁴ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 28.

³⁵ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. 1. – С. 41.

³⁶ А.И. Анишев – после Октябрьской революции – сотрудник бюро печати Енисейского губисполкома, редактор ряда местных газет. В сентябре 1919 года вступил в компартию и по мобилизации был отправлен на Восточный фронт. В 1922 годом он работал старшим редактором и начальником военно-политической редакции в Высшем военном редакционном совете. В 1923-25 годах – преподаватель Военно-политического института РККА и РККФ им. Толмачёва (См.: Поликарпов В.Д. Указ. соч. – С. 246-247).

³⁷ Анишев А. Указ. соч. – С. 131.

вовал действительности. Не трудно заметить, что в данном случае А. Анишев попал под влияние буржуазной историографии, проповедовавшей подобную версию»³⁸. По мнению всё того же автора, влияние «буржуазной исторической литературы» при объяснении причин выступления Чехословацкого корпуса испытал на себе и Н.Е. Какурин³⁹.

Более высокой оценки в советской историографии заслужила концепция И. Подшивалова, который писал, что выступление корпуса было не случайным: «Уже одна их зависимость от Антанты, или наличие 20 % русского элемента в составе чехословацкого корпуса (к маю 1918 года), теснейшая связь чешских политических руководителей и верхушки командования с буржуазными кругами русского общества, начавшими борьбу с большевизмом, - всё это неизбежным образом должно было сорвать позицию нейтралитета»⁴⁰. В советской историографии особо приветствовался тот факт, что И. Подшивалов указал на неизбежность мятежа⁴¹.

В официальном сообщении о выступлении Чехословацкого корпуса от 4 июня 1918 года отмечалось, что: «Технические затруднения железнодорожного движения и выступление банд Семёнова в Восточной Сибири вызвали приостановку продвижения чехословацких эшелонов во Владивосток. Этим обстоятельством воспользовались контрреволюционные элементы, вызвавшие своей злонамеренной агитацией выступление чехословацких эшелонов с оружием в руках против Советской власти»⁴².

Мысль о решающем влиянии агитации на выступление Чехословацкого корпуса получит своё развитие в большевистской и далее в советской историографии. В историографии также утвердится мнение, что остановка продвижения чехословацких легионеров на восток была обусловлена «техническими затруднениями», а не сознательной политикой по отношению к корпу-

³⁸ См.: Наумов В.П. Летопись героической борьбы. - С. 124.

³⁹ Там же. - С. 123.

⁴⁰ Подшивалов И. Указ. соч. - С. 126.

⁴¹ См.: Наумов В.П. Летопись героической борьбы. - С. 126.

⁴² Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). - Т. I. - С. 368.

су со стороны Советской власти⁴³.

Агитация, проводившаяся в корпусе, сводилась к следующему содержанию. Прежде всего, «...особенно усердно распространялась клевета о том, что советское правительство тайно сговорилось с германцами о выдаче им чехословаков, как только они будут обезоружены. Этого более всего опасались чехословаки. Австро-германцы могли их рассматривать как перебежчиков из своей армии на сторону противника, а известно, что с перебежчиками в военное время не шутят. Таким образом, враждебная советской власти агитация сильнее всего затрагивала наиболее жизненные, шкурные интересы чехословацкой солдатской массы»⁴⁴. Об этом писали и другие большевистские историки⁴⁵. Однако версии о связях большевиков с германцами квалифицировались советскими историками не иначе, как «басни»⁴⁶ и «клевета»⁴⁷.

Помимо этого, руководители Чехословацкого корпуса внушали рядовым legionерам, что, «...борясь с советами, они будут действовать как революционные социалисты в союзе с русской социалистической партией эсеров»⁴⁸. По словам В. Кармашева, эсеры уверяли чехословацких legionеров, что «...борясь против большевиков, они будут, дескать, бороться против «врагов» русского народа, свободы и «истинной» демократии»⁴⁹.

Таким образом, большевистские историки признавали, что агитация в Чехословацком корпусе опиралась, прежде всего, на чувство самосохранения. Вместе с тем, агитация опиралась не только на *инстинкты*, но и на *убеждения* (приверженность legionеров социалистическим взглядам).

Большевистские историки, характеризуя причины мятежа Чехословацкого корпуса, подчёркивали, что корпус проводил не самостоятельную политику, а зависел от руководства стран Антанты. При этом особо подчёркивал-

⁴³ См.: Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 10-11.

⁴⁴ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 11.

⁴⁵ Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам. – М.; Л., 1927. – С. 220, 223.

⁴⁶ Лелевич Г. Литература о Самарской Учредилке (Обзор второй) // Пролетарская революция. – 1924. – № 8-9. – С. 367.

⁴⁷ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 11.

⁴⁸ Хабас Р. Указ. соч. – С. 60.

⁴⁹ Кармашев В. Последние дни Советской власти в Западной Сибири в 1918 г. – М., 1921. – С. 7.

ся тот факт, что зависимость носила не политический, а финансовый характер. Так, в работе Г. Лелевича⁵⁰ приводилась перепечатка статьи из газеты чехословацких интернационалистов «Průkopník Svobody» («Пионер Свободы»), в которой утверждалось, что политическое и военное руководство Чехословацкого корпуса получило от представителей стран Антанты финансовую помощь на сумму более 15 миллионов рублей. Автор указанной газетной статьи делал вывод, что «...за эти деньги была продана чехословацкая армия французским и английским империалистам»⁵¹. О финансовой зависимости Чехословацкого корпуса от союзников писали многие авторы⁵². В. Владимирова⁵³, помимо всего прочего, указывала на то, что союзники согласились признать независимость Чехословакии, что было своеобразной платой с их стороны за выступление Чехословацкого корпуса⁵⁴.

Следует обратить внимание, что до настоящего времени не опубликовано ни одного документа, который бы подтверждал, что средства Чехословацкому корпус выделялись с условием обязательного выступления против Советской власти. Все подобного рода свидетельства носят косвенный характер. В этой связи, утверждение о подкупе не может быть признано доказанным и обоснованным.

Другим распространённым стереотипом, сложившимся в большевистской историографии, являлось утверждение, что выступление чехословацких легионеров было контрреволюционным и антисоветским. В большевистских изданиях чехословацкие легионеры обвинялись в том, что они нарушили соглашение с большевиками, что их действия способствовали ослаблению и

⁵⁰ Лелевич Г. (наст. Калмансон Л.Г.) – во время революции и гражданской войны был на партийной работе в Орле, Самаре, Гомеле, с 1922 года – в Москве. Редактор ряда газет. Поэт, литературовед, критик. (См.: Поликарпов В.Д. Указ. соч. – С. 215).

⁵¹ Лелевич Г. В дни Самарской учредилки. – Б.м., 1921. – С. 5. – В дальнейшем данный источник стал основным при обосновании тезиса о том, что Чехословацкий корпус был подкуплен Антантой.

⁵² Владимирова В. Указ. соч. – С. 221; Подвойский Н.И. Указ. соч. – С. 7; Хабас Р. Указ. соч. – С. 56.

⁵³ В. Владимирова (наст. Е.М. Хрущёва) – участвовала в революционных событиях в Сибири и Забайкалье. В 1920 году заведовала губпартшколой в Чите. Работала в Истпарте в Москве. Преподавала в Совпартшколе в Севастополе. В Москве преподавала марксизм-ленинизм в высших учебных заведениях. (См.: Поликарпов В.Д. Указ. соч. – С. 285).

⁵⁴ Владимирова В. Указ. соч. – С. 221.

даже свержению Советской власти, а также ухудшению продовольственной ситуации⁵⁵.

Следует обратить внимание на следующее противоречие. С одной стороны, большевистские авторы указывали на то, что чехословацкие legionеры были всего лишь исполнителями чужой воли. С другой стороны, им приписывалось стремление «...посадить у власти буржуазию и социалистов»⁵⁶. Более того, в документах подчёркивалось, что «чехословацкие банды (так в тексте – А.В.)»: «Для своего наступления... *избрали самую страду, когда каждый крестьянин занят в своём поле* (курсив мой – А.В.)»⁵⁷. Приписывание подобных стремлений Чехословацкому корпусу было вызвано стремлением поддерживать общественное мнение в соответствующем тоне, что, в свою очередь, должно было способствовать мобилизации сил и средств на борьбу с корпусом.

В 1920-е годы в большевистской историографии был поставлен вопрос об ответственности (а вернее о неготовности к отражению выступления Чехословацкого корпуса) центральных и местных органов Советской власти⁵⁸.

При этом указывалось, что местные Советы не понимали необходимости борьбы за осуществление приказа о разоружении legionеров, находились в плену иллюзий относительно намерений Чехословацкого корпуса⁵⁹. Местные партийные руководители, в целом подтверждая данное утверждение⁶⁰, вместе с тем отмечали, что они выражали обеспокоенность продвижением Чехословацкого корпуса на восток и стали «бомбардировать» центр просьбами о прекращении движения Чехословацкого корпуса на Пензу, отправки

⁵⁵ Анишев А. Указ. соч. – С. 145; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. I. – С. 115.

⁵⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). – Т. I. – С. 386.

⁵⁷ Обращение организации РКП (б) I Армии к рабочим и крестьянам о вступлении в ряды Красной Армии и о защите завоеваний революции, Июль 1918 г. // Симбирская губерния в годы гражданской войны: сб. документов. – Т. I. – Ульяновск, 1958. – С. 124.

⁵⁸ См.: Анишев А. Указ. соч. – С. 135.

⁵⁹ Анишев А. Указ. соч. – С. 135; Подшивалов И. Указ. соч. – С. 177.

⁶⁰ Буцевич А. Указ. соч. – С. 262-263; Германов Л. Указ. соч. – С. 16.

его через Сибирь и т.д.⁶¹. В то же время, Л. Германов⁶² признавал, что во время переговоров велись приготовления к вооружённому противоборству и работа по разложению рядов Чехословацкого корпуса⁶³.

Характерно, что стремление разрешить надвигавшийся конфликт мирным путём приписывалось лишь местным органам Советской власти, но никак не legionерам Чехословацкого корпуса⁶⁴, согласие на переговоры с их стороны расценивалось как тактический шаг⁶⁵.

Таким образом, на этом этапе был поставлен весьма важный вопрос об ответственности центральных и местных органов Советской власти за то, что мятеж вспыхнул и не был быстро и решительно подавлен. Как мы можем видеть, в литературе приводились различные точки зрения, и авторы не пришли к какому-либо единому мнению. Также обратим внимание на то обстоятельство, что на данном этапе ещё не ставился вопрос о персональной ответственности за развязывание мятежа.

Интересно, что, стараясь подчеркнуть неизбежность мятежа Чехословацкого корпуса, и большевистские, и меньшевистские авторы обращались к истории его формирования, а также к характеристике его социального состава.

Данный вопрос не был выделен в качестве отдельного самостоятельного объекта изучения. В большевистской литературе содержались различные мнения относительно социального состава Чехословацкого корпуса. А. Анишев писал о «преимущественно пролетарском составе»⁶⁶. Н.Е. Какурин указывал, что солдатская масса в большинстве своём состояла из «...тёмного

⁶¹ Германов Л. Указ. соч. – С. 16; Доклад председателя Симбирского губисполкома 7-му губернскому съезду Совсторов о работе исполкома с мая 1918 г. по январь 1919 г. // Симбирская губерния в годы гражданской войны: сборник документов. – Т. 1. – С. 369; См. также: Максиков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918). – М.; Л., 1926. – С. 60.

⁶² Л. Германов – член исполкома в Омске в дни выступления Чехословацкого корпуса

⁶³ Германов Л. Указ. соч. – С. 18, 21.

⁶⁴ Алексеев В. Указ. соч. – С. 49, 51, 54, 55

⁶⁵ Буцевич А. Указ. соч. – С. 264, 265.

⁶⁶ См.: Анишев А. Указ. соч. – С. 131.

чешского и словацкого крестьянства»⁶⁷. Продолжая свою мысль, он указывал, что солдатская масса «...не в состоянии была самостоятельно разобраться в происходящем. Она легко поддавалась на провокацию и глухо волновалась»⁶⁸. Тем самым, он хотел обосновать тезис о том, что чехословацкие легионеры были «одурачены», «одурманены» (ибо они были «не в состоянии разобраться в происходящем»). Стремление представить выступление чехословацких легионеров лишь как реакцию на агитацию, проводившуюся в корпусе, призвано было завуалировать более глубокие причины выступления.

Утверждение, что выступление Чехословацкого корпуса было спровоцировано агитацией «контрреволюционного офицерства» войдёт в историческую литературу в качестве аксиомы и не будет требовать (по мнению советских историков) доказательства. Изучение социального состава корпуса практически прекратится.

Большевистские авторы неоднократно писали о симпатиях чехословацких легионеров социалистическим взглядам⁶⁹. Данное утверждение прочно закрепилось в историографии и признаётся всеми историками, как отечественными, так и зарубежными. Разница, заключалась лишь в том, что в зависимости от пристрастий различных авторов, данный факт оценивался по-разному. В данном случае, предрасположенность чехословацких легионеров к социалистическим идеям была, в понимании большевистских историков не положительным, а отрицательным фактором, так как сближала их с эсерами.

В большевистской историографии подчёркивалось, что в корпусе была жёсткая дисциплина, основанная на муштре. На это, в частности, указывалось ещё в обращении Пензенского Военно-Революционного Комитета к на-

⁶⁷ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 11.

⁶⁸ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 11.

⁶⁹ Анишев А. Указ. соч. – С. 130; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. 1. – С. 41; Подвойский Н.И. Указ. соч. – С. 8.

селению города от 1 июня 1918 года⁷⁰. По словам В. Владимировой, «...ни Февральская, ни Октябрьская революция не коснулась чехословацких войск: там продолжала господствовать старая царская дисциплина. Офицерского состава в чешском корпусе было в два раза больше, чем в русских частях. На каждые 16 человек приходился один офицер. Кроме того, значительное число русских черносотенных генералов и офицеров нашли убежище в чехословацких частях»⁷¹. Об этом же писал Н.И. Подвойский⁷². О том, что Чехословацкому корпусу изначально был присущ реакционный дух, писал В. Алексеев⁷³.

Забегая вперёд, можно отметить, что подобные оценки противоречили мнениям, высказывавшимся в небольшевистской историографии, а также мнению самих легионеров. Объяснение подобному расхождению в своей работе дал Н.И. Подвойский, который писал, что «...среди чехословаков главное политическое движение было национальное, в котором играла самую крупную роль, конечно, крупная буржуазия, в значительной части мелкая буржуазия и отчасти ремесленники, мало сознательные рабочие, которые назывались национальными социалистами»⁷⁴. Более того, он указывал, что «...реакционные, буржуазные и мелкобуржуазные элементы, к которым отчасти примыкали и соглашатели-социалисты» входившие в Чехословацкий Национальный Совет, хотели «...решить у себя в Чехии чешский вопрос буржуазным путём»; «...чехи подняли руку на нашу Советскую Федеративную Республику, они с оружием захотели разрешить свой вопрос»⁷⁵. Вот в чём заключалась причина столь разительных оценок. Дело в том, что большевики и их оппоненты (в данном случае легионеры) понимали революцию по-разному. Последние хотели решить свой чешский вопрос «буржуазным путём». В литературе подчёркивалось, что работа Н.И. Подвойского носила

⁷⁰ Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920): сб. документов и материалов. – Пенза, 1960. – С. 84.

⁷¹ Владимиров В. Указ. соч. – С. 220.

⁷² Подвойский Н.И. Указ. соч. – С. 6-7.

⁷³ Алексеев В. Указ. соч. – С. 45, 46.

⁷⁴ Подвойский Н.И. Указ. соч. – С. 4.

⁷⁵ Там же. – С. 4, 12.

агитационный характер. Одной из её задач было стремление объяснить причины столкновения с Чехословацким корпусом, а для этого подчеркнуть разногласия между ним и большевиками. Мы можем сказать, что автор, в этом случае, справился со своей задачей. Однако в дальнейшем утверждение о том, что в основе действий Чехословацкого корпуса лежали национальные мотивы («национальный эгоизм») не получит своего развития в литературе.

Н.Е. Какурин высказал оригинальную, для большевистской историографии того времени, точку зрения, согласно которой вся предшествовавшая история чехословацкого войска в России свидетельствовала о его стремлении уклониться от участия в гражданской войне, несмотря на «...желание контрреволюционеров привлечь их на свою сторону. Равным образом, по видимому, этому корпусу мало улыбались и виды на него миссий Антанты как на ядро будущего нового Восточного фронта»⁷⁶. Он подчёркивал, что Чехословацкий корпус заявил о своём невмешательстве в борьбу противостоящих сил сразу же после Октябрьской революции и придерживался этого принципа «в первое время»⁷⁷: «В ходе столкновения войск Муравьёва с войсками Центральной рады в январе 1918 г., части чехословацкого корпуса, которые вступили в соприкосновение с войсками Муравьёва на р. Трубеж, заявили о своём нейтралитете»⁷⁸.

Донесения представителей Советской власти с мест в первые дни выступления Чехословацкого корпуса подтверждают это утверждение. В этих донесениях подчёркивалось, что чехословацкие легионеры требовали продовольствие и свободное продвижение с оружием во Владивосток⁷⁹.

Существовала и другая интерпретация подобного поведения Чехословацкого корпуса. По словам Н.И. Подвойского, легионеры не оказали помощи частям Красной Армии в борьбе с наступающими в марте 1918 года не-

⁷⁶ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. 1. – С. 193.

⁷⁷ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 5.

⁷⁸ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. 1. – С. 167.

⁷⁹ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). – Т. I. – С. 360, 361, 364.

мецкими войскам и были обвинены им во враждебном нейтралитете⁸⁰. Об этом же писала В. Владимирова⁸¹. К подобному выводу Н.И. Подвойского и В. Владимирову подталкивала неумолимая и жёсткая логика гражданской войны: «Кто не с нами, тот против нас». Интересно, что при этом ни Н.И. Подвойский, ни В. Владимирова не упомянули о благодарности, которую вынес командующий советскими войсками на Украине В.А. Антонов-Овсеенко частям Чехословацкого корпуса, о чём писали многие чехословацкие, английские и американские авторы⁸².

Ещё одной важной темой большевистской историографии проблемы был вопрос о причинах, по которым Чехословацкий корпус покинул фронт.

А. Анишев отмечал, что: «Первый кризис чехословацкой армии проявился вокруг Колчаковского переворота 18 ноября»⁸³. При этом он связывал его с упразднением войсковых комитетов.

Чехословацкий корпус окончательно покинул фронт к концу зимы 1918 года. Чехословацкие части покидали фронт и направлялись в тыл, подчёркивая тем самым своё отрицательное отношение к новой власти во главе с А.В. Колчаком⁸⁴.

По словам Н.Е. Какурина, «...оставление чехами фронта гражданской войны началось с конца 1918 г.»⁸⁵. При этом, стремление легионеров Чехословацкого корпуса домой объяснялось им не только тем, что они начали тяготиться войной, но также и тем, что «...солдатская масса их понемногу стала прозревать, и кроме того им хотелось поскорее вернуться домой и приступить к дележу награбленного добра»⁸⁶.

Весьма драматично складывались отношения Чехословацкого корпуса

⁸⁰ Подвойский Н.И. Указ. соч. – С. 11.

⁸¹ Владимирова В. Указ. соч. – С. 222.

⁸² См. напр.: Голчек В. Чехословацкое войско в России. – Prague, б.г. – С. 7; Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. – Vol. II. – New York, 1952. – P. 3; Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917-1920. – Vol. II. The Decision to Intervene. Princeton, 1958. – P. 139-140.

⁸³ Анишев А. Указ. соч. – С. 245.

⁸⁴ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – Т. I. – С. 57.

⁸⁵ Там же. – С. 42.

⁸⁶ Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 32.

с А.В. Колчаком. Подчёркивался тот факт, что участие Чехословацкого корпуса в охране железнодорожной магистрали и подавлении восстаний в тылу объективно способствовало поддержке колчаковского режима⁸⁷. Драматизм ситуации заключался в том, что «...чехи должны были охранять железную дорогу, перешедшую в руки союзников, так как этого требовали союзники, но они охраняли её и потому, что это был единственный путь для возвращения домой. Такое положение сдерживало кризис чехословацкой армии»⁸⁸. Чехословацкие легионеры сами ощущали драматизм своего положения⁸⁹.

Несмотря на все те негативные оценки, которыми был наделён Чехословацкий корпус; несмотря на то, что действия чехословацких легионеров имели своим результатом негативные последствия, большевистские историки видели и положительный момент в деятельности Чехословацкого корпуса. И. Подшивалов назвал чехословацких легионеров «первыми учителями советской армии», которые «...в ряде успешных боёв дали ряд горьких уроков Уральским рабочим и крестьянам и глубоко воздействовали на сознание последних»⁹⁰. Однако наиболее яркие и эффектные слова по этому поводу принадлежат Л.Д. Троцкому: «Можно сказать, что если бы чехословаков не было, то их следовало бы выдумать, ибо в обстановке мирного времени нам никогда не удалось бы создать в короткий срок сплочённой, дисциплинированной геройской армии»⁹¹. Это позволило ряду российских историков в 1990-е годы обвинить в развязывании мятежа большевиков.

В небольшевистской историографии интерес к истории Чехословацкого корпуса в России был выражен более подчёркнуто и явно. Особый интерес к истории корпуса проявили его прежние союзники – эсеры (особенно бывшие комучевцы), социалисты других направлений. При этом, мы можем

⁸⁷ Анишев А. Указ. соч. – С. 245; Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. – С. 47, 70.

⁸⁸ Анишев А. Указ. соч. – С. 245.

⁸⁹ См. Меморандум Чехословацкого Национального Совета от 13 ноября 1919 года / Архив русской революции. В 22 т. – Т. 10. – М., 1991. – С. 178.

⁹⁰ Подшивалов И. Указ. соч. – С. 179. – См. также: Анишев А. Указ. соч. – С. 141

⁹¹ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. – М.; Л., 1926. – С. 531-532.

выделить две группы изданий. К первой мы отнесём работы тех, кто остался в России и образовал группу «Народ»⁹². К этой же группе изданий мы можем отнести работы И.М. Майского и Е.Е. Колосова⁹³. Ко второй группе мы отнесём труды тех, кто волею судеб, оказался в эмиграции. Так, бывшие участники «Волжского движения» оказались в Праге и издавали там свои труды⁹⁴. Для этих работ характерно много общего, на различиях остановимся ниже.

Бывшие комучевцы отмечали, что ими двигало стремление к накоплению и сохранению материала для последующих историков, которые и смогут определить истинную роль Чехословацкого корпуса в событиях гражданской войны в России. Н.В. Святицкий рассматривал свои очерки «К истории Всероссийского Учредительного собрания» как «...сырой материал для будущих историков Русской Революции»⁹⁵.

Различия, заключались в том, что представители первой группы изданий, объясняли свой интерес к проблеме тем, что «...чехам суждено было сыграть столь крупную роль в поражении демократии на востоке, что следует уже теперь, хотя бы вкратце, рассказать то, что нам известно»⁹⁶; в то время как представители второй группы изданий указывали на то, что помощь Чехословацкого корпуса Комучу «...была так значительна, что не представляется возможным не сказать об этом несколько слов»⁹⁷.

Не случайно, в связи с этим, что российские социалисты посвятили в своих трудах Чехословацкому легиону отдельные главы и параграфы⁹⁸.

По мнению бывших комучевцев, Чехословацкий корпус был основой

⁹² Буревой К. Колчаковщина.– М., 1919; Буревой К. Распад. 1918-1923.– Б.м., 1923; Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак.– М., 1920; Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре-декабре 1918 г.– М., 1921; Святицкий Н.В. Реакция и народо-властие (Очерк событий на востоке России).– М., 1920.

⁹³ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке.– Пг., 1923; Майский И. Демократическая контрреволюция.– М.; Пг., 1923.

⁹⁴ См. напр.: Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый.– Прага, 1930.

⁹⁵ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 3.

⁹⁶ Там же. – С. 79.

⁹⁷ Николаев С.Н. Политика «Комуча» // Гражданская война на Волге в 1918 г. – С. 143.

⁹⁸ См.: Майский И. Указ. соч. – С. 164-174; Колосов Е.Е. Указ. соч. – С. 146-183; Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 79-84.

вооруженных сил антибольшевистского движения в Поволжье⁹⁹. В подобном отношении мы можем проследить некоторое сходство большевистской и не-большевистской историографии. Возможно, что именно по этой причине в Советской России публиковались труды многих вчерашних противников (то есть потому, что они разоблачали сами себя, а признание из уст своего вчерашнего противника звучит особенно ценно). Особенно показательна в этом отношении книга И.М. Майского «Демократическая контрреволюция», опубликованная в Москве и Петрограде в 1923 году. И.М. Майский был одним из лидеров партии меньшевиков, членом ЦК, министром труда в правительстве Комуча, перешедшим затем на сторону Советской власти.

Бывшие комучевцы рассматривали Чехословацкий корпус как единый социальный организм, имевший свои особенности. Рассматривалась история его формирования, давалась политическая и психологическая характеристика легионеров.

Представители небольшевистского направления особо подчёркивали, что чехословацкая армия по своему составу «...была довольно демократична: она состояла, главным образом, из крестьян и рабочих; в ней было много социалистов различных оттенков, как среди солдат, так и среди командного состава; отношение между нижними чинами и офицерами в ней носили вполне человеческий характер. Внутренняя организация армии сильно напоминала советскую систему, так как верховным органом последней являлся съезд представителей военных частей, избравший Национальный Совет чехословацких войск в России»¹⁰⁰. По словам секретаря Комуча С.Н. Николаева, Чехословацкий корпус состоял из крестьян и рабочих; по составу, методам и формам организации армия была демократической¹⁰¹. Е.Е. Колосов¹⁰² так ха-

⁹⁹ Бурсвой К. Колчаковщина. – С. 10; Бурсвой К. Распад. – С. 45; Майский И.М. Указ. соч. – С. 63, 174; Святицкий Н.В. Реакция и народовластие. – С. 6, 9.

¹⁰⁰ Майский И. Указ. соч. – С. 167-168.

¹⁰¹ Николаев С.Н. Указ. соч. – С. 145.

¹⁰² Е.Е. Колосов – эсер, народник. В ноябре 1917 года был заочно избран в Учредительное Собрание по эсеровскому списку. Зимой 1917 года провёл в Петербурге и снова очутился в Сибири летом 1918 года, тотчас после чехословацкого переворота. Пробыл в Сибири до начала 1922 года. (См.: Авдеев Н. Рец. на: Колосов

рактизовал дух чехословацкой армии: «Патриотическое чувство, глубоко вкоренившееся в чешскую армию и воспитавшееся веками, спаивало её в революционно-националистическую когорту с сильным социалистическим оттенком»¹⁰³. Особо подчёркивались приверженность чехословацких легионеров социалистическим идеям и их симпатии к социалистам¹⁰⁴.

Несмотря на наличие благоприятных предпосылок, контакт между легионерами и российскими социалистами устанавливался непросто. Об этом, в частности, писал И. Майский в своей работе «Демократическая контрреволюция», описывая переговоры И.М. Брушвита с легионерами в Пензе¹⁰⁵. Что же заставило легионеров оказать помощь российским социалистам и вмешаться в итоге в события в России? Официальная версия содержится в «Вестнике Комуча» от 6 сентября 1918 года: «В Сызрани, когда явился к докладчику (И.М. Брушвиту – А.В.) мальчик и привёз подробные сведения о расположении большевистских войск, чехи стали убеждаться, что в Самаре имеется надлежащая организация. Ещё большее впечатление произвела на них присылка Бурцевым подробного плана полковника Галкина, как взять Самару. Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Тимашевского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян, доставивших чехам провизию и всё необходимое, а также восстание Уральских казаков окончательно убедило чехов, что Россия может возродиться и они решили взять Самару»¹⁰⁶.

По мнению С.Н. Николаева, объединению комучевцев и легионеров способствовал не только общий враг, но и то, что у этих двух сил была общая политическая и социальная программа; чехословацкие легионеры имели «...искреннее желание помочь русскому народу в деле свержения коммуни-

Е.Е. Сибирь при Колчаке. – Пг.: Былое, 1923. – 190 с. // Пролетарская Революция. – 1923. – № 6-7 (18-19). – С. 303).

¹⁰³ Колосов Е.Е. Указ. соч. – С. 150.

¹⁰⁴ Николаев С.Н. Указ. соч. – С. 145; Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 81.

¹⁰⁵ Майский И. Указ. соч. – С. 47-48.

¹⁰⁶ Цит. по: Лелсвич Г. В дни Самарской учредилки. – С. 7.

стической власти»¹⁰⁷.

В литературе социалистического направления выстраивается следующая последовательность событий: «Уже когда чехословаки стали двигаться на восток, они, не без влияния, конечно, союзников, решили остаться в России и вступить в борьбу с немцами на русской территории. А так как этой борьбе оказала бы препятствие Советская Россия, заключившая в Бресте мир с Германией, то, в первую очередь, чехословаки решили помочь низвергнуть Советскую власть в России, в целях утверждения власти Всероссийского Учредительного Собрания»¹⁰⁸.

Таким образом, подчёркивалось, что Советская власть вызывала у легионеров неприязненное отношение не сама по себе, а как ассоциация с их злейшим на тот момент врагом – Германией. В литературе данного направления подчёркивался тот факт, что легионеры не имели идейных противоречий с большевиками, более того они «...признавали большевизм явлением чисто русской жизни, но были слишком европеизированы, чтобы понимать его по-русски»¹⁰⁹. В то же время, подчёркивалась приверженность легионеров социалистическим взглядам.

Сами легионеры при этом многократно подчёркивали, что они воюют за народовластие, но что их помощь носит лишь временный характер¹¹⁰. На последнее обстоятельство обращали внимание бывшие участники «Волжского движения» (как они сами себя называли) в изданном в 1930 году в Праге сборнике «Гражданская война на Волге в 1918 г.»¹¹¹. При этом указывалось, что комучевцы исходили из того, что легионеры не могли оставить волжский фронт, не обеспечив надёжный тыл; они рассчитывали также и на то, что чехословацкие легионеры любили Россию «...какой-то романтической сынов-

¹⁰⁷ Николаев С.Н. Указ. соч. – С. 145.

¹⁰⁸ Святицкий Н.В. Реакция и народовластие. – С. 5.

¹⁰⁹ Колосов Е.Е. Указ. соч. – С. 152.

¹¹⁰ См.: Буревоу К. Распад. – С. 13; Майский И.М. Указ. соч. – С. 48, 51, 52.

¹¹¹ Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. – С. 94; Щепин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. – С. 177.

ней любовью, видящие в большевиках зло и гибель для России, не могли оставить Волги, не оказав содействия движению, направленному к спасению и освобождению так любимой и так дорогой для них России»¹¹².

Легионеры помогали комучевцам не только словом, но и делом. Уже было указано, что Чехословацкий корпус, по оценке комучевцев, составлял основу антибольшевистских вооружённых сил на востоке России вплоть до осени 1918 года. Помимо этого, легионеры выступили с инициативой образования так называемых русско-чешских батальонов, которые представляли собой «...воинские части, состоявшие из русских солдат, которых организовывали чехи, - они же поставляли и командный состав. Набирать же добровольцев в эти части должны были мы. Мы же имели право распоряжаться этими частями, а также право надзора за офицерским составом, отстраняя от командования мало надёжных для нас (в демократическом смысле) офицеров»¹¹³. Чехословацкие легионеры с большой охотой шли на формирование русско-чешских батальонов, которые, по словам Н.В. Святицкого, были более демократичны по своему составу и оценивались самими комучевцами как «оплот демократии»¹¹⁴. Более того, чехословацкие легионеры сами выступили с инициативой создания подобных частей и рассматривали этот процесс в качестве одного из элементов процесса демократизации «военного дела»¹¹⁵. Так, майор Медек в своей телеграмме из Челябинска в Екатеринбург (полученной 23 ноября 1918 г.), заявил, что: «Формирование русско-чешских полков поддерживается»¹¹⁶. О содействии и благожелательности чехословацких военных властей писал также уполномоченный Уральского Областного Правительства по г. Кунгуру и Кунгурскому уезду А.В. Челноков¹¹⁷.

Чехословацкие легионеры предлагали свои услуги Директории, после

¹¹² Климущкин П.Д. Указ. соч. – С. 95.

¹¹³ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 76.

¹¹⁴ Там же. – С. 85.

¹¹⁵ Майский И. Указ. соч. – С. 160-161.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

¹¹⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 57. Л. 112-113. - Цит. по: Антибольшевистское правительство (Из истории белого движения): Сб. док. /Сост. С.П. Васильченко, О.А. Васьковский, Е.П. Сичинский, Т.И. Славко.- Тврь, 1999. – С. 150-152.

того, как она переехала в Омск, заявляя, что они «...в «два часа» расчистят Омск от всей реакционной «сволочи», как они выражались. Омских реакционеров чехи ненавидели»¹¹⁸. Причём, впервые подобное предложение прозвучало во время Государственного совещания в Уфе¹¹⁹. Руководство Директории отказалось использовать помощь Чехословацкого корпуса, мотивируя это тем, что «...невозможно, чтобы Директория утвердила свою власть помощью иностранных штыков»¹²⁰.

Отношения чехословацких легионеров с представителями социалистических партий претерпели некоторую эволюцию. Перелом пришёлся на осень 1918 года, когда легионеры стали воевать с меньшим энтузиазмом¹²¹. В литературе назывались разные причины этого: усталость от непрерывных боёв (подчёркивалось, что легионеры вынесли на своих плечах всю тяжесть летней и осенней кампании)¹²², малодушие после первых серьёзных поражений, завершение мировой войны и поражение в ней главных врагов на тот момент - Германии и Австро-Венгрии¹²³, наконец, образование независимой Чехословакии.

Легионеры Чехословацкого корпуса выражали разочарование тем, что те политические силы, которым они оказывали помощь и поддержку, и за которые сражались на фронте, оказались не способны сформировать армию, что свидетельствовало, по их мнению, об отсутствии у этих сил реальной социальной опоры: «Пока чехословаки верили в жизнеспособность эсеровско-меньшевистской «демократии», они оказывали ей энергичную поддержку.... Однако в политике законодательствует не чувство, а рассудок. И по мере того, как начинала выясняться военно-государственная импотентность «демократии», ослабевали и симпатии к ней со стороны чехословаков. Осенью

¹¹⁸ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 64; Майский И.М. Указ. соч. – С. 308.

¹¹⁹ Майский И.М. Указ. соч. – С. 254.

¹²⁰ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 65.

¹²¹ Там же. – С. 80.

¹²² Майский И.М. Указ. соч. – С. 260; Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 39, 73; Святицкий Н.В. Реакция и народовластие. – С. 11.

¹²³ Майский И.М. Указ. соч. – С. 341.

1918 г. чехословаки уже достаточно ясно выражали своё разочарование»¹²⁴.

Противоречия внутри Чехословацкого корпуса особенно ясно проявились в момент свержения Директории. Легионерам, – и об этом говорят практически все авторы, – был в силу их демократических убеждений органически чужд А.В. Колчак. Представители Отделения Чехословацкого Национального Совета – органа верховного политического руководства чехословацким движением в России – выступили с протестом против омского переворота, в связи с тем, что это была недемократическая мера и она привела к власти реакционного, по их мнению, правителя. В литературе приводились факты того, что союзникам приходилось особо сдерживать чехословацких легионеров от активных действий против переворота. Так, по словам К. Буревого, союзники препятствовали чехословацкому выступлению против А.В. Колчака¹²⁵. Вместе с тем, легионеры, пусть и под давлением со стороны представителей стран Антанты, отказались от поддержки Директории. Был найден определённый компромисс: легионеры не предпринимали активных действий против нового правительства, но не желали сражаться за А.В. Колчака и просто расходились с фронта¹²⁶. При этом особо подчёркивался тот факт, что за А.В. Колчака не желала воевать солдатская масса¹²⁷. Подчёркивалось различие позиций руководства корпуса и солдатской массы. Если военное руководство оказывало А.В. Колчаку поддержку «...по доброй воле, по сочувствию, по социальному психологическому сродству, а также в силу политического расчёта», то низы, чехословацкая солдатская масса «...оказывали такую поддержку невольно, попавши в заколдованный круг сложных международно-дипломатических отношений, разорвать который они просто не знали как, не умели, так как были загипнотизированы мыслью о том, чтобы найти выход на родину, получить который без той же междуна-

¹²⁴ Там же. – С. 171.

¹²⁵ Буревой К. Колчаковщина. – С. 23.

¹²⁶ Колосов Е.Е. Указ. соч. – С. 146, 147; Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 139, 141.

¹²⁷ Колосов Е.Е. Указ. соч. – С. 146.

родной дипломатии они не могли»¹²⁸.

Таким образом, в противоречие между собой вступили два значимых для легионеров мотива: социалистические убеждения и зависимость от союзников. При этом второй мотив, судя по всему, оказался решающим. Характерно, что даже в первые недели выступления легионеры поступали не в соответствии со своими политическими убеждениями, а в соответствии с принципом целесообразности: в Сибири «...чехословаки не встретили ни учредителей, ни вообще сколько-нибудь организованные силы русской демократии. Между тем, приличия требовали, чтобы гражданская власть после ухода большевиков оставалась чисто русской властью. Чехи поступили весьма неразборчиво, но весьма просто: той власти, которая в Западной Сибири успела раньше сорганизоваться, они всецело и оказали поддержку»¹²⁹.

Бывшие комучевцы сошлись во мнении, что «самоустранению» Чехословацкого корпуса от участия в восстании против А.В. Колчака и от «защиты демократии» способствовала позиция союзников: «Эта перемена чешской политики не могла быть неожиданной и странной, чехословацкая республика стояла в полной зависимости от союзников и была им обязана самим фактом своего существования. А союзники в это время совершенно определённо перешли на сторону Колчака»¹³⁰.

Взаимоотношения Чехословацкого корпуса с представителями стран Антанты – это отдельный сюжет, который может быть выделен в трудах историков социалистического направления. Они указывали, что в основе зависимости Чехословацкого корпуса от союзников лежал не финансовый аспект, а аспект политический или даже национально-политический: «...воля союзников для чехов была свята, ибо от этой воли зависело основание самостоятельного чехословацкого государства, ради которого чехи и приняли участие

¹²⁸ Там же. – С. 33, 166; Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 80-81.

¹²⁹ Святицкий Н.В. Реакция и народовластие. – С. 6.

¹³⁰ Колосов Е.Е. Указ. соч. – С. 154. – См. также: Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 80.

в событиях [в] России»¹³¹. При этом подчёркивалось, что выступив против Советской власти, legionеры «...надеялись завоевать, вернее – получить в награду независимость и самостоятельное государственное существование своего народа. Ради этой цели они пошли на образование противогерманского восточного фронта, а так как для этого необходимо было свергнуть Советскую власть, то они и начали именно с этого дела. Демократы по убеждениям, они с тем большей охотой пошли войной против большевиков, что своим восстанием они оказывали существенную помощь Всероссийскому Учредительному Собранию. И действительно, чехословацкие войска гордились тем, что они оказывают поддержку народовластию и действуют под знаменем Учредительного Собрания»¹³².

Достоинство данной точки зрения заключается в том, что авторы пытались рассматривать корпус не как слепое орудие в руках Антанты, а как субъект политического действия, имевший не только ресурсы (в виде вооружённой силы), но и собственные интересы и мотивы поведения. В дальнейшем в отечественной историографии связь между деятельностью Чехословацкого корпуса в России и образованием независимой и самостоятельной Чехословакии практически перестанет прослеживаться.

Представители данного направления прямо обвиняли legionеров Чехословацкого корпуса в том, что они предали идеалы демократии. Так, Н.В. Святицкий характеризовал действия (или вернее бездействие) чехословацкого командования после Омского переворота как «чёрное предательство», «неслыханное преступление чешских предателей», «прямая измена обещаниям, данных демократии и прямое пособничество гнусному делу разгона чёрной сотней первого русского всенародного представительства», «чёрная измена»¹³³. Что касается бывших комучевцев, оказавшихся в эмиграции, то они

¹³¹ Святицкий Н.В. Реакция и народовластие. – С. 26.

¹³² Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 79; См. также: Майский И. Указ. соч. – С. 165-166.

¹³³ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 108, 114, 83.

даже по прошествии лет высоко оценивали заслуги Чехословацкого корпуса перед Комучем и считали его помощь значительной¹³⁴. При этом ни слова не говорилось об измене или предательстве.

Вместе с тем, по словам И. Майского: «Вмешательство чехов в российскую революцию навсегда останется тяжёлым воспоминанием для трудящихся масс Советской Республики... Гражданская война никогда не приняла бы таких ожесточённых форм и таких грандиозных размеров, какими она ознаменовалась; возможно даже, что не было бы и гражданской войны в подлинном смысле этого слова. Весьма вероятно, что дело ограничилось бы лишь небольшими местными восстаниями контрреволюционного характера, с которыми советская власть справилась бы без большого труда. Словом, весь ход событий изменился бы»¹³⁵.

Авторы данного направления описывали факты разложения в Чехословацком корпусе после перевода его в тыл. Это выражалось в том, что легионеры занялись «пьянством и спекуляцией»¹³⁶. Также описывались картины роста недовольства чехословацкими легионерами среди населения и армии¹³⁷.

Бывшие комучевцы утверждали, что чехословаки в России руководствовались не верностью идеалам революции или демократии, а своими «эгоистическими» «националистическими» интересами: «Такова грустная и некрасивая история чехов в России, людей, осмелившихся в своих эгоистических целях поставить интересы империалистов Антанты выше интересов демократии великой братской страны»¹³⁸.

Справедливости ради, следует подчеркнуть, что на протяжении лета и осени 1918 года по отношению к чехословацким легионерам употреблялась

¹³⁴ Николаев С.Н. Указ. соч. – С. 143, 146.

¹³⁵ См.: Майский И. Указ. соч. – С. 166-167. – При оценке данного утверждения следует помнить, что И.М. Майский к моменту написания указанных строк состоял в коммунистической партии.

¹³⁶ Майский И. Указ. соч. – С. 342.

¹³⁷ Колосов Е.Е. Указ. соч. – С. 147.

¹³⁸ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. – С. 84.

такая характеристика, как «доблестные»; к ним обращались как к «братьям»¹³⁹. Даже в официальных постановлениях и приказах они характеризовались как «доблестные союзники чехословаки»¹⁴⁰. Подобные примеры, когда оценки встречавшиеся в официальных документах, переходят затем в труды историков, можно найти и в большевистской историографии.

Для работ авторов либерального и монархического направления характерен значительный интерес к истории Чехословацкого корпуса в России. Появлялись специальные работы, посвящённые Чехословацкому корпусу¹⁴¹, некоторые авторы посвятили Чехословацкому корпусу отдельные главы в своих работах и воспоминаниях¹⁴². Практически все авторы, за исключением В. Лазаревского, рассматривали Чехословацкий корпус в контексте гражданской войны в России. В. Лазаревский и В.С. Драгомирецкий, помимо всего прочего, рассматривали чехословацкое освободительное движение в целом, более подробно. Бывший председатель Сибирской Областной Думы И.А. Якушев в своей рецензии на книгу В.С. Драгомирецкого, приветствуя её появление, заявил, что «...в ней впервые даётся исчерпывающий очерк пребывания чехословаков в России за 1914-1920 гг.»¹⁴³.

Интерес к истории Чехословацкого корпуса был обусловлен различными причинами. Чаще всего, авторы писали о своём стремлении объективно разобраться в событиях гражданской войны в целом и роли в ней Чехословацкого корпуса, в частности¹⁴⁴.

Однако гораздо чаще авторы обращались к изучению данного вопроса

¹³⁹ См. напр.: выступление Н.Д. Авксентьева на Государственном совещании в Уфе 8 сентября 1918 года / Майский И.М. Указ. соч. – С. 216.

¹⁴⁰ См. напр. Приказ Комуца № 77 от 5 июля 1918 года.- Лелевич Г. В дни самарской учредилки. – С. 13.

¹⁴¹ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914-1920 гг.– Париж-Прага, 1928; Котомкин А. О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918-1920. Воспоминания и документы.– Париж, 1930; Лазаревский В. Россия и Чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914-1918 гг. / С предисловием В.В. Шульгина.– [Париж], [1927]; Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство).– [Берлин, 1930]; Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири.– Токио, 1921.

¹⁴² См.: Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства). В 2-х тт. – Пекин, 1921. – Т. II. – Гл. XXVIII. – С. 516-535; Сахаров К.В. Белая Сибирь: Внутренняя война, 1918-1920.– Мюнхен, 1923. – Гл. V. – С. 212-241.

¹⁴³ Якушев И.А. Рец. на: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914-1920 гг.– Париж-Прага, 1928.– III, 219 с. // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 176.

¹⁴⁴ См.: Котомкин А. Указ. соч. – С. 5.

стремясь провести определённые идеи. В.С. Драгомирецкий в предисловии к своей работе «Чехословаки в России. 1914-1920» отмечал, что его цель: «...устранить всякие недоразумения между славянами и углубить мысль о необходимости славянского единения»¹⁴⁵. В отечественной историографии существует мнение, что В.С. Драгомирецкий выступил в защиту Чехословацкого корпуса¹⁴⁶. Действительно, для работ В. Лазаревского и В.С. Драгомирецкого характерны более мягкие, либеральные и даже в чём-то оправдательные оценки Чехословацкого корпуса.

Обращает на себя внимание тот факт, что уже при постановке задачи на изучение истории Чехословацкого корпуса давала знать о себе позиция автора; наблюдалась некоторая заданность и предопределённость выводов. Так, В. Лазаревский, отмечая, что в рамки его книги «...не входит исследование Сибирской эпопеи», вместе с тем выражал пожелание, чтобы «...сибирские события были возможно скорее всесторонне выяснены и беспристрастно освещены. Надо надеяться, что будет разъяснена до конца туманная пелена, скрывающая правду, и станет ясно, что чехословацкие легионы не за страх, а за совесть творили не только долг чехословацкого солдата, но и общеславянский долг, что в Сибири был жив патриотический и славянский дух, которым создалось и развивалось всё чехословацкое движение в России...»¹⁴⁷.

Что касается авторов монархического направления, то их работы носили ярко выраженный обличительный характер. Это проявлялось уже во время объяснения причин, по которым они взялись за написание своих работ. Так, по словам Славянофила¹⁴⁸ – автора очерка «Чешские аргонавты в Сибири», «...описанная нами деятельность чехов есть не более, как беглый исторический эскиз. Деятельность эта, конечно найдёт своего историка, который с богатыми документами раскроет во всей ужасной наготе историю преда-

¹⁴⁵ Драгомирецкий В.С. Указ. соч. – С. III

¹⁴⁶ Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 87.

¹⁴⁷ Лазаревский В. Указ. соч. – С. 149.

¹⁴⁸ За данным псевдонимом скрывается главнокомандующий армией А.В. Колчака К.В. Сахаров. – См.: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 85.

тельства чехами национальной России...»¹⁴⁹. К.В. Сахаров – пожалуй самый жёсткий критик деятельности Чехословацкого корпуса, в предисловии к своей книге с выразительным названием «Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство)» писал, что это повесть «...о чёрном, страшном предательстве, совершённом братьями и друзьями»¹⁵⁰. В другой своей работе «Белая Сибирь» он давал более развёрнутое объяснение: «...мы не можем пройти поэтому не коснувшись многих сторон деятельности чехословацкого корпуса, который играл большую и печальную роль в направлении и исходе борьбы белых за национальное возрождение России»¹⁵¹. Подобный подход, а также другие оценки Чехословацкого корпуса, встречающиеся в работах К.В. Сахарова, позволил ряду современных историков назвать его работу «Белая Сибирь» античешской¹⁵².

Следует обратить особое внимание на книгу К.В. Сахарова «Белая Сибирь». В современной отечественной историографии существует мнение, что К.В. Сахаров являлся «...экспертом в области гражданской войны в Сибири», сведения которого «...принято считать наиболее достоверными из сведений, содержащихся в воспоминаниях военачальников белого режима на территории Сибири»¹⁵³. Последнее утверждение, особенно в части, относящейся к истории Чехословацкого корпуса, представляется нам более чем спорным. Интересно, что книга К.В. Сахарова «...вызвала двойную реакцию – повышенный интерес в германских реакционных кругах и волну негодования в чешской историографии, в левой литературе российского зарубежья, причём, не только в эсеровской»¹⁵⁴. И.А. Якушев в своём отзыве на книгу С.В. Драгомирецкого заявил, что в ней «...вскрывается вся несостоятельность «бе-

¹⁴⁹ Славянофил. Указ. соч. – С. 23.

¹⁵⁰ Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). – С. 8.

¹⁵¹ Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 212.

¹⁵² См.: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 87, 108.- Такой же оценки С.Ю. Малышева удостоила упоминавшуюся выше работу А. Котомкина.

¹⁵³ Манохин И.В. Вооружённые формирования на территории Сибири в период гражданской войны и военной интервенции: историография и источниковедение проблемы: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С. 163, 162.

¹⁵⁴ Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 87.

лых» обвинителей типа ген. Сахарова и др[угих] против чехословаков»¹⁵⁵. Профессор, генерал М. Иностранцев написал книгу «История, истина и тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Прага, 1933). По мнению М. Иностранцева, К.В. Сахаров допустил неточности как при оценке роли чехословацких легионеров, так и фактографические неточности. При этом он писал, что «...обвинения Сахарова в большинстве своём бездоказательны»¹⁵⁶.

Практически все авторы в один голос признавали, что выступление Чехословацкого корпуса воодушевило антибольшевистские силы на Востоке России¹⁵⁷, положило основание русскому антибольшевистскому движению на Волге и в Сибири¹⁵⁸; что оно было воспринято с большим энтузиазмом среди населения¹⁵⁹. Многие авторы называли чехословацких легионеров героями и избавителями¹⁶⁰.

Даже К.В. Сахаров, оценивая первый период деятельности Чехословацкого корпуса (примерно до падения Казани), писал, что «...это был период героев. Русские и чехи дрались вместе, как братья, не считаясь жертвами и подвигами, видя перед собой общую священную цель – освобождение России от большевиков»¹⁶¹. Столь же высоко оценивали значение данного выступления и те лидеры Белого движения, кто не находился с легионерами в непосредственном контакте и наблюдал их действия со стороны¹⁶².

Практически все авторы считали, что выступление Чехословацкого корпуса положило начало гражданской войне в России. При этом в литературе содержалось мнение о том, что оно было преждевременным и «сорвало тайную работу белогвардейских организаций, творящуюся подпольно тогда

¹⁵⁵ Якушев И.А. Указ. соч. – С. 176.

¹⁵⁶ Иностранцев М. История, истина и тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918-1920 гг.). – Прага, 1933. – С. 44.

¹⁵⁷ Гоппер К. Четыре катастрофы. Воспоминания. – Б.м., б.г. – С. 75.

¹⁵⁸ Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда. – Прага, 1921. – С. 3.

¹⁵⁹ Котомкин А. Указ. соч. – С. 8.

¹⁶⁰ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. I. – С. 215; Котомкин А. Указ. соч. – С. 9.

¹⁶¹ Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 214.

¹⁶² См. напр.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Кн. 2. – Т. 3. – М, 2003. – С. 472.

на всём протяжении России, сорвало в тот момент, когда дело не было ещё налажено и объединено»¹⁶³.

Подобная постановка вопроса затушёвывала более глубокие (внутренние) причины гражданской войны и являлась оправданием последующих поражений антибольшевистского движения.

Одним из самых актуальных в историографии был вопрос о роли чехословацких легионеров на фронте в 1918 году. По мнению М. Иностранцева, «...добровольческая и Сибирская армии и образоваться-то могли лишь под прикрытием выступивших чехословаков». Исходя из этого он делал вывод, что «...чехословацкими войсками была подана русскому делу такая помощь, без которой нельзя было бы и бороться с большевиками»¹⁶⁴. Об этом же писали генерал А. Зайцов, а также бывший начальник оперативного отделения штаба Народной Армии Комуча генерал П.П. Петров¹⁶⁵. Указанные авторы высоко оценивали заслуги Чехословацкого корпуса на фронте, отмечая, что он нёс на себе основную тяжесть боёв¹⁶⁶.

Интересно, что даже критики чехословацких легионеров признавали доблесть за такими чешскими военачальниками, как Швеце¹⁶⁷. Это было вызвано стремлением подчеркнуть некий контраст между подобными доблестными офицерами и остальной массой. Так, Славянофил писал, что «...могилы истинных чешских героев, положивших жизнь за други свои (так в тексте – А.В.), всегда будут окружены заботами русского народа»; чуть ниже он писал о «...покрывших себя позором, их уцелевших товарищах»¹⁶⁸.

Авторы много внимания уделили самому выступлению чехословацких легионеров, признавая, что оно было вынужденным¹⁶⁹. При этом особо подчёркивалось, что выступление Чехословацкого корпуса было лишено идей-

¹⁶³ Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 218. – См. также: Гинс Г.К. Указ. соч. – Т. I. – С. 63; Т. II. – С. 518.

¹⁶⁴ Иностранцев М. Указ. соч. – С. 33, 34.

¹⁶⁵ Зайцов А. 1918 год: очерки по истории Русской Гражданской войны. – [Париж], 1934. – С. 172; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. (1918-1922 гг.). – Рига, 1930. – С. 51.

¹⁶⁶ Зайцов В. Указ. соч. – С. 174; Петров П.П. Указ. соч. – С. 51-52.

¹⁶⁷ Котомкин А. Указ. соч. – С. 8; Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 223, 240.

¹⁶⁸ Славянофил. Указ. соч. – С. 1.

¹⁶⁹ Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. – Т. II. – С. 518; Драгомирский В.С. Указ. соч. – С. 48.

ных мотивов и было проявлением инстинкта самосохранения¹⁷⁰, обусловлено стремлением спасти свою жизнь¹⁷¹, избежать разоружения¹⁷², преследовало цель пробиться к Владивостоку¹⁷³. Наиболее радикально эта точка зрения сформулирована в работе Славянофила «Чешские аргонавты в Сибири»: «...граф Мирбах потребовал от покорных ему большевистских комиссаров разоружения чешских частей и сосредоточения их в концентрационных лагерях. Это было единственной причиной чешского восстания, которое в дальнейшем вылилось в союзную интервенцию в Сибири. Другими словами, *мы отрицаем всякую идейность в действиях чехов на Волге и в Сибири и настаиваем, что действия эти продиктованы исключительно узко-шкурными интересами* (курсив автора – А.В.)»¹⁷⁴. Более того, «...столь ярко выразившаяся ненависть чехословаков к большевикам далеко не имела объектом большевизм, как политическое учение. Вражда их была направлена исключительно против русской советской власти, которая, взяв на себя неблагодарную роль приспешника Германии и опираясь в значительной степени на штыки заклятых врагов чехов, – военнопленных из мадьяр, – сразу заняла неприязненную в отношении чехов позицию, насильно задерживая их в негостеприимной Сибири и этим препятствуя их естественному стремлению к сближению с далёкой родиной»¹⁷⁵.

Многие авторы считали, что Советская власть действовала под нажимом Германии в вопросе о разоружении чехословацких легионеров¹⁷⁶. При этом некоторые полагали это разоружение оправданным. Так, А. Котомкин отмечал, что требование сдать оружие было логичным в силу того, что «...чехи – военнопленные, снаряжённые и одетые русской властью, и русская

¹⁷⁰ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т. II. – С. 518;

¹⁷¹ Деникин А.И. Указ. соч. – С. 469; Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 218-219.

¹⁷² Котомкин А. О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918-1920. Воспоминания и документы. – Париж, 1930. – С. 35.

¹⁷³ Зайцов А. Указ. соч. – С. 168.

¹⁷⁴ Славянофил. Указ. соч. – С. 3.

¹⁷⁵ Лейтенант N.N. Записки белогвардейца / Архив русской революции. В 22 т. – Т. 10. – М., 1991. – С. 296.

¹⁷⁶ См.: Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. – Т. I. – С. 63; Т. II. – С. 517; Лейтенант N.N. Указ. соч. – С. 71; Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 213.

же, та или иная, власть имела право взять это снаряжение обратно»¹⁷⁷. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело не со стремлением оправдать политику Советской власти по отношению к Чехословацкому корпусу, и даже не со стремлением обвинить Советы в развязывании гражданской войны в России. В данном случае, имеет место стремление подчеркнуть, что legionеры были «всего лишь» военнопленными бывшей Российской империи. Этот факт призван, с одной стороны слегка уколоть самолюбие чехословацких legionеров, а с другой стороны – отразить в себе большую горечь от нанесённой ими обиды.

Много внимания на страницах своих работ авторы данного направления уделили взаимоотношению российских антибольшевистских сил и Чехословацкого корпуса. При этом особое внимание было обращено на рассмотрение обстоятельств, которые привели к обострению этих отношений. Так, Л.А. Кроль¹⁷⁸ выделял следующие причины обострения отношений между Омским правительством и чехословацкими legionерами летом 1918 года: 1) ревность («так как чехов население больше чествовало, чем сибиряков»); 2) чехословацкие legionеры «...свободно распоряжались «военной добычей», присваивая её почти исключительно себе». При этом данный автор отмечал, что «...чехи в то время были в первых рядах, что естественно отдавало в их руки «военную добычу» и их первых, обычно встречало избавленное от большевиков население». Лишь в качестве вероятной причины обострения отношений Л.А. Кроль выделял то обстоятельство, что «...симпатии чехов были на стороне эсеров и Комуча»¹⁷⁹.

Весьма идеалистическое объяснение этому факту давал К.В. Сахаров. Он писал, что «...эти настоящие герои, русский офицер и доброволец, ценили помощь братьев-чехов, рады были ей бесконечно и уступали в благодарность им первое место. Население же встречало чехословаков повсюду как

¹⁷⁷ Котомкин А. Указ. соч. – С. 35.– См. также: Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. – Т. II. – С. 517.

¹⁷⁸ Глава Областного временного правительства Урала, член ЦК кадетской организации.

¹⁷⁹ Кроль Л.А. За три года.– Владивосток, 1921. – С. 82.

избавителей, засыпало их цветами и подарками»¹⁸⁰. Гораздо правдоподобнее выглядит объяснение тем же К.В. Сахаровым причин, которые заставляли терпеть «преступления» чехословацких легионеров: «...не было силы расправиться с этими пятидесятитысячными бандами, не было возможности обезоружить их и загнать снова в концентрационные лагеря, – единственно чего они заслуживали»¹⁸¹.

В обострении отношений между чехословацкими легионерами и Омским правительством играли роль особые взаимоотношения, которые сложились у легионеров с российскими социалистами. Многие авторы писали о симпатии членов Чехословацкого Национального Совета к социалистическим партиям¹⁸², о поддержке легионерами эсеров¹⁸³, о союзе, сложившемся между ними¹⁸⁴, о том, что «...опираясь на чешские штыки, центральный комитет партии социалистов-революционеров захватил власть в Волжском районе... Понятно, что чешские дельцы, политиканы-социалисты из национального комитета (ЧНС – А.В.) получили за это свою плату; уже с самой Самары они повели сначала осторожные коммерческие дела, затем открытую и беззастенчивую спекуляцию и наконец чистый грабёж»¹⁸⁵.

Подчёркивалось, что в основе этой близости лежали не идейные соображения, а прагматизм. По словам Славянофила, «...между вождями чехов и главарями эсеров состоялось соглашение, по которому чехи должны были содействовать свержению правительства Колчака, взамен чего получали право бесконтрольного вывоза из Сибири своей добычи. В этой политическо-коммерческой сделке и надо искать объяснение дальнейших действий чехов»¹⁸⁶. Подобными же мотивами, по его мнению, легионеры Чехословацкого корпуса руководствовались в момент выдачи А.В. Колчака («...он мог

¹⁸⁰ Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 214-215.

¹⁸¹ Там же. – С. 223.

¹⁸² Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. – Т. I. – С. 216; Деникин А.И. Указ. соч. – С. 472.

¹⁸³ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т. II. – С. 15; Лейтенант N.N. Указ. соч. – С. 267, 275.

¹⁸⁴ Славянофил. Указ. соч. – С. 6, 11.

¹⁸⁵ Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 217.

¹⁸⁶ Славянофил. Указ. соч. – С. 15.

предъявить чехам обвинение в расхищении русского народного достояния и впоследствии явиться для них опасным свидетелем»¹⁸⁷). По мнению Г.К. Гинса, захват власти эсерами в конце 1919 года был нужен чехословацким легионерам «...для облегчения их эвакуации, так как, при наличии фронта, часть транспорта требовалась для военных надобностей»¹⁸⁸. Более того, в литературе имелось мнение, что «...коммерческими интересами была продиктована вся политика чехов в Сибири и в жертву этим интересам они принесли своё доброе имя»¹⁸⁹.

Ещё одним сюжетом, который оказался в центре внимания авторов данного направления, является сюжет о взаимоотношениях чехословацких легионеров с представителями стран Антанты.

Данный аспект описывается столь же интересно, сколь и противоречиво. Многие авторы писали о зависимости Чехословацкого корпуса от союзников¹⁹⁰. Так, по словам Г.К. Гинса, именно по настоянию союзников легионеры повернули на запад¹⁹¹. Это было связано с тем, что легионеры «...должны были считаться с указаниями союзных держав, от которых зависело предоставление транспорта для переезда на родину»¹⁹². О том что легионеры летом 1918 года были повернуты на запад к Волге с целью образовать Восточный фронт против Германии по приказу из Парижа писали А.И. Деникин, А. Зайцов и К.В. Сахаров¹⁹³.

В то же время, по словам Г.К. Гинса, А. Котомкина, Славянофила генерал М. Жанен подпал под влияние чехословацких легионеров и исполнял их команду¹⁹⁴. Лейтенант N.N. назвал чехословацких легионеров «баловнями

¹⁸⁷ Там же. – С. 21.

¹⁸⁸ Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. – Т. II. – С. 443.

¹⁸⁹ Славянофил. Указ. соч. – С. 22.

¹⁹⁰ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т. II. – С. 8.

¹⁹¹ Там же. – Т. I. – С. 215.

¹⁹² Там же. – Т. II. – С. 518.

¹⁹³ Деникин А.И. Указ. соч. – С. 472; Зайцов А. Указ. соч. – С. 171, 236; Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство). – С. 43.

¹⁹⁴ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. II. – С. 60; Котомкин А. Указ. соч. – С. 40; Славянофил. Указ. соч. – С. 14, 20.

союзного командования»¹⁹⁵. По словам многих авторов, союзники, вместо того, чтобы обуздать чехов, ублажали их¹⁹⁶, охраняли отдых чехословацкой армии¹⁹⁷. Тем самым, союзники, по словам К.В. Сахарова, демонстрировали своё отрицательное отношение к России.

Другой важный сюжет, который получил отражение в историографии данного направления, – это причины отказа чехословацких легионеров от активной борьбы с Красной Армией и ухода в тыл.

По словам генерала П.П. Петрова, первые признаки усталости легионеров Чехословацкого корпуса стали проявляться под Казанью¹⁹⁸. Другие авторы более категоричны в своих суждениях. Славянофил назвал оборону Казани «лебединой песней чехословацкого выступления», когда «...чехи не только перестали выполнять боевые приказы, но категорически отказались оставаться доле на позиции»¹⁹⁹. Это было связано с тем, что под Казанью чехословацкие легионеры «...впервые столкнулись с боеспособными силами красных... Привыкнув к лёгким победам, чехи были ошеломлены яростным натиском красных и боеспособность их понижалась с каждым днём»²⁰⁰. Ему вторили А.И. Деникин, А. Зайцов и А. Котомкин²⁰¹.

По мнению Г.К. Гинса и К.В. Сахарова, чехословацкие легионеры окончательно ушли в тыл к началу ноября 1918 года²⁰². Однако существовали и другие точки зрения. Так, по словам генерала П.П. Петрова, Чехословацкий корпус окончательно был отведен в тыл после боя за Белебей 10-18 ноября 1918 года²⁰³.

Эта тема вызвала полемику в историографии. По словам Л.А. Кроля, Чехословацкий корпус прекратил участие в активных действиях против

¹⁹⁵ Лейтенант Н.Н. Указ. соч. – С. 282.

¹⁹⁶ Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 226, 228.

¹⁹⁷ Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. Т. II. – С. 62.

¹⁹⁸ Петров П.П. Указ. соч. – С. 41.

¹⁹⁹ Славянофил. Указ. соч. – С. 9.

²⁰⁰ Там же. – С. 8.

²⁰¹ Деникин А.И. Указ. соч.– С. 498; Зайцов А. Указ. соч.– С. 255, 231; Котомкин А. Указ. соч.– С. 11, 32, 34.

²⁰² Гинс Г.К. Указ. соч. – Т. I. – С. 296; Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 223.

²⁰³ Петров П.П. Указ. соч. – С. 59.

большевиков со времени переворота, приведшего к власти А.В. Колчака²⁰⁴. С этим выразил своё несогласие Г.К. Гинс, по мнению которого, уход Чехословацкого корпуса в тыл произошёл не вследствие «реакционности переворота», а «вследствие нежелания чехов воевать и деморализации их первой дивизии»²⁰⁵. По мнению генерала Г.К. Гоппера, легионеры потребовали увода в тыл, и это явилось результатом травли, организованной против них с ноября 1918 года²⁰⁶.

По словам А.И. Деникина с осени 1918 года и, в особенности с ноября, после того как последние части Чехословацкого корпуса ушли с боевой линии, он стал «...чужеродным и больным наростом в организме Сибири, поглощая большие материальные средства её (...), загромождая и подчас парализуя подвижность сибирской магистрали»²⁰⁷.

Вся деятельность Чехословацкого корпуса после увода их в тыл в литературе монархического направления описывается как «тёмная страница их истории» и как цепь предательств. Отмечалось, что после ухода в тыл чехословацкие легионеры занимались «открытым расхищением русского имущества», несли службу по охране железной дороги «спустя рукава»²⁰⁸; воспринимались как «сытые, разжиревшие бездельники», что вызывало рост раздражения против них среди населения, армии и правительства²⁰⁹.

Выдачу А.В. Колчака именовали не иначе, как предательство²¹⁰, как «...самая тёмная страница из пребывания чехов в Сибири»²¹¹. Такой же оценки удостоился отказ легионеров от продолжения борьбы и отступление их на восток²¹². При этом особо подчёркивалось, что гражданская война, начавшаяся в России, являлась прямым следствием выступления Чехословацкого кор-

²⁰⁴ Кроть Л.А. Указ. соч. – С. 191.

²⁰⁵ Гинс Г.К. Указ. соч. – Т. II. – С. 523.

²⁰⁶ Гоппер Г.К. Указ. соч. – С. 131-132.

²⁰⁷ Деникин А.И. Указ. соч. – С. 499.

²⁰⁸ Славянофил. Указ. соч. – С. 12, 14.

²⁰⁹ Котомкин А. Указ. соч. – С. 40.

²¹⁰ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. II. – С. 533; Сахаров К.В. Белая Сибирь. – С. 232.

²¹¹ Котомкин А. Указ. соч. – С. 91.

²¹² Гинс Г.К. Указ. соч. Т. I. – С. 68; Котомкин А. Указ. соч. – С. 11.

пуса, поэтому «...оставление Волжского фронта и отказ их от дальнейшей борьбы с большевиками в самую решительную минуту этой борьбы иначе как преступлением перед русским народом назвать нельзя»²¹³.

Славянофил называл чехословацких легионеров «Каинами славянства», «выродками славянства»²¹⁴.

Одним из главных обвинений авторов этого направления являлось то, что легионеры использовали события в России для личного обогащения: «Погрузив награбленное и скупленное по дешёвке русское добро на свои пароходы, распродав реквизированных русских лошадей и разменяв сибирские рубли на звонкую монету, отплыли из Сибири к себе на родину главные герои сибирской интервенции – чехословаки... Забрызганные русской кровью рубли, превращённые в валюту, конечно не пахнут, а с гибкой совестью на них можно будет недурно устроиться в молодой чешкословацкой республике (так в тексте – А.В.)»²¹⁵. Чехословацкий корпус обвинялся в захвате поездов и вагонов, а также в использовании их в своих целях²¹⁶. При этом авторы ссылались не на документы, а на свидетельства очевидцев.

Таким образом, история Чехословацкого корпуса в России привлекла к себе внимание исследователей ещё в годы гражданской войны в России.

Чехословацкий корпус, как правило, рассматривался в контексте гражданской войны в России и лишь в редких случаях в контексте чехословацкого заграничного национально-освободительного движения в целом.

На данном этапе сложился набор сюжетов, вокруг которых вращались интересы отечественной историографии вплоть до наших дней: освещались в основном взаимоотношения Чехословацкого корпуса с Советской властью весной 1918 года, выступление и боевые действия легионеров в 1918 году, причины ухода легионеров в тыл, взаимоотношения Чехословацкого корпуса

²¹³ Славянофил. Указ. соч. – С. 25.

²¹⁴ Там же. – С. 2, 4.

²¹⁵ Там же. – С. 1.

²¹⁶ Там же. – С. 18, 19.

с антибольшевистскими силами, выдача А.В. Колчака и т.д. Гражданская (невоенная) история сводилась лишь к «грабежам», «спекуляциям» и т.д. Вне поля зрения историков осталась культурно-просветительская деятельность в Чехословацком корпусе, а также, по сути, вся остальная гражданская история легиона в России. Это также станет традиционным для отечественной историографии, которая изначально была ориентирована на изучение военно-политической борьбы с Чехословацким корпусом, изучение истории «помощи и предательства» со стороны чехословацких легионеров, но никак не истории корпуса самой по себе.

Практически все авторы сходились во мнении, что выступление легионеров, несмотря на то, что оно представляло угрозу молодой Советской республике (о чём говорилось в большевистской литературе), было преждевременным (о чём говорилось в литературе монархического направления), имело и положительное значение, так как способствовало своеобразной кристаллизации сил противоборствующих сторон. Именно во многом по этой причине практически все авторы сошлись на однозначно негативной оценке роли корпуса в истории России. Считалось, что выступление легионеров перевело тлеющий конфликт в более решительную и кровопролитную стадию. Наиболее явная перемена оценок ощутима в небольшевистской историографии, которая от «доблестных избавителей» перешла к такой характеристике, как «предатели».

В литературе отмечалось, что легионеры руководствовались своими собственными интересами. Однако, признавая этот факт, Чехословацкий корпус продолжали рассматривать как марионетку или «спекулянтов», которые «принесли в жертву коммерческим интересам своё доброе имя». При этом наблюдался отказ понимать цели и задачи чехословацкой революции – важны были не мотивы поведения легионеров, а конечный результат их действий (особенно в большевистской историографии и литературе монархического направления).

Интересно, что, оперируя практически одними и теми же фактами, авторы пришли к различным, порою прямо противоположным выводам. Наиболее ярко это проявляется при изучении социального состава чехословацкого войска в России, при оценке его морального духа, и т.д. С лёгкой руки генерала К.В. Сахарова под сомнение был поставлен вопрос о боевой квалификации Чехословацкого корпуса и его роли в победах антибольшевистских сил вплоть до осени 1918 года.

По всей видимости, это было вызвано тем, что данный вопрос уже с 1918 года вышел за рамки чисто научного исследования и приобрёл важное практическое значение. При этом одна сторона пыталась оправдать чрезвычайные меры, которые были применены против Чехословацкого легиона и в значительной мере способствовали развязыванию гражданской войны; а другая сторона пыталась оправдать свои поражения ссылкой на ненадёжность и предательство своих временных союзников.

§ 2 Состояние изучения темы в 1930 – первой половине 1950-х годов

В 1931 году было опубликовано постановление ЦК ВКП (б) об издании истории гражданской войны в пятнадцати томах¹. Считается, что указанное постановление знаменовало собой переход на новый организационный уровень в изучении истории гражданской войны.

В этом же году появилось письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором историкам задавались чёткие ориентиры их дальнейших действий, обозначался тот круг проблем, которыми они могли заниматься. Это способствовало оформлению процессов унификации и схематизации в исторической науке вообще и в изучении гражданской войны, в частности. Вместе с тем, в литературе имеется мнение, что «...начало традиции фальсификации истории гражданской войны» положила статья К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», вышедшая в 1929 году; она «...навязывала историкам схему главных событий гражданской войны, зависевших от пребывания И.В. Сталина»².

Считается, что указанные процессы протекали в советской исторической науке вплоть до 1956 года: XX съезд КПСС, по мнению отечественных историков, привёл к тому, что появилась возможность широкого исследования ранее закрытых тем.

Советские историки отмечали, что освещение выступления Чехословацкого корпуса и его роли в обострении гражданской войны, занимали большое место в исследованиях 1930-50-х годов³. Отдельные положения в трудах советских историков этого периода были подвергнуты критике. Так,

¹ Найда С.Ф., Наумов В.П. Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР // Очерки по историографии советского общества. – М., 1965. – С. 176; Шелестов Д.К. Военная историография борьбы с интервентами и белогвардейцами в 1918-1920-х гг. // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 9. – С. 96.

² Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991. – С. 27. – На то, что обозначены процессы складывались постепенно и завершающий этап пришёлся на 1928-1931 годы обратили внимание В.А. Балашов и В.А. Юрченков (См.: Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.): учеб. пособие. – Саранск, 1994. – С. 8).

³ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. – М., 1972. – С. 231.

В.П. Наумов, критикуя утверждение Ф.Г. Попова⁴, что чехословацкие легионеры «...являлись орудием в руках Комуча», в свою очередь заявил, что «...на самом деле последний возник под прикрытием штыков мятежного чехословацкого корпуса и, несмотря на то, что оба они служили одному хозяину – империалистам Антанты, судьба Комуча прежде всего зависела от чехословацкого корпуса»⁵. В.П. Наумов критиковал работу В.В. Хрулева⁶ за то, что «...автор книги исследует только историю чехословацкого мятежа, которую он даёт в отрыве от других фронтов и от общей обстановки в Советской республике»⁷.

По мнению А.И. Ушакова, «...концептуальные установки «Краткого курса» породили целый ряд направлений исследования: темы выступления (мятежа) Чехословацкого корпуса, народной борьбы с интервентами и т.д.»⁸.

Мы позволим себе не согласиться с этим утверждением по двум причинам.

Во-первых, признавая то обстоятельство, что «Краткий курс истории ВКП(б)» оказал влияние на развитие отечественной исторической науки и задал ориентиры для историков, мы хотим подчеркнуть, что на его страницах истории Чехословацкого корпуса было уделено мало внимания. Если быть более точным, то всего пять предложений. Позволим себе привести их полностью: «На Средней Волге и в Сибири происками англо-французов был организован мятеж чехословацкого корпуса. Этому корпусу, состоявшему из военнопленных, было разрешено советским правительством выехать к себе на родину через Сибирь и Дальний Восток. Но он был использован по пути

⁴ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.; Самара, 1932.

⁵ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. – С. 235. – Интересно, что позднее, в пятом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», опубликованном в 1985 году В.П. Наумов оценил работу Ф.Г. Попова как «...успешную попытку конкретно раскрыть процесс объединения сил внешней и внутренней контрреволюции на материалах Поволжья». – См.: Наумов В.П. Изучение истории гражданской войны в СССР // Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1985. – Т. V. – С. 433.

⁶ Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М., 1940.

⁷ Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 году // Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. – М., 1958. – С. 161.

⁸ Ушаков А.И. Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2004. – С. 31.

эсерами и англо-французами для мятежа против Советской власти. Мятеж корпуса послужил сигналом к мятежу кулачества на Волге и в Сибири и эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах»; «Чехословаки и эсеровско-белогвардейские банды были изгнаны из Казани, Симбирска, Самары и оттеснены к Уралу»⁹. На основе рассмотрения этих пяти предложений, мы можем сказать, что вернее было бы говорить не о разворачивании и постановки задачи на более подробное изучение истории Чехословацкого корпуса (пусть и в контексте гражданской войны в России), а скорее о сворачивании изучения и упрощении многих аспектов его истории. Изложение этого вопроса было упрощённым и схематичным, вместе с тем, интерпретация выступления и дальнейших действий Чехословацкого корпуса стали частью схемы изучения гражданской войны и иностранной интервенции в России.

Во-вторых, история Чехословацкого корпуса возникла как тема не после 1938 года, а ещё в 1918 году. Ещё в 1920-е годы наметились некоторые узловые проблемы советской историографии гражданской войны в Поволжье, в числе которых – борьба с чехословацким восстанием¹⁰. При этом история Чехословацкого корпуса привлекала внимание авторов различных направлений, появлялись отдельные труды по теме. Во многом за счёт наличия небольшевистской историографии, в том числе на территории России наблюдалось большее сюжетное разнообразие и различие в оценках.

В 1932 году был опубликован план-проспект намечавшегося издания «Гражданская война в СССР». Выступлению Чехословацкого корпуса была посвящена глава III в третьем томе. При этом планировалось начать рассмотрение чехословацкого вопроса со времён первой мировой войны. В дальнейшем планировалось рассмотреть организацию чехословацких дивизий, их участие в боевых действиях, переговоры по поводу возможного использова-

⁹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) // Пролетарская Революция. – 1938. – № 10. – С. 195, 196.

¹⁰ Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 27.

ния корпуса, соглашение с Советской властью и, наконец, выступление Чехословацкого корпуса¹¹. В последующем Чехословацкий корпус планировалось рассматривать как один из главных военных факторов антибольшевистских сил¹². Забегая несколько вперёд можно сказать, что подобный подход не был реализован в полной мере. О Чехословацком корпусе действительно писали как об основе антибольшевистских сил, но при этом практически не изучался чехословацкий вопрос в годы первой мировой войны и организация чехословацких дивизий, как об этом было заявлено в плане-проспекте. Это было характерно не только для «Истории гражданской войны», но и для других работ, в которых рассматривалась история чехословацкого корпуса. История легиона в 1914-1917 годах сводилась к двум-трём абзацам, в которых указывалось, что он был сформирован из чехословацких военнопленных, которые выразили желание сражаться на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии.

Следует обратить внимание на документальные публикации, появившиеся в этот период¹³. Некоторые советские историки в своих работах приводили документы, исходящие непосредственно от Чехословацкого корпуса. Так, Ф.Г. Попов привёл выдержки из воззвания Влассака и С. Чечека, опубликованные в «Вестнике Комуча» 17 сентября 1918 года о том, что «...вся тяжесть борьбы в течение 3½ месяцев лежала на чехословацких солдатах, проявивших сверхчеловеческие усилия, чтобы дать возможность русскому народу собраться, организовать. Но время, и, к сожалению, долгое время прошло почти даром»¹⁴. Привлечение этого источника было вызвано конъюнктурными соображениями – стремлением показать, что антибольшевистские силы не располагали серьёзным потенциалом и народной поддержкой.

¹¹ История гражданской войны. План издания. – М., 1932. – С. 47-48.

¹² Там же. – С. 50.

¹³ Документы по истории гражданской войны в СССР. – Т. I. Первый этап гражданской войны / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. – М., 1941; Первый год пролетарской диктатуры в Татарии: сб. документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г. / Под ред. М. Вольфовича, С. Гафурова. – Казань, 1933.

¹⁴ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 187.

Ф.Г. Попов привёл также приказ коменданта Самары Ребенды о введении в городе осадного положения¹⁵. Данный факт призван был проиллюстрировать жестокость интервентов и их вмешательство во внутренние дела России. Однако в целом, публикуемые документы отражали не историю Чехословацкого корпуса, а историю борьбы с ним.

В обозначенный период были изданы специальные труды, посвящённые истории Чехословацкого корпуса¹⁶. Однако, в них корпус рассматривался не сам по себе, а в контексте гражданской войны и иностранной вооружённой интервенции в России. Продолжилась публикация воспоминаний участников борьбы с Чехословацким корпусом¹⁷. Появлялись обобщающие работы, в которых также происходило отражение истории Чехословацкого корпуса¹⁸. Следует обратить внимание на такую группу изданий, как учебные пособия¹⁹. Важность данной группы изданий обусловлена тем, что в них происходила фиксация имеющихся оценок и мнений, закреплялась определённая схема интерпретации гражданской войны в целом, и роли в ней Чехословацкого корпуса, в частности. Помимо этого, история Чехословацкого легиона нашла своё отражение в работах, посвящённых антибольшевистским силам (точнее борьбе с ними)²⁰, а также гражданской войне и интервенции в различных регионах страны²¹. История Чехословацкого корпуса рассматривалась также в работах, посвящённых партизанскому движению и интерна-

¹⁵ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 100.

¹⁶ Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. – М.; Самара, 1932; Случевский Н. Чехословацкий мятеж // Военный вестник. Общевоинской пехотный журнал. – 1938. – № 9. – С. 7-12; Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. – 1940. – № 12. – С. 47-61; Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. – М., 1940.

¹⁷ Гай Г. Борьба с чехословаками на Средней Волге. – М., 1931; Колбин И. Борьба за Волгу и Каму в 1918 г. – М.; Л., 1931.

¹⁸ Голубев А.В. Гражданская война. 1918-1920 гг. – М., 1932.

¹⁹ Бурджалов Э.Н. Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920): Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). – М., 1952; Милковский А.И. Гражданская война в СССР 1918-1920 гг.: Лекции. – М., 1940; Рабинович С. История гражданской войны (краткий очерк): Учебное пособие для военных школ РККА / Под ред. А. Геронимуса. – М., 1933.

²⁰ Гармиза В.В. Из истории Самарской учредилки // Исторический журнал. – 1940. – № 8. – С. 17-28.

²¹ Бубеннов М., Валесв А. Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году. – Казань, 1939; Карпенко З. Гражданская война в Дальневосточном крае (1918-1922). – Хабаровск, 1934; Рейхберг Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). – М., 1940; Рейхберг Г. Японская интервенция на Дальнем Востоке. 1918-1922. Краткий очерк. – М., 1935.

ционалистам²².

Следует обратить внимание на отсутствие работ по теме в 1940-е годы. Мы можем найти этому несколько объяснений. Прежде всего, в условиях Великой Отечественной войны произошло свёртывание научно-исследовательской работы²³. Историки уделяли первостепенное внимание изучению наиболее актуального, с идеологической точки зрения, вопроса – германской интервенции в различных районах страны²⁴. Подобными причинами объяснялось и то, что историки взяли своеобразную паузу в изучении некоторых тем: «...в период Великой Отечественной войны, в условиях поддержания союзнических отношений с Англией и США, исследования по истории интервенции на Севере не издавались. Лишь с началом «холодной войны» эта тема вновь стала привлекать внимание исследователей. В конце 40-х – начале 50-х годов в качестве организатора всей интервенции стали называть США»²⁵. Действительно, в первой половине 1950-х годов появился целый ряд работ, посвящённых отражению роли США в интервенции²⁶. В этих работах подчеркивалась особая роль США в организации выступления Чехословацкого корпуса.

Советская историография на этом этапе изучала, главным образом, обстоятельства, предшествующие выступлению легионеров Чехословацкого корпуса и вооружённую борьбу с ним. В этом мы можем отметить преемственность с большевистской историографией 1920-х гг.

²² Абов В. О партизанском движении в Сибири. – Новосибирск, 1932; Гирченко В. Революционная деятельность иностранных интернационалистов военнопленных в Восточной Сибири. – Верхнеуральск, 1933; Шурьгин А. Революционные волнения в интервенционных войсках на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). – Хабаровск, 1938.

²³ Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.): учеб. пособие. – Саранск, 1994. – С. 62.

²⁴ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. – С. 288.

²⁵ Шумилов М.И. Октябрь интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. (Историографический очерк): учеб. пособие. – Петрозаводск, 1992. – С. 70.

²⁶ Берёзкин А. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918-1920 гг.). – М., 1952; Гулыга А.В. США – организатор и активный участник антисоветской интервенции в 1918-1920 годах. – М., 1952; Иванов С. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке. – Владивосток, 1952; Мельчин А.И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918-1920 гг. – М., 1951; Мымрин Г.Е. Американские империалисты – вдохновители и организаторы военной интервенции против Советской России (1918-1920 гг.). – Архангельск, 1951.

В обозначенный период особый упор делался на факте зависимости чехословацких легионеров от Антанты²⁷. В литературе встречались утверждения, что само выступление Чехословацкого корпуса началось по приказу Антанты или же было ею спровоцировано²⁸. Чехословацкие легионеры назывались орудием антантовской интервенции²⁹ и «...крупных капиталистических акционерных обществ, потерявших после Октябрьской революции свои капиталы в России и пытавшихся путём интервенции их вернуть»³⁰. Утверждение, что выступление Чехословацкого корпуса произошло по приказу Антанты, не было подкреплено документально.

Особо подчёркивалось, что зависимость носила финансовый характер. В литературе содержались утверждения, что «...за участие в мятеже чехословацким солдатам было обещано повышение жалования с 5 до 200 рублей. Деньги для этой цели, в сумме 15 миллионов рублей, обещались дать Соединённые Штаты Америки»³¹. По отношению к Чехословацкому корпусу употреблялась такая характеристика, как «подкупленные»³². О том, что командный состав чехословацких частей был подкуплен правительствами Англии и Франции писали В.В. Гармиза и Н. Случевский³³. Более того, чехословацкие легионеры назывались «верными слугами белогвардейцев»³⁴, а их действия – «авантюрой»³⁵.

²⁷ Рабинович С. Указ соч. – С. 20; Хрулев В.В. Указ соч. – С. 6.

²⁸ Брѣзкин А. Указ соч. – С. 44, 47, 53; Гай Г. Указ соч. – С. 10; Гармиза В.В. Указ соч. – С. 35; Голубев А.В. Указ соч. – С. 51; Иванов С. Указ соч. – С. 83; Мельчин А.И. Указ соч. – С. 18, 19; Мымрин Г.Е. Указ соч. – С. 14; Рабинович С. Указ соч. – С. 34, 36, 94.

²⁹ Бурджалов Э.Н. Указ соч. – С. 7; Рабинович С. Указ соч. – С. 36.

³⁰ Алексеев В. Восстание главкома Муравьёва. - Сталинград, 1936. – С. 8.

³¹ Иванов С. Указ соч. – С. 73; Мельчин А.И. Указ соч. – С. 19; Мымрин Г.Е. Указ соч. – С. 14; Софинов П. Указ соч. – С. 47.

³² Бубеннов М., Валеев А. Указ соч. – С. 10, 11.

³³ Гармиза В.В. Указ соч. – С. 34; Случевский Н. Указ соч. – С. 7. – Несогласие с данным утверждением В.В. Гармизы выразил уральский историк А.А. Коробкин, по мнению которого «...факты передачи денег французским правительством войскам Чехословацкого корпуса, который в то время официально признавался частью французской армии, вряд ли можно трактовать как подкуп». - См.: Коробкин А.А. Отечественная историография «Демократической контрреволюции» (лето – осень 1918 г.) в России: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 88.

³⁴ Алексеев В. Указ соч. – С. 69. – Следует подчеркнуть, что в историографии содержалась прямо противоположная точка зрения, согласно которой «чехи организовали Комуч» и «социалистические власти плясали под их дудку» (См.: Случевский Н. Указ соч. – С. 9, 10).

³⁵ Колбин И.Н. Указ соч. – С. 3; Хрулев В.В. Указ соч. – С. 80; Шурыгин А. Указ соч. – С. 10, 11.

Интересно, что при обосновании утверждения о подкупе Г.Е. Мымрин ссылался на газету «Известия губернского революционного комитета» от 3 июля 1918 года. Более весомых доказательств факта подкупа приведено не было. С. Иванов и А.И. Мельчин вообще не привели никаких ссылок, подтверждающих их утверждения.

Чехословацкий корпус продолжал рассматриваться в качестве ядра, «...вокруг которого объединились вооружённые отряды русских белогвардейцев»³⁶. Подчёркивался тот факт, что корпус был опорой антибольшевистских сил на востоке России³⁷. При этом боевые возможности Чехословацкого легиона оценивались чрезвычайно высоко. Особо подчёркивалось, что он представлял собой хорошо организованную, дисциплинированную и имеющую боевой опыт силу³⁸.

Вместе с тем, указывалось и на другие обстоятельства (помимо финансовых), которые устанавливали особые отношения между Чехословацким корпусом и союзниками. По словам П. Софинова, «...Масарик рассчитывал создать в глубине России армию будущей Чехословацкой республики, а участием этой армии в войне на стороне Антанты купить самостоятельность Чехословакии»³⁹. По утверждению А. Валеева, М. Бубеннова и В.В. Гармизы представители стран Антанты опирались на «...стремление буржуазных и мелкобуржуазных чехословацких политических деятелей к созданию после разгрома австро-германской коалиции самостоятельного государства»⁴⁰. Однако данный сюжет не имел продолжения и развития в историографии. В его рамках делался упор на потенциальную податливость чехословацких легионеров и возможность склонить их к участию в антибольшевистской борьбе.

Советские историки отмечали, что в ходе агитации, которую проводили в Чехословацком корпусе офицеры, упор делался на то обстоятельство,

³⁶ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. – С. 8.

³⁷ Иванов С. Указ. соч. – С. 74; Мельчин А.И. Указ. соч. – С. 19.

³⁸ Гай Г. Указ. соч. – С. 8; Гармиза В.В. Указ. соч. – С. 36; Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 28, 36, 52.

³⁹ Софинов П. Указ. соч. – С. 47.

⁴⁰ Гармиза В.В. Указ. соч. – С. 34. – См. также: Бубеннов М., Валесв А. Указ. соч. – С. 10.

что «...советское правительство намерено выдать корпус немцам»⁴¹; при этом солдатам внушалась мысль, что они выступают для самозащиты⁴². Об этом писали В. Алексеев, Э.Н. Бурджалов, М. Бубеннов и А. Валеев⁴³. Особо подчёркивалось то, что подобного рода слухи распространялись непосредственно после Октябрьского переворота⁴⁴. Указанная агитация, по словам В.В. Хрулева, опиралась на «...националистические предрассудки и слепую ненависть чехословаков к Австро-Венгрии»⁴⁵. Командный состав воспользовался временной задержкой эшелонов на станциях⁴⁶. Особое внимание обращалось на негативную роль командования корпуса. Так, А.В. Голубев и А. Шурыгин отмечали, что части корпуса были спровоцированы на выступление своим командованием⁴⁷. Указывалось, что: «Чехословацкое командование, выполняя задание Антанты, усиленно обрабатывало солдат, распространяло среди них слухи о том, что большевики якобы хотят сдать чехословаков в плен Германии, мешают им ехать на родину и т.п.»⁴⁸.

Таким образом, советские историки, по сути, признавали, что агитация в Чехословацком корпусе была направлена на критику внешней, а не внутренней политики Советской власти. Помимо этого агитация затрагивала национальные чувства легионеров и опиралась на чувство страха и необходимость защиты, пробуждая в легионерах инстинкт самосохранения. В литературе также говорилось о «социалистической вывеске», которая сыграла немалую роль и явилась одним из факторов, убедивших легионеров выступить против Советской власти⁴⁹.

Можно сказать, что в литературе этого периода сложилось устойчивое обозначение чехословацких легионеров как «белых чехов», «белых чехосло-

⁴¹ Софинов П. Указ. соч. – С. 47.

⁴² Рабинович С. Указ. соч. – С. 34-36.

⁴³ Алексеев В. Указ. соч. – С. 9; Бубеннов М., Валеев А. Указ. соч. – С. 11; Бурджалов Э.Н. Указ. соч. – С. 7

⁴⁴ Голубев А.В. Указ. соч. – С. 47.

⁴⁵ Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 7.

⁴⁶ Там же. – С. 7.

⁴⁷ Голубев А.В. Указ. соч. – С. 47; Шурыгин А. Указ. соч. – С. 10.

⁴⁸ Шурыгин А. Указ. соч. – С. 9. – См. также: Случевский Н. Указ. соч. – С. 8-9.

⁴⁹ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 32.

ваков», «чехо-белых», «чехо-белогвардейцев», «белочехов»⁵⁰. Причём впер-
вые формулировка «чехо-белогвардейцы» встречается в 1932 году в работе
В. Абова «О партизанском движении в Сибири», а формулировка «белые че-
хословаки» – в работе В. Гирченко «Революционная деятельность иностран-
ных интернационалистов военнопленных в Восточной Сибири» (Верхне-
уральск, 1933)⁵¹. По мнению уральского историка А.А. Коробкина, появление
терминов подобного рода («чехоучредиловщина») было призвано подчерк-
нуть «...зависимый характер учредиловских элементов от интервенционит-
ского фактора, т.е. от чехословацкого корпуса»⁵². Соглашаясь с подобным
объяснением, добавим к нему то, что появление формулировки «белые чехо-
ловаки» именно в работе, посвящённой деятельности интернационалистов
неслучайно. По всей видимости, подобным образом автор хотел подчеркнуть
разницу между восставшими легионерами и перешедшими на сторону Совет-
ской власти чехословаками-интернационалистами.

Большое значение в историографии приобрёл вопрос о направлении
движения легионеров Чехословацкого корпуса. В тесной связи с этим вопро-
сом находится понимание сущности чехословацкого выступления и чехосло-
вацкого движения в целом. На заседании легионеров 20 мая 1918 года в Че-
лябинске было решено пробиваться во Владивосток с помощью оружия. П.
Софинов отмечал, что после выступления чехословацкие эшелоны немед-
ленно повернули на запад⁵³. По его мнению, пензенской группе Чехословац-

⁵⁰ Абов В. Указ. соч. – С. 9, 10; Гирченко В. Указ. соч. – С. 11; Гулыга А.В. Указ. соч. – С. 13; Карпенко З.
Указ. соч. – С. 52; Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 44; Шурыгин А. Указ. соч. – С. 10, 11.

⁵¹ Следует оговориться, что подобного рода термины встречались ещё в годы гражданской войны. См. напр.
приказы Л.Д. Троцкого (Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. – М., 1923. – С. 232, 236, 246).
Термин «белочехи» и «белочехословаки» впервые встречается в резолюциях крестьянских собраний села
Чемодановки Городищенского уезда Пензенской области от 11 октября 1918 года и деревни Овражки Нага-
тинской волости Симбирского уезда от 13 ноября 1918 года (См.: Пензенская организация КПСС в годы
гражданской войны (1918-1920): Сборник документов и материалов. – Пенза, 1960. – С. 34; Симбирская
губерния в годы гражданской войны: сборник документов. – Т. 1. – Ульяновск, 1958. – С. 265). В данном
случае речь идёт о том, что термин проникает на страницы исторических исследований и закрепляется в
них.

⁵² Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 88.

⁵³ Софинов П. Указ. соч. – С. 50.

кого корпуса ставилась задача овладеть Средней Волгой⁵⁴. При этом автор не уточнял, кем именно ставилась подобная задача и не привёл никаких документов по этому поводу. Интересна последующая логика рассуждений П. Софинова, по мнению которого пензенская группа старалась прорваться на Волгу, «...но вовсе не для того, чтобы двигаться к Владивостоку, а для того, чтобы, укрепившись на левом берегу Волги, начать планомерное наступление на запад. Этим и объяснялось её «мирное» настроение, обманувшее некоторых пензенских и сызранских советских работников⁵⁵. С. Рабинович отмечал, что после захвата Сибири целью Чехословацкого корпуса и Народной армии было «...занять при содействии других белогвардейских армий Москву»⁵⁶.

Вместе с тем, в литературе встречались и другие точки зрения. Так, В.В. Хрулев отмечал, что «...по плану, выработанному эсеро-белогвардейским «комучем» совместно с военным командованием, после захвата Симбирска чехо-белые войска должны были укрепиться и дальше вверх по Волге не двигаться»⁵⁷. Вместе с тем, В.В. Хрулев противоречил самому себе. Он приводил информацию о том, что 27 мая 1918 года в Челябинске состоялось совещание представителей Чехословацкого корпуса с участием англо-французского командования, эсеров и членов нарождавшегося Комитета членов Учредительного Собрания. Далее он писал, что на данном совещании «...был выработан план дальнейших действий и указано, какие именно города должны быть захвачены в ближайшие дни». Далее он писал, что по этому плану была захвачена, в том числе и Казань⁵⁸.

Одной из характерных особенностей периода было то, что главной причиной поражений на фронтах гражданской войны стали видеть такой фактор, как предательство. Относилось это и к объяснению причин первоначальных поражений.

⁵⁴ Там же. – С. 53.

⁵⁵ Софинов П. Указ. соч. – С. 53.

⁵⁶ Рабинович С. Указ. соч. – С. 36.

⁵⁷ Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 44.

⁵⁸ Там же. – С. 9.

чальных успехов Чехословацкого корпуса⁵⁹. По мнению Э.Н. Бурджалова, Ф.Д. Волкова, В.В. Хрулева, «преступное попустительство» и «предательство» со стороны Л.Д. Троцкого способствовали тому, что не был выполнен приказ о разоружении Чехословацкого корпуса и последний смог сохранить свою военную организацию⁶⁰. По мнению П. Софинова, переговоры о возможной переброске части Чехословацкого корпуса на север, которые вёл Л.Д. Троцкий, также создавали почву для недоверия и «провокаций»⁶¹.

В подобных характеристиках и оценках мы можем увидеть следующее противоречие. С одной стороны, советская историография, пусть и в такой форме, признавала часть ответственности за развязывание мятежа за Советским правительством. Однако ответственность перекладывалась на отдельных лиц, которые в указанный период были персонами non-grata.

Что касается политики Советского правительства в целом, то в литературе 1930-50-х годов подчёркивался её миролюбивый характер. При этом особо отмечалось, что Советское правительство исчерпало практически все ресурсы для мирного урегулирования конфликта, однако «...чехи не думали сдавать оружия»⁶². Советские авторы говорили о почти что фатальной неизбежности конфликта: «Утром 28 мая пензенские советские власти вели ещё переговоры с чехами о разоружении, но к полудню уже выяснилось, что вооружённый конфликт неизбежен. Обе стороны готовились к уличному бою»⁶³. Однако, декларируя готовность Советского правительства решить конфликт мирными средствами, в литературе были подвергнуты критике миролюбивое настроение некоторых представителей местных Советов по отношению к чехословацким легионерам и готовность пойти на заключение соглашения с ними. Так, позиция Пензенского губисполкома квалифицировалась как

⁵⁹ На данный факт обращали внимание как советские, так и современные отечественные историки. См. напр.: Наумов В.П. Летопись героической борьбы. – С. 236; Манохин И.В. Вооружённые формирования на территории Сибири в период гражданской войны и военной интервенции: историография и источниковедение проблемы: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С. 41.

⁶⁰ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. – С. 7; Волков Ф.Д. Указ. соч. – С. 36; Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 7, 52.

⁶¹ Софинов П. Указ. соч. – С. 50.

⁶² Алксеев В. Указ. соч. – С. 9.

⁶³ Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 26.

«...примиренчество и политическая близорукость по отношению к чехословакам»⁶⁴. При этом фатализм приписывался, главным образом, деятельности чехословацких легионеров. Так, П. Софинов утверждал, что командир пензенской группы Чехословацкого корпуса С. Чечек вступил в переговоры с представителями губисполкома о разоружении легионеров только с целью выиграть время⁶⁵. В.В. Хрулев отмечал, что все попытки Сызранского Совета 31 мая в ответ на ультиматум легионеров пропустить их войска на Самару «...уладить спорные вопросы мирным путём ни к чему ни привели»⁶⁶. Вместе с тем, в литературе имеется мнение, что «...под Марьяновкой при посредничестве французской миссии начались переговоры о мирном разрешении конфликта. Та и другая стороны умышленно затягивали переговоры и, пользуясь перемирием, лихорадочно готовились к предстоящему неизбежному бою»⁶⁷. Однако в целом в историографии сложилось и утвердилось мнение о миролюбии Советов и об агрессивных замыслах Чехословацкого корпуса.

Советская историография проявила интерес к истории Чехословацкого корпуса в 1919 году. В центре внимания находились факты разложения в рядах Чехословацкого легиона.

По словам А. Шурыгина, на солдат Чехословацкого корпуса оказали большое «революционизирующее влияние» победы Красной Армии на Восточном фронте. В частях Чехословацкого корпуса с лета 1919 года происходило сильное разложение: «Солдаты, пережившие все ужасы империалистической войны, вовлечённые Антантой в авантюру против Советской Республики, отказывались идти на фронт и требовали отправки их на родину. Часть чехословацких солдат переходила на сторону Красной армии»⁶⁸. При этом особо подчёркивался тот факт, что в среде чехословацких легионеров имела

⁶⁴ Софинов П. Указ. соч. – С. 54.

⁶⁵ Софинов П. Указ. соч. – С. 54.

⁶⁶ Хрулев В.В. Указ. соч. – С. 27.

⁶⁷ Там же. – С. 14.

⁶⁸ Шурыгин А. Указ. соч. – С. 11.

успех большевистская агитация⁶⁹. Это выражалось в создании летом 1919 года в частях 1-го, 4-го и 13-го полков 1-й чехословацкой дивизии комитетов солдатских депутатов, которые требовали прекращения борьбы с Советской властью и отправки солдат на родину⁷⁰. Дело даже дошло до ареста солдатами 4-го полка 1-й чехословацкой дивизии своих офицеров в июле 1919 года и созыва в июне того же года съезда солдатских депутатов, заявившего протест против использования чехословацких войск в борьбе с Советской страной. Говорилось даже об открытом сочувствии тысяч чехословацких солдат советской власти и большевикам. Так или иначе, но к осени 1919 года «...чешские войска совершенно утратили боеспособность»⁷¹, а в конце 1919 года «...целые части отказывались воевать против большевиков и Советов»⁷².

Чехословацкие легионеры обращались и к более решительным и активным формам протеста: «Возмущение чехословаков против белой власти, которую они призваны были защищать, доходило до открытого восстания. Гайдовское восстание 18 ноября 1919 г. во Владивостоке, организованное политическими авантюристами эсеровского толка, проходило под лозунгом мира с большевиками, лозунгом, отражавшим стремления солдат-чехов, участвовавших в восстании»⁷³. Положение было настолько серьёзным, что о необходимости скорейшей эвакуации чехословацких легионеров заявило политическое и военное руководство Чехословацкого корпуса⁷⁴.

Следует подчеркнуть, что данная проблема была поставлена в отечественной историографии ещё в 1920-е годы. При этом в большевистской историографии особо подчёркивалось, что разложению способствовали прежде всего такие факторы, как нежелание рядовых легионеров сражаться за А.В. Колчака по политическим убеждениям, а также их стремление поскорее вер-

⁶⁹ Карпенко З. Указ. соч. – С. 107; Шурыгин А. Указ. соч. – С. 11.

⁷⁰ Шурыгин А. Указ. соч. – С. 11-12.

⁷¹ Карпенко З. Указ. соч. – С. 107.

⁷² Шурыгин А. Указ. соч. – С. 12-13.

⁷³ Карпенко З. Указ. соч. – С. 107.

⁷⁴ Там же. – С. 107; Шурыгин А. Указ. соч. – С. 12-13.

нуться домой и «приступить к дележу награбленного добра». В 1930-50-е годы акценты были расставлены несколько иначе. Подчёркивалось, что разложению способствовали, прежде всего, поражения, нанесённые Красной Армией Чехословацкому корпусу. Отказ сражаться за чуждые интересы и стремление вернуться на родину обуславливались большевистской агитацией в рядах корпуса.

Таким образом, решающая роль отводилась не внутренним факторам, а воздействию внешних факторов. О том, что на настроение легионеров повлияли такие события, как завершение мировой войны (и, соответственно, поражение «вековых неприятелей» – Германии и Австро-Венгрии), а также образование самостоятельной и независимой Чехословакии, – не говорилось ни слова.

Таким образом, в 1930-50-е годы появились первые монографии по теме. Однако мы не можем утверждать, что рассмотрение проблемы при этом было переведено на новый, более высокий уровень. Все обозначенные нами работы были посвящены не истории Чехословацкого корпуса в чистом виде, а истории борьбы с ним. В этом факте мы можем проследить преемственность между большевистской историографией 1920-х и советской историографией 1930-50-х годов. При этом, если в количественном отношении (имеется ввиду количество работ, посвящённых Чехословацкому корпусу, а вернее борьбе с ним) оба эти периода, на наш взгляд, идентичны⁷⁵, то в качественном отношении рассматриваемый нами в настоящем параграфе период уступает предыдущему. Это проявилось, прежде всего, в сокращении сюжетного разнообразия, а также в упрощении и схематизации изучаемых аспектов из истории Чехословацкого корпуса.

Чехословацкий легион был представлен в историографии частью вооружённых сил интервенции. Факты политической и финансовой зависимости

⁷⁵ Имеется ввиду сопоставление советской историографии 1930-50-х годов с большевистской историографией 1920-х годов.

от Антанты приводились для того, чтобы показать неизбежность участия корпуса в интервенции. Приводимые факты позволяли историкам встраивать Чехословацкий корпус в формирующуюся концепцию гражданской войны и иностранной вооружённой интервенции и не требовали от них более детального и углубленного изучения истории легиона.

Особое внимание советские историки уделили рассмотрению истории Чехословацкого корпуса в 1918 году – период наиболее активных действий корпуса. На примере взаимоотношений Советской власти с Чехословацким легионом в 1918 году историки демонстрировали миролюбие Советов, их готовность идти на переговоры. Рассматривая историю боевых действий с участием легионеров, советские историки подводили читателя к мысли о слабости антибольшевистских сил, об отсутствии у них народной поддержки, о том, что они смогли образоваться и существовали только благодаря поддержке иностранных штыков и т.д. Всё это, в конечном итоге, снимало, в глазах советских историков, ответственность за развязывание гражданской войны с Советской власти.

Интерес к истории Чехословацкого корпуса в 1919 году объясняется тем, что на примере истории Чехословацкого корпуса советские историки показывали силу Красной Армии, мощь советской пропаганды и «несправедливость» целей, за которые были вынуждены бороться чехословацкие легионеры. В итоге все эти обстоятельства вкупе с осознанием «несправедливого» характера войны и нежеланием бороться за «чуждые» интересы превратили Чехословацкий корпус из «активного фактора» контрреволюции в массу, готовую взбунтоваться.

Изучение собственных интересов, целей и идеалов чехословацких легионеров в этих условиях становилось неактуальным. Также было неактуально изучение различных невоенных аспектов истории Чехословацкого корпуса.

Следует подчеркнуть, что источниковая база (если иметь ввиду прежде

всего опубликованные источники) способствовала изучению именно данных аспектов истории Чехословацкого корпуса.

По сравнению с результатами, достигнутыми отечественной (как большевистской, так и небольшевистской) историографией на предыдущем этапе, это был существенный шаг назад.

§ 3 Исследования второй половины 1950-х – 1980-х годов

Отечественные историки неоднократно писали о позитивных изменениях, которые произошли в исторической науке после XX съезда КПСС. В литературе отмечалось, что эти изменения положительно отразились и на изучении гражданской войны в России. После 1956 года возросло внимание к Восточному фронту. Стала признаваться решающая роль Восточного фронта для судеб Советской Республики летом 1918 года (период наиболее активных боевых действий с участием Чехословацкого корпуса). Одним из положительных сдвигов было издание многочисленных сборников документов, большая часть из которых отражала историю гражданской войны в восточных районах страны¹. К тому же историки писали о том, что после 1956 года появилась возможность для более плодотворного изучения отечественной истории. Всё это давало надежду на то, что история Чехословацкого корпуса подвергнется дальнейшему, более углубленному изучению.

Однако названные сборники документов отражали обозначенную нами тему лишь косвенно. В них не содержалось ни одного документа, исходившего от Чехословацкого корпуса, вместе с тем, имелись постановления и резолюции чехословацких интернационалистов. Эти издания отражали не историю Чехословацкого корпуса, а историю борьбы с Чехословацким корпусом или раскрывали планы стран Антанты по его использованию².

Особое значение имела публикация в 1973 году первого тома «Доку-

¹ Боевые подвиги частей Красной Армии в 1918-1922 гг.: сб. документов. – М., 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 – июнь 1918). – Ульяновск, 1957; Главнокомандующий всеми вооружёнными силами Республики И.И. Вацетис: сб. документов. – Рига, 1978; Директивы Главного командования Красной Армии. (1917-1920). – М., 1969; Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920). – Пенза, 1960; Самарская губерния в годы гражданской войны. – Куйбышев, 1958; Симбирская губерния в годы гражданской войны. В 2 тт. – Т. 1. – Ульяновск, 1958; Т. 2. – Ульяновск, 1960, и др.

² См. напр.: Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. – 1961. – № 6; Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопросы истории. – 1971. – № 2. – С. 103-107.

ментов и материалов по истории советско-чехословацких отношений»³. Однако это издание представляло собой единичный пример. Более того, оно содержало в себе не только документы, исходившие от Чехословацкого корпуса, но и постановления органов Советской власти, резолюции чехословацких интернационалистов и т.д.

Вместе с тем, на этом этапе было опубликовано наиболее полное, глубокое, всестороннее и не утратившее своего значения исследование по истории Чехословацкого корпуса – монография А.Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России»⁴.

Монография А.Х. Клеванского заслужила высокую оценку в отечественной и чехословацкой⁵ историографии. Так, В.П. Наумов относил к достоинствам работы тот факт, что А.Х. Клеванскому удалось раскрыть неоднородность Чехословацкого корпуса, показать деятельность интернационалистов и революционную борьбу в рядах чехословацких военнопленных⁶. По словам А.Л. Литвина, труды А.Х. Клеванского расширили знания о контактах представителей антибольшевистских сил с интервентами⁷.

С.Ю. Малышева видит достоинства указанной монографии в других обстоятельствах. По её словам, книга А.Х. Клеванского «...изменяла старые взгляды на сущность чехословацкого движения в России и причины восстания чехословацкого корпуса, ибо показ национальных приоритетов в сознании легионеров, партийной борьбы в руководстве корпуса и движения в целом, намёки на планы использования корпуса не только правительств Антан-

³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т. 1. – М., 1973.

⁴ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. – М., 1965.

⁵ См.: Štvrtecký Š. Nová práce o čs. červenoarmejcích a légiách v Rusku [Rec. on: Klevanskij A.Ch. Čechoslovackije inetrnationalisty i prodanyj korpus. – Moskva: Nauka, 1965. – 392 s.] // Historie a vojenství. – 1966. – № 3. – S. 452-457.

⁶ Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. – М., 1972. – С. 350, 397.

⁷ Литвин А.Л. Советская историография краха «демократической» контрреволюции в России // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 116.

ты, но и Советского правительства, означал конец старой схемы восстания»⁸. По мнению С.Ю. Малышевой, издание монографии А.Х. Клеванского вкупе с выходом сборника документов о советско-чехословацких отношениях «...подняли уровень знаний о проблеме на такую отметку, за которой уже было невозможно прежнее восприятие событий, становился необходимым качественный пересмотр отношений легионеров к событиям в России, причин восстания чехословаков. Уровень знания о проблеме перерос рамки концепции мятежа периода гражданской войны, основанной исключительно на классовой оценке событий. Речь шла о том, чтобы подвергнуть критическому анализу и политику Советского правительства в отношении легиона, заговорить об обоюдной ответственности советской и чехословацкой сторон за конфликт»⁹.

Однако качественного пересмотра «отношений легионеров к событиям в России» или перехода к новому восприятию событий в историографии в 1960-80-е годы не произошло. Монография А.Х. Клеванского осталась единственным примером. Следует назвать ещё две работы, посвящённые Чехословацкому корпусу¹⁰. Для статьи В. Мазлера характерен не новый подход к рассмотрению темы, а скорее обобщение уже имеющихся фактов и оценок. В статье В.Д. Зиминной выделены отдельные аспекты истории Чехословацкого корпуса, при этом её оценки идут в русле советской историографии по теме и не отличаются новизной подходов.

В целом же, информация о Чехословацком корпусе в основном подавалась в качестве своеобразных дополнений и сопутствующих сюжетов в обобщающих трудах по истории гражданской войны¹¹, в монографиях, по-

⁸ Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991. – С. 45.

⁹ Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 45-46.

¹⁰ Зимина В.Д. Белочешский мятеж и германфильская монархическая контрреволюция. Попытки взаимодействия и их крах // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России: сб. науч. тр. – Калинин, 1989. – С. 137-145; Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. – 1970. – № 5. – С. 141-149.

¹¹ Гражданская война в СССР. В 2-х тт. – Т.1. – М., 1980; Т. 2. – М., 1986; История гражданской войны СССР. В 5 тт. – Т. 3. – М., 1957; Т. 4. – М., 1959; Т. 5. – М., 1960; Минц И.И. Год 1918-й. – М., 1982.

свящённых Восточному фронту¹², гражданской войне в различных регионах России¹³, истории антибольшевистских сил¹⁴. Особое внимание уделялось на этом этапе изучению истории партии эсеров, что также давало надежду на освещение истории Чехословацкого корпуса, так как считалось, что антибольшевистские правительства были созданы и держались на штыках Чехословацкого корпуса¹⁵. Информация о Чехословацком корпусе нашла отражение в работах, посвящённых чехословацким интернационалистам¹⁶.

Последняя группа изданий имела особое значение, так как она внушала читателю мысль, что «...не все чехи и словаки в России являлись «контрреволюционерами», среди них были и защитники советской власти. В советской историографии наиболее ярким и интересным примером такого подхода являлась известная книга А.Х. Клеванского»¹⁷.

Следует подчеркнуть, что работа А.Х. Клеванского отличалась не только новизной в подходах, но и широкой источниковой базой. Он активно обращался к работам чехословацких легионеров и политического руководства Чехословацкого корпуса (Э. Бенеш, Й. Куделя, Я. Папоушек, Ф. Штейдлер). Автор привлёк документы из советских (ЦГАОР, ЦГВИА и т.д.) и, что особенно ценно, из чехословацких архивов: Архив Военно-Исторического Института (AVNÚ; Фонды: Документы к выступлению против большевиков;

¹² Иснароков А.П. Восточный фронт 1918. – М., 1969; Янгусов З.Ш., Юджевич Л.Г. Дважды краснознамённая. – Казань, 1978.

¹³ Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). – Саратов, 1974; Мухарямов М.К., Литвин А.Л. Борьба за Казань в 1918 году. – Казань, 1968; Светачёв М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на дальнем Востоке (1918-1922). – Новосибирск, 1983.

¹⁴ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). – М., 1982; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – М., 1983; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – М., 1977.

¹⁵ Гармица В.В. Крушение эсеровских правительств. – М., 1970; Гармица В.В. О некоторых общих закономерностях возникновения, деятельности и ликвидации эсеро-меньшевистских правительств // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922 гг.: Сб. науч. трудов. Ч. I. – М., 1977. – С. 177-187; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. (Исторический очерк). – М., 1975; Литвин А.Л. Основные итоги изучения краха мелкобуржуазных партий в Поволжье (1918-1920 гг.) // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922 гг.: Сб. науч. трудов. Ч. II. М., 1977. – С. 87-97.

¹⁶ Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. – М., 1960; Щербakov В.Н. Братство, скреплённое кровью. Участие иностранных интернационалистов в борьбе за Советскую власть в Среднем Поволжье в 1918-1919 гг. – Куйбышев, 1961.

¹⁷ Посадсков А.Л. «Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 32.

Штаб Чехословацкого корпуса; Отделение ЧНС. Омск 1918; Отделение ЧНС. Протоколы); Архив Министерства Иностранных Дел (AMZV, Парижский архив).

Так, ссылаясь на Архив Военно-Исторического Института, А.Х. Клеванский привёл текст соглашения между руководителями Национального Совета и представителями Временного Правительства на Украине 27 октября 1917 года, в котором говорилось о невмешательстве Чехословацкого корпуса во внутренние российские дела, а также о том, что «... все чехословацкие части должны оставаться на стороне поддержания полного спокойствия и порядка и содействовать всеми средствами сохранению всего, что способствует продолжению ведения войны против нашего врага – австро-германцев»¹⁸. В то же время, ссылаясь на документы Штаба Чехословацкого корпуса, А.Х. Клеванский показал, что некоторые руководители Чехословацкого корпуса (в частности, генерал Я. Червинка, временно исполняющий обязанности командующего корпусом) были не прочь нарушить статьи о нейтралитете и невмешательстве во внутренние дела¹⁹. Привлечённые А.Х. Клеванским протоколы заседаний Отделения ЧНС позволили ему продемонстрировать разницу во взглядах руководства корпуса на то, оставить корпус в России (Й. Клецанда) или перебросить его во Францию (П. Макса)²⁰.

Из этого же архива (фонд «Документы к выступлению против большевиков») А.Х. Клеванским были извлечены и опубликованы выдержки из официального сообщения Временного исполнительного комитета чехословацкой армии по поводу выступления. Несмотря на то, что автор оценил данное сообщение как попытку «искажить действительную последовательность событий»²¹, само обнародование иной, отличной от существующей в историографии интерпретации событий, заслуживает внимания и уважения.

¹⁸ Клеванский А.Х. Указ. соч. – С. 129-130.

¹⁹ Там же. – С. 145.

²⁰ Там же. – С. 186.

²¹ Там же. – С. 207.

Из фонда Штаба первой дивизии А.Х. Клеванским были извлечены документы, которые показывают случаи неповиновения и отказ воевать отдельных солдат²², отказ участвовать в карательных экспедициях (солдаты 2, 3, 4-го полков 1-й дивизии, 8 и 9-го полков 2-й дивизии в мае 1919 года)²³, а также распоряжения о предотвращении подобного поведения²⁴.

Кроме того, А.Х. Клеванский привлёк документы внешней политики США²⁵. Привлечённые им документы раскрывают позицию правящих кругов США относительно возможного использования Чехословацкого корпуса. Так, в частности, он приводит заявление американского посла в России Д. Френсиса от 28 мая 1918 года о нежелательности разоружения Чехословацкого корпуса и его соответствующее распоряжение от 3 июня 1918 года²⁶.

Таким образом, привлечённые А.Х. Клеванским документы, с одной стороны были направлены на подтверждение существовавших в историографии мнений и оценок (враждебный нейтралитет, замыслы по использованию корпуса и т.д.). Они раскрывали негативные стороны деятельности Чехословацкого корпуса в Сибири. В то же время, привлечение этих документов во-первых, показало, что такие документы в принципе существуют, и, следовательно, для изучения истории Чехословацкого корпуса необходимо их более активное привлечение; во-вторых, эти документы исходили непосредственно от Чехословацкого корпуса и выражали точку зрения легионеров на происходящие события.

Следует подчеркнуть, что советские историки гораздо чаще ссылались на сборник документов под названием «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика и Бенеша». Однако он привлекался с определённой вполне конкретной целью. Прежде всего, стремление показать, что Т. Масарик имел контакты с президентом США В. Вильсоном (встреча

²² Клеванский А.Х. Указ. соч. – С. 279, 302.

²³ Там же. – С. 304.

²⁴ Там же. – С. 301.

²⁵ Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia II. – Washington, 1932. (далее FRUS)

²⁶ FRUS, pp. 177-178, 188. – Цит. по: Клеванский А.Х. Указ. соч. – С. 218.

19 июня 1918 года) по вопросу «...организации интервенции в России»²⁷. Помимо этого, обращалось внимание на тот факт, что Т. Масарик имел контакты с представителями местных антибольшевистских сил ещё до выступления Чехословацкого корпуса (в частности встреча с Б. Савинковым в марте 1918 года) и оказывал им определённую поддержку²⁸.

Многие концепции и оценки, которые сложились в 1930-50-е годы, на этом этапе получили дальнейшее развитие. В этой связи, мы можем говорить о преемственности в развитии советской историографии.

Советская историография признавала важную роль и значение выступления Чехословацкого корпуса в развязывании гражданской войны в России. Оно называлось «искрой, вызвавшей пожар гражданской войны в Поволжье»²⁹, «сигналом к выступлению сил внешней и внутренней контрреволюции»³⁰, «ядром, вокруг которого объединилась российская и империалистическая реакция»³¹, «ударным отрядом международной реакции»³², «чёрной штормовой волной», прокатившейся по огромной железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока³³.

Советские историки, по сути, во многом повторяли слова, сказанные ещё В.И. Лениным, согласно которым Чехословацкий корпус представлял собой одно из звеньев цепи, призванной удушить Советскую республику³⁴.

В литературе подчёркивался тот факт, что вдохновителями и организаторами мятежа были представители стран Антанты³⁵. Более того, указыва-

²⁷ Мухарямов М.К., Литвин А.Л. Борьба за Казань в 1918 году. – С. 10-11.

²⁸ Минц И. Указ. соч. – С. 485.

²⁹ Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – Казань, 1986. – С. 18.

³⁰ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – С. 127; Поляков Ю.А., Шелестов Д.К. Босвой восемнадцатый год. – М., 1958. – С. 8.

³¹ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 7.

³² Агалаков В.Т. Подвиг Центросибири. – Иркутск, 1968. – С. 135.

³³ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 57.

³⁴ Ср.: Поляков Ю.А., Шелестов Д.К. Указ. соч. – С. 20-21; Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 79.

³⁵ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 271, 272; Думова Н.Г. Указ. соч. – С. 132, 133; Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – С. 16, 18; Мухарямов М.К., Литвин А.Л. Борьба за Казань в 1918 году. – С. 10; Нснароков А.П. Указ. соч. – С. 250. – Подобные оценки сохранялись вплоть до конца 1980-х годов (См.: Урал в гражданской войне / Отв. ред. Васильковский О.А. – Свердловск, 1989. – С. 10). Забегая несколько вперёд, можно сказать, что подобные оценки встречаются и в современной отечественной историографии.

лось на зависимость Чехословацкого корпуса от представителей стран Антанты. При этом зависимость носила, прежде всего, финансовый характер. Так, Е.И. Медведев писал о передаче Англией и Францией Национальному Совету 15 миллионов рублей, а со стороны США – 12 миллионов рублей. Исходя из этого, он сделал вывод, что «...высокими денежными подачками империалисты склонили на свою сторону белочехов, особенно офицерский состав. Если раньше рядовой легионер получал пять рублей в месяц, то с началом мятежа ему стали платить уже 200 рублей»³⁶; в результате «...лидеры Национального совета окончательно лишились свободы выбора дальнейшего образа действия»³⁷. Чехословацкий корпус при этом был представлен лишь предметом торга, объектом купли/продажи³⁸, а его политическое руководство называлось не иначе, как «подкупленная буржуазная верхушка чехословацкого корпуса»³⁹.

В литературе приводились слова Т. Масарика о получении им кредита из личного фонда В. Вильсона на сумму 7 миллионов долларов, а также обмундирования и медикаментов от американского Красного Креста на сумму 12 миллионов долларов⁴⁰. М.И. Светачёв со ссылкой на Архив внешней политики России (АВПР) приводил сведения о среднемесячных расходах Франции на интервенцию в Сибири (с учётом содержания Чехословацкого корпуса), которые в первой половине 1919 года составляли 50 миллионов франков⁴¹. Тот же автор, ссылаясь на Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Латвийской ССР привёл сведения, что правительство Чехословакии после окончания интервенции обязалось выплатить свои долги Франции, «...вытекавшие из расходов последней на содержание их войск в

³⁶ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 76.

³⁷ Миц И.И. Указ. соч. – С. 499.

³⁸ Поляков Ю.А., Шелестов Д.К. Указ. соч. – С. 20.

³⁹ Гармица В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 184. – См. также: Янгузов З.Ш., Юджевич Л.Г. Указ. соч. – С. 6.

⁴⁰ См.: Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – Казань, 1986. – С. 19.

⁴¹ См.: Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 123.

Сибири. На долю Чехословакии пришлось 377 775 360 франков...»⁴². Историки продолжали ссылаться на статью в чехословацкой газете «Průkopník Svobody». Вместе с тем, в литературе не было приведено ни одного документа, в котором однозначно говорилось бы, что средства Чехословацкому корпусу выделялись лишь на условиях его выступления против Советской власти.

Таким образом, указанные факты призваны были проиллюстрировать несамостоятельность действий Чехословацкого корпуса и его вовлечение в орбиту политики стран Антанты.

Советские историки указывали на то, что «...Масарик и Бенеш согласились на использование легионеров в антисоветских целях, выторговав ряд условий (...) действия корпуса в Сибири признавались частью массивной союзной интервенции, на него распространялись права сражающихся на Западном фронте. Таким образом, буржуазное руководство ЧНС получало право голоса при решении русского вопроса на мирной конференции после разгрома Германии»⁴³. По мнению М. Мазлера, Т. Масарик полагал, что «...создание крупных чехословацких воинских формирований усилит его позиции в переговорах о признании самостоятельного чехословацкого государства»⁴⁴.

Однако подобная постановка вопроса была скорее исключением. Значение Чехословацкого корпуса как инструмента в борьбе за создание независимого Чехословацкого государства практически полностью игнорировалось. Более того, в литературе имелось мнение, что «...до начала интервенции ни чехословацкое правительство, ни англо-французские и американские империалисты не проявляли особого интереса к судьбе этого корпуса»⁴⁵.

Советские историки на этом этапе, рассматривая агитацию, проводив-

⁴² Там же. – С. 126.

⁴³ Свстачёв М.И. Указ. соч. – С. 68.

⁴⁴ Мазлер В. Указ. соч. – С. 141.- О стремлении при Масарика «купить благоволение Антанты» писали и другие авторы (См.: Райский Б. Красные и белые // Новое время. – 1967. – № 37. – С. 17).

⁴⁵ Янгузев З.Ш., Юдкевич Л.Г. Указ. соч. – С. 5-6.

шуюся в Чехословацком корпусе, но, не выделяя её в качестве отдельного и самостоятельного объекта исследования, отмечали, что она носила националистический и шовинистический характер⁴⁶. Содержание агитации сводилось к трём основным положениям: 1) угроза выдачи чехословацких легионеров Германии и Австро-Венгрии⁴⁷; 2) Солдат корпуса убеждали в том, что «...они выступают единым фронтом с русскими социалистами: меньшевиками и правыми эсерами»⁴⁸ и, тем самым, «служат делу революции»⁴⁹; 3) Чехословацких легионеров убеждали в том, что они своими действиями способствуют созданию противогерманского фронта⁵⁰.

За счёт того, что советские историки приступили к более активному изучению движения интернационалистов, появилась возможность сопоставления (вернее противопоставления) интернационалистов и чехословацких легионеров. Советские историки писали о том, что представители Советской власти вели агитацию в среде легионеров с призывом вступать в Красную Армию⁵¹. Та часть легионеров, которая не поддавалась большевистской пропаганде и находилась «...под реакционным влиянием буржуазного Национального Совета... не сумела разобраться в сложившейся обстановке и сделать правильные практические выводы»⁵² характеризовалась как несознательная. Подчёркивалось, что чехословацкие легионеры плохо разбирались в политической обстановке⁵³. Сознательность и политическая зрелость признавалась лишь за теми чехословаками, кто вступил в ряды Красной Армии⁵⁴. В итоге сложилась следующая схема выступления Чехословацкого корпуса: «Проданные своими руководителями, обманутые злостной антисоветской агитацией и клеветой, находясь в чужой стране и плохо разбираясь в происходя-

⁴⁶ Минц И.И. Указ. соч. – С. 496.

⁴⁷ Мазлер В. Указ. соч. – С. 142; Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 76-77; Минц И.И. Указ. соч. – С. 501; Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 11.

⁴⁸ Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – С. 22.

⁴⁹ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 6; Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 77.

⁵⁰ Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – С. 19.

⁵¹ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 77.

⁵² Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 79.

⁵³ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 68.

⁵⁴ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 11.

щих событиях, рядовые легионеры бессознательно и против своего желания стали исполнителями воли международной контрреволюции»⁵⁵. При этом ответственность возлагалась на «...продажное реакционное командование корпуса, бросившее десятки своих обманутых соотечественников в столь рискованное дело»⁵⁶.

Утверждение о «несознательности» чехословацких легионеров, выступивших против Советской власти развивало утверждения советских авторов 1920-х годов, о том, что легионеры были «обмануты», «одурачены».

В литературе 1960-80-х годов получила дальнейшее развитие тенденция, согласно которой ответственность за развязывание мятежа Чехословацкого корпуса перекладывалась на отдельных представителей Советской власти, как правило, неугодных, тех, кто был репрессирован в 1930-50-е годы и в 1960-80-е годы ещё не был реабилитирован (речь, прежде всего, шла о Л.Д. Троцком). Приказ Л.Д. Троцкого о разоружении оценивался как «преступная авантюра», которая шла вразрез с «...принятой в конце мая В.И. Лениным и совещанием работников ЦК РКП (б) совместно с представителями первого съезда чехословацких коммунистов в России установкой на мирное урегулирование конфликта даже тогда, когда он уже фактически начался»⁵⁷. Подчёркивался тот факт, что приказ о разоружении послужил предлогом к выступлению Чехословацкого корпуса⁵⁸, дал командованию корпуса дополнительный козырь в ходе проведения агитации⁵⁹. При этом любые попытки возложить хотя бы часть ответственности за развязывание мятежа на Советское правительство в целом категорически отвергались: «Чехословацкий мятеж начался 25 мая 1918 г. Накануне легионерам было объявлено, что *Советское правительство будто бы приказало остановить эшелоны и заключить чехов*

⁵⁵ Там же. – С. 11.

⁵⁶ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 81.

⁵⁷ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 78-79.

⁵⁸ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 80.

⁵⁹ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 79.

в лагеря (курсив мой – А.В.)»⁶⁰. Обтекаемо говорилось о возникающих на транспорте трудностях: «Из-за разрухи на транспорте продвигались они (Чехословацкий корпус – А.В.) медленно, и не было ни одной крупной станции, где бы не стояли поезда с частями корпуса»⁶¹. Подобное обтекаемое описание трудностей, с которыми сталкивался Чехословацкий корпус в ходе своего продвижения к Владивостоку, сохранилось в советской литературе до конца 1980-х годов⁶².

Более того, советские историки продолжали писать о миролюбивых инициативах Советской власти⁶³. А.П. Ненароков считал, что Советские органы власти не прибегали к разрушению на железной дороге (что привело бы к затруднению передвижения чехословацких легионеров и к ограниченности их манёвра) в том числе и потому, что «...возлагали до последнего момента надежды на переговоры и мирное устранение возникшего между легионером и органами Советской власти конфликта»⁶⁴.

Вся ответственность за развязывание конфликта и нежелание искать мирные альтернативы выхода из сложившейся критической ситуации возлагалась на представителей Чехословацкого корпуса. В литературе подчёркивалось, что чехословацкие легионеры отвергли «...все разумные доводы» в ходе переговоров с представителями Советской власти в Пензе в конце мая 1918 года⁶⁵, а также не стали вступать в переговоры с представителями Самарского горисполкома накануне боёв за город⁶⁶. Более того, руководители Чехословацкого Национального Совета по сути обвинялись в срыве работы смешанной комиссии, с целью «...не помешать начавшемуся мятежу»⁶⁷. Политика командования Чехословацкого корпуса характеризовалась как изна-

⁶⁰ Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 70.

⁶¹ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 58.

⁶² Зими́на В.Д. Указ. соч. – С. 140; Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918-1920 гг. – Свердловск, 1989. – С. 9.

⁶³ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 77.

⁶⁴ Цит. по: Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 92.

⁶⁵ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 45.

⁶⁶ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 92.

⁶⁷ Там же. – С. 90.

чально агрессивная и любое действие с их стороны рассматривалось либо как потенциальный акт агрессии, либо как стремление потянуть время или усыпить бдительность. Так, на следующий день после подписания Пензенского соглашения 26 марта 1918 года об условиях эвакуации чехословацких легионеров по корпусу был отдан приказ о демобилизации и сдаче оружия представителям советских органов. «Но это, - по мнению Ф.Г. Попова, - было сделано исключительно для усыпления бдительности советских органов. В действительности в эти дни шла бешеная подготовка к мятежу»⁶⁸. Прибытие 30 мая 1918 года в Сызрань делегации, присланной из Пензы командиром 1-й дивизии С. Чечekom для переговоров, характеризовалось как «военная хитрость», т.к. «...Чечек опасался, как бы Красная Армия не отрезала его части от основных сил мятежного корпуса»⁶⁹.

Характерно, что вступление в переговоры с целью выиграть время до подхода подкреплений было характерно и для советской стороны⁷⁰. При этом попытка представителей Центросибири⁷¹ непосредственно после начала мятежа «...путём мирных переговоров избежать развязывания военных действий» расценивалась как свидетельство о «...незнании истинных намерений и планов империалистов в отношении чехословацкого корпуса»⁷². Однако, констатируя миролюбивые инициативы советских органов власти, историки подвергли жёсткой критике непосредственные проявления этого миролюбия на местах. Так, договор Сызранского совета с чехословацким командованием характеризовался в литературе как ошибочный и недопустимый⁷³, объяснялся неопытностью и доверчивостью членов Сызранского исполкома⁷⁴. Подобная политика характеризовалась как капитулянтская⁷⁵. В данном случае мы

⁶⁸ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 8.

⁶⁹ Там же. – С. 48.

⁷⁰ Там же. – С. 56.

⁷¹ Центральный исполнительный комитет Советов Сибири – высший орган Советской власти в Сибири в октябре 1917 – августе 1918 годов.

⁷² Агалаков В.Т. Указ. соч. – С. 135.

⁷³ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 87.

⁷⁴ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 50.

⁷⁵ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 87; Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 51.

имеем дело, по сути, с двойными стандартами при оценке исторических фактов.

Таким образом, концепция равной ответственности советской и чехословацкой сторон за конфликт, о которой пишет С.Ю. Малышева, не получила своего развития. И в этом вопросе советские историки оказались на тех же позициях, что и их предшественники на предыдущем этапе.

Обратим внимание ещё на один интересный и важный сюжет в работах советских историков этого периода. Речь идёт о направлении движения чехословацких легионеров и о взятии Казани.

По мнению А.Л. Литвина и М.К. Мухарямова, сопротивление частей Красной Армии под Казанью не позволило войскам Комуча захватить город с ходу и привело к тому, что «...планы белочехов и комучевцев, исходивших из быстрого захвата Казани, Свияжска и дальнейшего продвижения к Нижнему Новгороду были сорваны»⁷⁶. О стремлении Чехословацкого корпуса прорваться к Москве писали М.И. Светачёв и Г.З. Иоффе⁷⁷.

В литературе крайне противоречиво освещалась позиция командования Чехословацкого корпуса по вопросу наступления на Казань. По мнению М.К. Мухарямова и А.Л. Литвина, «...командующий чехословацкой группировкой Чечек и комучевский «военный министр» Галкин возражали против похода на Казань, «...ссылаясь на недостаток сил и растянутость фронта»⁷⁸. По словам Г.З. Иоффе, «...в Самаре понимали, что летние «ошеломительные» победы имеют нежелательные последствия: фронт и коммуникации неуклонно растягивались, что при наличии относительно небольших [резервов] представляло собой немалую опасность. Там, за линией фронта (и этого не могли не понимать белочешские, самарские и омские стратеги), большевистская партия с присущей ей негибкой волей мобилизует все силы для реше-

⁷⁶ Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Решающий рубезж. – С. 68.

⁷⁷ Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 81; Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 171

⁷⁸ Мухарямов М.К., Литвин А.Л. Борьба за Казань в 1918 году. – С. 21.

тельного отпора врагу»⁷⁹. Интересно, что Г.З. Иоффе при этом чуть ли не дословно пересказал аргументацию С. Чечека против наступления на Казань, которая содержится в книге начальника Народной армии Комуча, генерала П.П. Петрова, опубликованной в Риге ещё в 1930 году⁸⁰. Г.З. Иоффе указывал на то обстоятельство, что «...захват Казани не входил в заранее разработанный стратегический план Комуча. Его лидеры склонялись к тому, чтобы развивать наступление в юго-западном направлении, на соединение с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина»⁸¹.

Вместе с тем, в литературе имелось и другое мнение по вопросу об отношении С. Чечека к плану наступления на Казань. По мнению А.П. Ненарокова, «...попытки представить В. Каппеля и всё самарское командование во главе с самим Чечekom противниками наступления на Казань неверно»⁸². При этом А.П. Ненароков ссылался на план, принятый на совещании в Симбирске 27 июля 1918 года. На этот же план ссылались авторы монографии «Гражданская война в СССР». Указанный план сводился к тому, чтобы, создав обширный плацдарм на Волге, соединиться с антибольшевистскими силами на Юге и на Севере России, организовать совместный поход на Москву: «План, разработанный на совещании в Симбирске 27 июля совместно с представителями Антанты, намечал нанесение главного удара по требованию англичан с юга на север – в направлении на Казань, Нижний Новгород... Выбор главного направления диктовался стремлением сорвать готовящееся наступление войск Восточного фронта и захватить половину золотого запаса Республики, хранившегося в Казани»⁸³. При этом рассуждения руководителей Комуча о том, что взятие Казани было «катастрофической ошибкой» расценивались

⁷⁹ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 74-75.

⁸⁰ Ср.: Чечек, Галкин и Штаб в Самаре «...не верили в то, что Казань сумеет после занятия обеспечить себя и удержаться собственными силами; считали, что удар в чувствительное место заставит Советскую власть напрячь все усилия для обратного овладения и что потому туда потребуются большие подкрепления, которых не было в запасе» / Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. (1918-1922 гг.). – Рига, 1930. – С. 34.

⁸¹ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 63-64.

⁸² Ненароков А.П. Указ. соч. – С. 200.

⁸³ Гражданская война в СССР. Т. I. – С. 182, 184.

А.П. Ненароковым как «...самоуспокоительное объяснение провала»⁸⁴.

Таким образом, советские историки, не разбираясь детально в мотивах поведения командования Чехословацкого корпуса в ходе операции по взятию Казани в частности (как и в мотивах поведения Чехословацкого корпуса в России в целом) представляли корпус частью интервенционистских сил, заинтересованных в свержении Советской власти.

В литературе 1960-80-х годов было уделено внимание вопросу о взаимоотношениях Чехословацкого легиона с представителями антибольшевистских сил. Особый интерес к данной теме был обусловлен тем, что советские историки после XX съезда КПСС обратились более активно к изучению антибольшевистских сил. При этом уже само название многих работ говорит о том, что историки были нацелены на то, чтобы показать слабость и бесперспективность антибольшевистских правительств.

Подчёркивалось, что решающим фактором успеха антибольшевистского выступления в Поволжье и Сибири был мятеж Чехословацкого корпуса⁸⁵. Указывалось, что выступление Чехословацкого корпуса способствовало образованию антибольшевистских правительств⁸⁶. В наиболее крайних проявлениях эта точка зрения высказывалась так: «Только внешние силы иностранных интервентов посадили эсеров в правительственные кресла. В Среднем Поволжье, на Урале и в Сибири это были legionеры купленного Антантой и восставшего против Советской власти Чехословацкого корпуса»⁸⁷. Более того, утверждалось, что «...без помощи извне, без поддержки интервентов Комуч не смог бы продержаться у власти и одной недели»⁸⁸. Доходило до того, некоторые историки утверждали, что правительства П.Я. Дербера и

⁸⁴ Ненароков А.П. Указ. соч. – С. 200.

⁸⁵ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 66.

⁸⁶ Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 7-8; Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – С. 23; Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Решающий рубсж. – С. 20.

⁸⁷ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 286; Он же. О некоторых общих закономерностях возникновения, деятельности и ликвидации эсеровско-меньшевистских правительств // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922 гг.: Сб. науч. трудов. Ч. I. – М., 1977. – С. 180.

⁸⁸ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 19. – Несогласие со столь категоричным утверждением высказал А.Л. Литвин (См.: Литвин А.Л. Основные итоги изучения краха мелкобуржуазных партий в Поволжье (1918-1920 гг.). – С. 90.

П.В. Вологодского были «...марионетками в руках командования чехословацкого корпуса, и оно вертело ими в угоду своих империалистических хозяев»⁸⁹. В литературе также признавался тот факт, что именно чехословацкие легионеры несли на себе основную тяжесть борьбы с Советской властью летом-осенью 1918 года⁹⁰. Интересно, что при обосновании подобных утверждений советские историки ссылались ^и на свидетельства представителей антибольшевистских сил. Так, А.Л. Литвин и М.К. Мухарямов приводили слова капитана А. Степанова о том, что «...операции под Казанью ведутся всё время чехами и сербами»⁹¹. Г.З. Иоффе привёл слова из отчётного доклада уполномоченного Сибирского правительства Е.Е. Яшнова, что Комуч «...живёт лишь силой инерции и чехословаков»⁹².

Таким образом, история Чехословацкого корпуса как бы вкраплялась в историю антибольшевистского движения на востоке России. Все советские историки признавали, что Чехословацкий корпус оказал существенную помощь антибольшевистским силам тем, что способствовал свержению Советской власти. Спорным оставался лишь вопрос о том, какова была степень самостоятельности (прежде всего военной), антибольшевистских правительств, образовавшихся в Поволжье, на Урале и в Сибири в результате выступления Чехословацкого корпуса. В целом, по данному вопросу не было сказано ничего принципиально нового.

Советские историки продолжали писать о приверженности чехословацких легионеров социалистическим взглядам, о поддержке ими партии эсеров. Г.З. Иоффе писал о поддержке эсеров русским отделением Чехословацкого Национального Совета⁹³. Отмечался тот факт, что их сближала мелкобуржуазная идеология: «С офицерами и солдатами корпуса эсеры нашли

⁸⁹ Мазлер В. Указ. соч. – С. 145.

⁹⁰ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 73; Ненароков А.П. Указ. соч. – С. 196; Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки. Куйбышев, 1959. С. 167; Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 80, 93.

⁹¹ Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Решающий рубеж. – Казань, 1978. – С. 92.

⁹² Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 63.

⁹³ Там же. – С. 106.

общий язык на почве мелкобуржуазной идеологии»⁹⁴. По словам Г.З. Иоффе, чехословацкие легионеры пришли на выручку 20 эсеровским руководителям в Екатеринбурге после переворота в Омске и избавили их от ареста. Вмешательство чехословацких легионеров он объяснял тем, что они стремились «...сохранить своё демократическое лицо»⁹⁵.

При этом советские историки лишь констатировали приверженность легионеров Чехословацкого корпуса социалистическим взглядам и не подвергли политические пристрастия и убеждения легионеров более подробному рассмотрению.

В связи с изучением роли и значения Государственного совещания, проводившегося с 8 по 23 сентября 1918 года в Уфе, рассмотрению подверглась и позиция Чехословацкого корпуса на этом совещании. Указанная проблема была поставлена ещё в 1920-е годы в небольшевистской историографии. В литературе 1960-80-х годов сложилось мнение, что чехословацкие легионеры оказывали решающее влияние на исход переговоров. Само совещание было созвано «...по настоянию белочехов и ряда союзных представителей... с целью создания единой антисоветской власти»⁹⁶. При этом подчёркивалась заинтересованность чехословацкого командования «...в объединении и сплочении по возможности всех контрреволюционных сил»⁹⁷, обусловленная нежеланием «...распылять своей помощи среди разрозненных антисоветских сил» и требованием «...более активной военной поддержки со стороны белогвардейцев»⁹⁸. Достигнутое соглашение «...было призвано объединить под единым командованием самарскую армию и чехословацкие войска и тем вновь спаять треснувший белогвардейский фронт»⁹⁹. В итоге, по словам В.В. Гармизы, позиция чехословацкого командования и русского от-

⁹⁴ Гусев К.В. Указ. соч. – С. 237.

⁹⁵ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – С. 188.

⁹⁶ Свстачёв М.И. Указ. соч. – С. 89.

⁹⁷ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 188.

⁹⁸ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – С. 172.

⁹⁹ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 191.

деления Чехословацкого национального совета имела решающее значение: единое общероссийское правительство было образовано под угрозой оставления фронта чехословацкими легионерами¹⁰⁰. При этом партийный состав Директории «...отражал в большей степени соотношение сил на совещании, где большинство участников принадлежало к соглашательским партиям и где явно ощущался нажим со стороны белочехов, симпатизировавших эсерам»¹⁰¹.

Таким образом, представители Чехословацкого корпуса выступали за образование единой всероссийской власти, которая могла бы продолжить борьбу с большевиками более эффективно, объединив свои силы. При этом для советских историков, на наш взгляд, важна была не позиция Чехословацкого корпуса и его политические пристрастия как таковые, а то, что всероссийское антибольшевистское правительство было создано под нажимом и при содействии иностранных сил.

Вместе с тем В.В. Гармиза выдвинул утверждение, противоречившее его последующему выводу: «Союзники и подкупленная ими буржуазная верхушка чехословацкого корпуса временно поощряли образование контрреволюционных автономных властей и их сепаратистские тенденции, облегчавшие интервентам захват русских земель»¹⁰².

Все вышеприведённые цитаты наводят на мысль, что Чехословацкий корпус был заинтересован в интенсификации антибольшевистской борьбы. Другие утверждения советских историков лишь усиливают это впечатление. Действия представителей Чехословацкого корпуса во время Государственного совещания в Уфе в литературе расцениваются как вмешательство во внутренние дела России¹⁰³. Более того, приводятся свидетельства, согласно которым ряд чехословацких руководителей выступил с призывом прислать до-

¹⁰⁰ Там же. – С. 195, 196.

¹⁰¹ Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 90.

¹⁰² Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – С. 184.

¹⁰³ Там же. – С. 196.

полнительные войска: «Ещё в сентябре 1918 г. командующий чехословацкими войсками в России генерал Я. Сыровы заявил, что создавшаяся обстановка требует немедленного продвижения союзных войск на западный поволжский фронт»¹⁰⁴. С подобными инициативами выступало не только военное, но и политическое руководство Чехословацкого корпуса: «Особенно настойчивые призывы к расширению вмешательства поступали от чехословацких лидеров, ибо их корпус терпел в России поражения»¹⁰⁵. Подобные призывы расценивались в историографии как расширение интервенции, как продолжение антисоветской политики и придание ей большего размаха¹⁰⁶. Что же способствовало тому, что легионеры, до этого неоднократно заявлявшие о своём нейтралитете, заняли столь решительную позицию?

В качестве главного обстоятельства, которое привело к снижению боеспособности чехословацких легионеров, а также к последующему разложению в их рядах (что выражалось в отказе от ведения боевых действий и требования отвести их в тыл и даже вернуть в Чехословакию) назывались боевые успехи Красной Армии, а также агитация большевиков и чехословацких коммунистов¹⁰⁷. Не случайно, что советские историки именно к осени и зиме 1918 года относили ликвидацию мятежа Чехословацкого корпуса¹⁰⁸. При этом советские историки во многом повторили оценки и утверждения, которые содержались в официальных постановлениях органов Советской власти, приказах военачальников и т.д. Так, И.И. Вацетис в своём приказе командованию 1 и 4 армий о переходе в наступление на Сызрань и Самару от 20 сентября 1918 года отмечал, что «...перехвачено донесение противника, из ко-

¹⁰⁴ Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – С. 92; Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Решающий рубеж. – С. 157.

¹⁰⁵ Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 99.

¹⁰⁶ Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...». – С. 91-92; Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 99.

¹⁰⁷ Гражданская война в СССР. – Т.1. – С. 192, 198; Мазлэр В. Указ. соч. – С. 146; Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 170, 179.

¹⁰⁸ Гражданская война в СССР. – Т.1. – С. 198. – В историографии существовали и другие мнения по данному вопросу. По словам Ф.Д. Волкова, «...чехословацкий мятеж был ликвидирован вместе с разгромом Колчака в конце 1919 года» (См.: Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопросы истории. – 1971. – № 2. – С. 105).

того видно, что под Казанью чехословаки разбиты нами наголову»¹⁰⁹. При этом текста этого донесения ни в приказе, ни в сборнике документов нам обнаружить не удалось.

Таким образом, в литературе этого периода было дано, во многом, одностороннее понимание мотивов действий Чехословацкого корпуса в России. Не рассматривался вопрос о том, какое влияние на чехословацких легионеров оказало известие об образовании независимой и самостоятельной Чехословацкой республики, а также известие о завершении мировой войны и поражении в ней Австро-Венгрии и Германии.

В связи с этим обратим внимание на ещё один сюжет, который привлёк внимание советских историков. В литературе описывались случаи разложения в рядах Чехословацкого корпуса. Внимание к этому сюжету обусловлено тем, что факты разложения в рядах интервенционистских войск интерпретировались как успех большевистской агитации и вооружённых усилий Красной Армии. Подчёркивался тот факт, что представители интервенционистских войск переставали верить в справедливость тех целей и идеалов, которые привели их в Россию (сознательно или вынужденно). Так, под Екатеринбургом и Кунгуром чехословацкие легионеры оставляли фронт и уходили в тыл, даже не ставя об этом в известность колчаковское командование¹¹⁰. При этом чехословацкие легионеры уже в августе 1918 года требовали смены¹¹¹, а позднее и скорейшего возвращения домой¹¹². Впервые подобные настроения проявились после падения Казани и Симбирска: «Деморализация белой армии усиливалась... рядовые солдаты чехословацкого корпуса также не имели желания погибать за чуждые им интересы. Они всё чаще и громче протестовали против участия в аванюре иностранной и русской контрреволюции»¹¹³. К январю 1920 года подобные настроения приобрели угрожающий характер:

¹⁰⁹ Главнокомандующий всеми вооружёнными силами Республики И.И. Вацетис. – С. 90.

¹¹⁰ Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 121.

¹¹¹ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 77.

¹¹² Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 128.

¹¹³ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 167.

«Чехословацкие солдаты в массе своей не хотели воевать за чуждые им интересы и всё настойчивее требовали немедленного прекращения военных действий и возвращения на родину. Увеличились случаи неповиновения, перехода белочешских солдат на сторону Красной Армии. Чехословацкое командование вынуждено было пойти на предложенные Советским правительством переговоры о перемирии»¹¹⁴. В литературе приводились сведения о том, что командование Чехословацкого корпуса в конце 1918 года всерьёз опасалось бунта в своих частях¹¹⁵.

В литературе получил отражение сюжет об отношении чехословацких легионеров к перевороту 18 ноября 1918 года и об их последующих взаимоотношениях с А.В. Колчаком. На предыдущем этапе развития отечественной историографии этот сюжет выпал из поля зрения историков. Однако в 1920-е годы эта проблема ставилась большевистскими и особенно небольшевистскими авторами.

С одной стороны, приводились сведения о том, что легионеры выступали против намечавшегося переворота¹¹⁶, а также были недовольны его итогами (реакционным, по их мнению, характером нового правителя)¹¹⁷. Указывалось на то, что часть политического руководства корпуса заняла обнадеживающую для депутатов Учредительного собрания позицию и заявила о своей готовности оказать Совету управляющих ведомствами Комуча полную поддержку, в том числе и военную¹¹⁸. Более того: «Белочехи практически перестали играть серьёзную роль на фронте, так как после колчаковского переворота заявили о своём нежелании «...ни помогать, ни симпатизировать новому режиму в Омске»¹¹⁹, что проявилось в отказе сражаться за него на фронте¹²⁰,

¹¹⁴ Гражданская война в СССР. – Т. 2. – С. 231.

¹¹⁵ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 15, 176.

¹¹⁶ Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 97.

¹¹⁷ Там же. – С. 114.

¹¹⁸ Цит. по: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 153.

¹¹⁹ Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 125.

¹²⁰ Там же. – С. 161.

а также в серии выступлений легионеров в Екатеринбурге и других местах¹²¹. Подчёркивалось, что к началу 1919 года «...Колчаку пришлось столкнуться со многими случаями низкого морального состояния чехословацких и белогвардейских солдат, не желавших воевать за чуждые им интересы»¹²². В итоге иностранные войска после омского переворота были переведены в тыл. Чехословацким легионерам практически с начала 1919 года была поручена охрана Сибирской железнодорожной магистрали¹²³.

Однако в итоге чехословацкие легионеры не оказали существенную помощь Директории и не выступили организованно против А.В. Колчака. В литературе назывались различные причины того, что чехословацкие легионеры не оказали противодействия омскому перевороту 18 ноября 1918 года: «Они заключались, конечно, в поражениях, понесённых «директоральными» войсками на фронте, в отсутствии морально-политического престижа власти Директории, в усилившихся процессах разложения внутри самих чешских войск, в их усталости, нежелании ввязываться в новые политические авантюры и т.д. Но решающей причиной оказалась всё же позиция антантовских союзников»¹²⁴. К этим причинам добавлялась также позиция руководства Чехословацкого корпуса и отрицательное отношение некоторых военных руководителей Чехословацкого корпуса к «эсеро-меньшевистским учредилловцам»¹²⁵. Подобный вывод был сделан в небольшевистской историографии ещё в 1920-е годы.

В литературе имелось мнение, что разрыв отношений Чехословацкого корпуса с А.В. Колчаком был обусловлен не только и не столько идейными обстоятельствами, а скорее тактическими соображениями: «Белочешская верхушка (командование и так называемый Национальный совет) уже поняла, что карта Колчака бита. Ей снова приходилось переориентироваться на

¹²¹ Попов Ф.Г. Указ. соч. – С. 15.

¹²² Светачёв М.И. Указ. соч. – С. 121.

¹²³ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 217.

¹²⁴ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 154.

¹²⁵ Там же. – С. 151, 153, 154, 148.

другие антибольшевистские силы – главным образом эсеров и меньшевиков»¹²⁶. Советские историки оценили меморандум политического руководства корпуса, опубликованный 13 ноября 1919 года, как попытку «...оградить себя от враждебных действий со стороны сибирского населения и добраться до Владивостока, а также наладить сотрудничество с антиколчаковскими группировками, которые обещали заключить мир с Красной Армией и помочь иностранным войскам выбраться из Сибири»¹²⁷. Характерно при этом, что позднее чехословацкие legionеры «...решили использовать головы Колчака и Пепеляева как выкуп за свой беспрепятственный выезд из Сибири»¹²⁸.

К числу «новшеств» в изучении Чехословацкого корпуса можно отнести попытки оценить материальный ущерб от произведённых чехословацкими legionерами действий. Так, по данным В.И. Василевского в 1919-1920 годах они не уплатили за провоз по железной дороге грузов 9 млн. 689 тыс. рублей¹²⁹. Для сравнения: японцы не внесли подобных платежей на сумму более чем 14 млн. рублей, американцы – около 2 млн. рублей, французы – 1 млн. 607 тыс. рублей¹³⁰. Подобные попытки предпринимались в небольшевистской историографии ещё в 1920-е годы, однако они не были подкреплены документально.

Развитие отечественной историографии в этот период было весьма противоречиво. С одной стороны, произошёл количественный прирост работ, посвящённых истории гражданской войны (а это именно тот самый контекст, в котором продолжала рассматриваться история Чехословацкого корпуса), расширилась публикация документов.

Однако всё это практически никак не отразилось на изучении истории

¹²⁶ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – С. 207.

¹²⁷ Свстачёв М.И. Указ. соч. – С. 185.

¹²⁸ Думова Н.Г. Указ. соч. – С. 332.

¹²⁹ Василевский В.И. Из истории борьбы с интервентами в Восточном Забайкалье // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1988-1922гг.): сб. ст. – Владивосток, 1988. – С. 52.

¹³⁰ Там же. – С. 52.

Чехословацкого корпуса. Монография А.Х. Клеванского, которая до сегодняшнего дня остаётся наиболее полным и глубоким исследованием в отечественной историографии, являлась единичным фактом.

В советской историографии Чехословацкий корпус рассматривался не сам по себе, а как часть вооружённых сил интервенции. Подобная постановка проблемы призвана была решить две важнейшие задачи: 1) раскрыть картину заговора «мировых империалистов», в котором у каждого из участников была своя роль; 2) подчеркнуть слабость представителей местных антибольшевистских сил и их зависимость от иностранной поддержки; показать противоречия в их рядах, что должно было проиллюстрировать слабость антибольшевистских сил. Помимо этого, мы можем выделить ещё одну причину, которая заставляла историков обращаться к изучению истории Чехословацкого корпуса – стремление показать успехи советского оружия (как на полях сражений, так и на идеологическом фронте).

Для советской историографии на указанном этапе характерно примерно такое же сюжетное разнообразие, как и на предыдущих этапах. Более того, произошло даже некоторое обеднение тематики: была прекращена разработка вопросов истории чехословацких добровольческих формирований на территории России в 1914-1917 годах, наблюдалось игнорирование национально-психологических особенностей Чехословацкого корпуса (начиная от целей и намерений, заканчивая социальным составом). Многие оценки, сложившиеся на предыдущих этапах получили своё закрепление и некое «фактографическое насыщение». По отношению к legionерам Чехословацкого корпуса стала в массовом порядке употребляться такая формулировка, как «белочехи»¹³¹.

Устоявшаяся интерпретация истории Чехословацкого корпуса стала

¹³¹ Гражданская война в СССР. – Т.1. – С. 192; Т. 2. – С. 231; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. – С. 74-75; Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – С. 172, 207; Литвин А.Л., Мухарямов М.К. Ресхающий рубеж. – С. 68; Медведев Е.И. Указ. соч. – С. 7, 8, 76, 171, 170, 179; Свстачёв М.И. Указ. соч. – С. 89, 90, 125, 195.

важной составной частью концепции гражданской войны и иностранной вооружённой интервенции в России. При этом его роль была чётко обозначена и закреплена. Неслучайно, что в оценке многих аспектов из истории Чехословацкого корпуса на этом этапе наблюдается единодушие.

§ 4 Новейшая историография

В современной отечественной историографии наблюдается рост интереса к истории Чехословацкого корпуса¹. Ситуацию, сложившуюся вокруг изучения Чехословацкого корпуса, можно условно обозначить как «историографический взрыв»: за последние 13 лет по этой теме было издано практически столько же публикаций, сколько за все предыдущие годы. При этом все работы представляют собой статьи, нет ни одной монографии. Особое внимание истории Чехословацкого корпуса в России уделяется на страницах альманаха «Белая армия. Белое дело» (Екатеринбург), а также на серии научных конференций «История Белой Сибири» (Кемерово) и в публикациях их материалов. Следует подчеркнуть приоритет региональных (прежде всего уральских и сибирских) историков в изучении Чехословацкого корпуса в России.

Сюжеты, связанные с историей Чехословацкого корпуса нашли отражение в так называемой региональной историографии, в которой рассматри-

¹ Белоусова О.А. Чехословацкая «Одиссея» в Сибири (по материалам периодической печати и воспоминаниям современников) // История Белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. 7-8 февраля 2005 г. / Отв. ред. С.П. Звягин. – Кемерово, 2005. – С. 40-46; Голуб П. Из истории гражданской войны в России // Диалог. – 2001. – № 3,4; Дмитриев Н.И. К вопросу о роли чехословацкого корпуса в хозяйственной жизни белого Востока России // История белой Сибири: тезисы 4-й науч. конф. 6-7 февраля 2001 года. – Кемерово, 2001. – С. 155-158; Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. – Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 7-24; Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность её альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения: К 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале: материалы регионального науч. семинара, 24-25 апреля 1999 г. / Отв. ред. Нарский И.В. – Челябинск, 1999. – С. 56-72; Левчук А.П. Ещё раз о «Преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): материалы всерос. симпозиума, посвящённого памяти И.М. Разгона. – Ч. 2. – Томск, 1996. – С. 3-12; Никонова О.Ю. Чехословацкий корпус и правительства «демократической контрреволюции» в 1918-1919 годах // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч. 2. – Челябинск, 1995. – С. 57-60; Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 года) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург. – 2000. – № 7. – С. 5-17; 2000. – № 8. – С. 5-21; Симонов Д.Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период гражданской войны (1918-1920) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 145-148; Скробов В.С. Мятёжный корпус // Вестник Челябинского университета. – Сер. 1. – История. – Челябинск, 1993. – № 1 (5). – С. 29-40; Устинкин С.В. Участие чехословацкого корпуса в интервенции в России (1918-1920 гг.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакию между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды славянской «библиотеки и пражских архивов»: междунар. конф., Прага, 14-15 августа 1995 г.: сб. докладов. – Ч. 2. – Прага, 1995. – С. 590-596; Юрченко В. Мятёж которого не было // Родина. – 1994. – № 1. – С. 28-34.

вается история гражданской войны в различных регионах России². Кроме этого, история корпуса была затронута в работах, посвящённых антибольшевистскому движению³. Информация о Чехословацком корпусе содержится в работах, посвящённых отдельным лидерам Белого движения и антибольшевистских сил⁴. Следует отдельно выделить кандидатские диссертации, защищённые по антибольшевистскому движению⁵. История Чехословацкого корпуса отражена в работах, посвящённых некоторым частным вопросам из истории гражданской войны⁶. Следует назвать единственную работу, автор которой изучает чешский вопрос в России в годы первой мировой войны (не упоминая при этом ни слова о Чехословацком корпусе)⁷.

В.И. Голдин, давая характеристику историографической ситуации на современном этапе, подчеркнул, существенное различие авторских интерпретаций: «Здесь и попытки полностью пересмотреть видение, характерное для советской историографии. Налицо стремление ряда авторов переложить

² Дроков С.В. Некоторые проблемы истории гражданской войны в Сибири // Вопросы истории. – 1999. – № 6. – С. 46-63; История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век (1918-1998). – М., 2000; Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. – Томск, 1995; Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны. – Казань, 1991; Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918-1920 гг. – Барнаул, 1991; Машин М.Д., Семьянинов В.С. Вооружённая борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции (1918-1919). – Иркутск, 1991; Плотников И.Ф. Средний Урал в годы гражданской войны (1918-1920): Учебное пособие. – Свердловск, 1990; Урал в гражданской войне / Отв. ред. Васильковский О.А. – Свердловск, 1989.

³ Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 51-64; Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. – М., 1992; Каревский А.А. К истории взаимоотношений Сибирской и Народной армий летом-осенью 1918 г. // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 147-150; Каревский А.А. К истории российской армии Уфимской директории // История Белой Сибири: тезисы 3-ей науч. конф. (2-3 февраля 1999 года, Кемерово). – Кемерово, 1999. – С. 23-26; Клавинг В.В. Белая гвардия. – СПб., 1999; Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). – Ульяновск, 1998; Плешкевич Е.А. Временное Областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 30-35.

⁴ Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). – М., 1999; Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 50-67; Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. – Ростов н/Д, 1998.

⁵ Казанчиев А.Д. Уфимская Директория 1918 года: Дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1995; Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 года: Дисс. ... канд. ист. наук. – Москва, 2001; Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: Дисс. ... канд. ист. наук. – Самара, 1997; Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917-1918 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. – Томск, 1996.

⁶ Гак А.М. О судьбе золотого запаса России (1918-1920 гг.) // Новая и новейшая история. – 1993. – № 6. – С. 133-155; Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. – М., 2000.

⁷ Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М., 1994. – С. 113-126.

всю полноту ответственности с чехов и стоявших за ними держав Антанты на органы советской власти, обвиняя последние в непродуманной политике и даже в провоцировании выступления корпуса. Но для целого ряда работ характерно стремление непредвзято разобраться в запутанном узле противоречий, которые и привели к кровавому финалу»⁸. Своё рассуждение В.И. Голдин завершает выводом, что указанная проблема заслуживает дальнейшего обстоятельного изучения⁹. Такого же мнения придерживаются и ряд других историков¹⁰.

Некоторые историки указывали на конкретные вопросы, которые требуют дальнейшего изучения или пересмотра оценок. А.В. Иванов, например, считает недостаточно разработанным вопрос о причинах чехословацкого восстания: «Прежняя его трактовка безнадёжно устарела, а новая, предлагающая признать равную ответственность обеих сторон – и советской власти, и её оппозиции – за развязывание этой кровавой драмы, не нашла пока достаточно большого количества сторонников»¹¹. По мнению П.А. Новикова, «...выступление чешских легионеров и их роль на начальном этапе Гражданской войны в Сибири до сих пор нуждается в уточнении и освобождении от мифотворчества. Нарочито мутно излагаются, например, попытки разоружения чехов»¹². Н.И. Дмитриев пишет о слабой изученности вопроса об экономической деятельности чехословацких легионеров в России¹³.

Таким образом, интерес к истории Чехословацкого корпуса обусловлен, прежде всего, неизученностью многих аспектов его деятельности, а также потребностью в реинтепритации отдельных сюжетов.

Практически все историки признают, что выступление Чехословацкого корпуса стало своеобразным катализатором, переведшим гражданскую войну

⁸ Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерк новейшей историографии (вторая половина 1980-90-с годы). – Архангельск, 2000. – С. 54.

⁹ Там же. – С. 54.

¹⁰ См. напр.: Дмитриев Н.И. Указ. соч. – С. 155; Иванов А.В. Указ. соч. – С. 22.

¹¹ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 7.

¹² Новиков П.А. Указ. соч. – С. 12.

¹³ Дмитриев Н.И. Указ. соч. – С. 155.

на новую стадию: «...от локальных спорадических столкновений небольших отрядов стороны перешли к широкомасштабным военным действиям с участием крупных войсковых группировок. В короткий срок обширные районы Поволжья, Урала, Сибири превратились в театр военных действий». По словам всё того же автора пересматривается, прежде всего, «...оценка места и роли чехословацкого выступления в общем ходе борьбы в российском обществе, а также причин, его породивших. При этом упор делается прежде всего на социально-политические предпосылки внутреннего характера, приведшие к Гражданской войне в России»¹⁴.

В современной отечественной историографии пересматриваются многие мнения, оценки и концепции, которые на предыдущем этапе казались невыблемыми.

В 1990-е годы была поставлена под сомнение сама формулировка и употребление слова «мятеж» в отношении выступления Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 года¹⁵. Так, В. Юрченко в статье «Мятеж, которого не было» пишет слово «мятеж» в кавычках, так как «...нельзя именовать мятежом действия одной армии против другой. Корректнее было назвать происшедшее вооружёнными столкновениями, переросшими в боевые действия»¹⁶. Ему вторит К.В. Гусев, который пишет, что «...название «мятеж», как обычно называют выступление, вряд ли правомерно, так как солдаты корпуса не были российскими подданными и официально корпус входил в состав французской армии»¹⁷. Так же в кавычках, но уже без объяснения причин пишут слово «мятеж» (или даже «так называемый «чехословацкий мятеж») А.А. Искендеров, С.И. Константинов и В.П. Слободин¹⁸.

Вместе с тем, некоторые отечественные историки настаивают на том,

¹⁴ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 7.

¹⁵ На это, в частности, обратил внимание А.А. Коробкин (См.: Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 180).

¹⁶ Юрченко В. Указ. соч. – С. 34.

¹⁷ Гусев К.В. Указ. соч. – С. 205.

¹⁸ Искендеров А.А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия // Вопросы истории. – 2003. – № 10. – С. 88; Константинов С.И. Указ. соч. – С. 65; Слободин В.П. Гражданская война России (1917-1922 гг.). Лекция. – М., 1999. – С. 12, 28.

что это был всё-таки мятеж, так как «...чехословаки не продолжали движение на восток, а приняли самое активное участие в начавшейся с этого события гражданской войне»¹⁹.

Пересмотру, а вернее уточнению, была подвергнута одна из самых устойчивых в отечественной историографии характеристик выступления Чехословацких легионеров как «антибольшевистского» и «антисоветского». По мнению Н.С. Ларькова, «...легионеры не ставили своей целью в тот период поход на Москву и ликвидацию Советского правительства. Однако разоружая препятствовавшие им красноармейские отряды, разгоняя советы на региональном, на мезоуровне власти, они тем самым объективно начали войну против большевизма в целом. В результате именно антибольшевизм стал одной из глубинных основ альянса чехословаков и участников сибирского антивоенного сопротивления. Вооружённое вмешательство Чехословацкого корпуса во внутрироссийские дела представляло, таким образом, по сути своей интервенционистскую акцию, независимо от мотивов, которыми руководствовались легионеры»²⁰. По мнению С.Н. Полторака, к маю 1918 года в эшелонах «...остались противники Советской власти, и те, кто был чужд активных политических действий. Но стремление Советов к разоружению чехословаков сделало многих безразличных и колеблющихся активными противниками большевизма»²¹.

Таким образом, признавая, что часть легионеров и командного состава действительно испытывали антипатию к Советской власти, современные отечественные историки отмечают, что масса легионеров стала антибольшевистской под воздействием тех мер, которые проводила Советская власть в отношении Чехословацкого корпуса. Более того, восстание признаётся анти-

¹⁹ Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и Сибири в период революции и гражданской войны. (1917-1921 гг.). – Тюмень, 1999.- С. 109. – Цит. по: Верещагин А.С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1918-1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001. – С. 234.

²⁰ Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917-1918 гг. – С. 293.

²¹ Полторака С.Н. Иностранцы в Сибири – заложники «белой» и «красной» идеи // История «Белой» Сибири. – Кемерово, 1997. – С. 141. – Цит. по: Верещагин А.С. Указ. соч. – С. 235.

большевистским не по идеологическим мотивам, которые двигали его участниками, а в силу того, что действия легионеров объективно способствовали ослаблению и свержению Советской власти.

Современные российские историки указывают, что их советские предшественники сознательно или неосознанно шли на искажение некоторых аспектов истории Чехословацкого корпуса. Протест против подобных искажений и стремление восстановить истину (в их собственном понимании) был одним из мотивов интереса к истории Чехословацкого легиона.

По мнению Н.С. Ларькова, в советской историографии имело место сознательное преувеличение численности Чехословацкого корпуса в 2-3 раза²². По мнению уральского историка Д.Г. Симонова, это было вызвано стремлением «...создать у читателей впечатление о подавляющем численном перевесе чехословаков над советскими вооружёнными формированиями в регионе. При подобной постановке вопроса антибольшевистское движение народных масс приобретало второстепенное значение»²³.

Д.Г. Симонов, признавая, что легионеры Чехословацкого корпуса сыграли важную роль в событиях гражданской войны на востоке России, вместе с тем, отмечает, что, «...в боевых операциях 1918 г. решающую роль чехословаки сыграли в Поволжье. Что же касается Урала и Сибири, то в этих регионах чехословацкие войска по сравнению с русскими белогвардейскими вооружёнными формированиями были относительно невелики и в боевом отношении выполняли вспомогательные задачи»²⁴.

Следует подчеркнуть, что для установления численности различных подразделений Чехословацкого корпуса на местах (и в результате этого - установление общей численности корпуса) Д.Г. Симонов прибегает к материалам Российского Государственного Военного Архива (РГВА).

А.С. Верещагин оценил подобные попытки пересмотра вопроса о том,

²² Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917-1918 гг. – С. 290.

²³ Симонов Д.Г. Указ. соч. – С. 146.

²⁴ Там же. – С. 148.

кому в большей степени принадлежала «заслуга» в свержении Советской власти – местным антибольшевистским силам или Чехословацкому корпусу, – как поиск новой исследовательской парадигмы²⁵.

Вместе с тем, в историографии продолжает бытовать утверждение, что восстание Чехословацкого корпуса было решающим фактором в установлении и поддержании власти Комуца²⁶. По мнению Е.В. Лукова, «...лишь в конце мая 1918 г., с началом вооружённого выступления чехословацкого корпуса, антибольшевистские организации смогли сделать первые шаги по созданию сибирской государственности»²⁷. По мнению А.А. Каревского, Чехословацкий корпус «...явился щитом, за которым происходило военно-политическое оформление «демократической контрреволюции» на Востоке: его политические симпатии определяли собой устойчивость русских демократических правительств, русские вооружённые силы находились в зависимости от его стратегической, тактической и технической помощи»²⁸. Подчёркивается, что Чехословацкий корпус был решающим фактором свержения Советской власти в Поволжье и Сибири, однако, «...наличие достаточного числа собственных сил имело следствием меньшую по сравнению с Поволжьем политическую и военную зависимость Сибирского правительства и его армии от влияния чехословацкого руководства»²⁹.

На предыдущих этапах развития отечественной историографии признавалось, что активность легионеров была ограничена не столько пространственно, сколько хронологически (легионеры играли особенно активную роль в событиях гражданской войны примерно до осени 1918 года). Пишут об этом и некоторые современные историки. По словам В.В. Клавинга, с мая по октябрь 1918 года Чехословацкий корпус был основной силой, противостояв-

²⁵ Верещагин А.С. Указ. соч. – С. 234.

²⁶ Лападин В.А. Указ. соч. – С. 48-49, 97.

²⁷ Луков Е.В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского Правительства как источник по истории гражданской войны в Сибири (конец мая 1918 – начало ноября 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1999. – С. 26.

²⁸ Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. – С. 40.

²⁹ Там же. – С. 146, 244.

шей Красной Армии³⁰. Вместе с тем, следует иметь в виду, что легионеры Чехословацкого корпуса оказывали влияние на ход гражданской войны вплоть до самого конца этой войны. Так, по мнению ряда авторов, арест и выдача А.В. Колчака Политцентру обезглавили Белое движение на востоке страны и решили его судьбу³¹.

Вопрос о соотношении местных антибольшевистских сил и иностранных войск в антибольшевистской борьбе является одним из самых актуальных и дискуссионных в историографии. Обращение к нему вызвано стремлением подвергнуть переоценке военный потенциал местных антибольшевистских сил. Это, в свою очередь, должно привести к пересмотру вопроса о расстановке политических, классовых и социальных сил в гражданской войне.

Серьёзному пересмотру в историографии подвергается вопрос о взаимоотношениях чехословацких легионеров с представителями стран Антанты.

В литературе этого периода продолжает бытовать мнение, что восстание Чехословацкого корпуса произошло с санкции и по указанию западных правительств³². При обосновании данного тезиса авторы ссылаются на то, что «...решение об использовании корпуса в борьбе с Советской властью было принято Верховным Советом Антанты»³³. Приводятся также слова Э. Бенеша, сказанные в июне 1923 года: «Для меня было самым важным то, что наша армия в России, как я понимаю, являлась для союзников всего-навсего пешкой на шахматной доске, правда пешкой весьма важной. Союзники точно рассчитали, что в данном месте будет определённое число наших людей и в случае необходимости их просто принесут в жертву... Мы сами не могли

³⁰ Клавинг В.В. Указ. соч. – С. 149.

³¹ Кузнецов А.А. Энциклопедия русских наград. – М., 2002. – С. 333; Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. – С. 251.

³² Красиков С.И. Россия в условиях Первой мировой войны и общенационального кризиса 1919-1920 гг.: Учебное пособие для студентов всех специальностей. – М., 2002. – С. 46; Плеханов И.П., Шаронов П.М. 1917 год и гражданская война в России: Учебное пособие для студентов высшей школы. – Самара, 2001. – С. 135; Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. – С. 138; Устинкин С.В. Указ. соч. – С. 594.

³³ Плеханов И.П., Шаронов П.М. Указ. соч. – С. 135.

решать осуществлять интервенцию или не осуществлять её»³⁴. Следует учитывать, что для представителей Чехословацкого корпуса после возвращения на родину одним из главных мотивов было стремление к самооправданию. Этот мотив характерен для всей легионерской литературы 1920-30-х годов. Поэтому к подобным признаниям следует относиться весьма осмотрительно.

Некоторые современные историки признавали подобную аргументацию не вполне корректной: «Все решения Антанты по чехословакам, на которые ссылаются советские историки, носили характер рекомендаций»³⁵. Н.С. Ларьков согласен с мнением А.П. Левчука, что нет свидетельств и доказательств причастности Антанты к мятежу Чехословацкого корпуса³⁶. Подобное утверждение представляется оправданным.

Вся прежняя схема взаимоотношений союзников с легионерами ставится под большое сомнение. Современные отечественные историки приводят факты, которые показывают, что союзники действовали в отношении чехословацких легионеров не только с позиций отдачи приказов, но и уговоров. При этом подобные приказы не всегда исполнялись, а уговоры не всегда возымели действие. Так, генерал М. Жанен осенью 1918 года «...нажимал на руководство чехословацкого корпуса, но добиться должной отдачи от его частей так и не смог... Чехословаки на фронт так и не вернулись»³⁷. Ещё один яркий пример – это действия чехословацких легионеров весной-летом 1919 года. Выступление частей корпуса, по мнению ряда министров омского правительства и союзников, могло изменить положение на фронте. Однако легионеров не удалось «...заставить идти на фронт и пробить себе путь к Архангельску»³⁸. О сопротивлении Чехословацкого корпуса весной 1919 года «...не только идее возвращения на фронт, но и любым приказам французско-

³⁴ Цит. по: Устинкин С.В. Указ. соч. – С. 594.

³⁵ Левчук А.П. Указ. соч. – С. 5.

³⁶ Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917-1918 гг. – С. 293.

³⁷ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. – С. 180.

³⁸ Лившиц С.Г. Указ. соч. – С. 78.

го правительства, которому подчинялся», пишет О.А. Белоусова³⁹. Другой пример – требование передать «золотой эшелон» союзникам. Однако легионеры под угрозой демонтажа железнодорожных путей и взрыва мостов партизанами Восточной Сибири передали «золотой эшелон» и А.В. Колчака Политцентру⁴⁰.

Подобные действия объяснялись тем, что легионеры не хотели осложнять себе жизнь на пути к Владивостоку. Именно поэтому чувство самосохранения стояло для них выше «союзнического долга»: «Планы союзного командования, как и чехословаков, также предусматривали благополучный переезд во Владивосток. Колчак и российское золото в их руках являлись той козырной картой, которая могла помочь им в возвращении на родину»⁴¹. Подчёркивается при этом, что «...командующий чехословацким корпусом генерал Ян Сыровы был реалистом. В возникшей дилемме – «кошелёк или жизнь» – он предпочёл жизнь легионеров»⁴².

Подобная интерпретация событий представляется нам гораздо более аргументированной и обоснованной. При таком подходе находят логичное объяснение многие факты поведения легионеров в 1917-1918 годах. Прежде всего – стремление сохранить нейтралитет и избежать участия в разгоравшейся в России гражданской войне.

А.В. Иванов подвергает критике утверждение (или, пользуясь его терминологией, версию), сложившееся в советской историографии, что «...военным руководством Антанты и чехословацкого корпуса был разработан план, согласно которому корпус «...захватит Сибирскую железную дорогу и отрезет от Центральной России всю восточную часть страны, включая хлебные районы Поволжья и Сибири», а затем «в контакте с интервентами на Севере и контрреволюционными силами Юга» развернёт «наступление к

³⁹ Белоусова О.А. Указ. соч. – С. 44.

⁴⁰ Лившиц С.Г. Указ. соч. – С. 98.

⁴¹ Гак А.М. Указ. соч. – С. 145.

⁴² Сироткин В.Г. Указ. соч. – С. 93.

сердцу России». А.В. Иванов называет данную версию «...надуманной и безосновательной, если не сфальсифицированной»⁴³. На основе анализа решений челябинского съезда легионеров, а также боевых действий пензенской группы Чехословацкого корпуса он пришёл к выводу, что у легионеров не было плана наступления на Москву. Более того, по его мнению, «...чехословацкий «мятеж» не был заранее спланированной акцией, направленной на свержение большевистского режима. Силовые меры, предпринятые чехами, были реакцией самозащиты. Их целью было скорейшее продвижение на Дальний Восток для последующей эвакуации в Европу»⁴⁴. Аналогичная точка зрения содержится в статьях С.И. Константинова и В. Юрченко⁴⁵. Вместе с тем, в литературе 1990-х годов встречается мнение, что штаб Народной армии и чехословацких войск 27 июля 1918 года поставили ближайшей целью занятие Казани, что создавало бы угрозу и для Москвы⁴⁶. При этом автор ссылается на такое фундаментальное издание, как «Гражданская война в СССР»⁴⁷.

К числу изменений в оценке Чехословацкого корпуса можно отнести то, что впервые в отечественной историографии была предпринята попытка объяснить деятельность чехословацких легионеров в России в контексте первой мировой войны. По словам А.П. Левчука, Брестский мир и проблемы, порождённые им – «...результат первой мировой войны, что вольно, или невольно игнорируют отечественные историки. Это непосредственно относится к вопросу о мятеже чехословаков»⁴⁸. Лишь в 1990-е годы отечественные историки стали обращать внимание на то, что корпус изначально был образован «...для борьбы с немцами на территории России», что «...существование чехословацкого корпуса было чрезвычайно важно для политической дея-

⁴³ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 20.

⁴⁴ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 21.

⁴⁵ Константинов С.И. Указ. соч. – С. 65-66; Юрченко В. Указ. соч. – С. 33.

⁴⁶ Лапацкин В.А. Указ. соч. – С. 170.

⁴⁷ Гражданская война в СССР. – В 2-х тт. – Т.1. – М., 1980. – С. 184

⁴⁸ Левчук А.П. Указ. соч. – С. 4.

тельности будущего президента страны д-ра Бенеша, который при переговорах о перевозке войск во Францию ставил политические требования, в результате чего уже 8 апреля ему удалось добиться от Франции признания Национального совета правительством де-факто. В мае он добился того же от Англии. После этого признали чехословацкое правительство Италия и США»⁴⁹. Интересно, что при этом автор ссылается не на какие-то новые документы, а на документы, изданные ещё в 1954 году под выразительным названием «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика». А.П. Левчук пишет, что в основе деятельности легионеров лежал «...революционный мотив – желание чехословаков добиться независимости Чехословакии. Именно это было целью всего движения»; «Сторонники национальной идеи желали одного – скорее на Запад, разгромить Габсбургов и создать Чехословакию. Именно они составляли костяк корпуса»⁵⁰. Об этом же писали В. Юрченко, В. Цветков, В.А. Лапандин⁵¹.

Подобное признание приводит и к пересмотру причин выступления легионеров против Советской власти: «Таким образом, стремление легионеров покинуть Россию для борьбы на Западном фронте за свободную и независимую Чехословакию, обещанную им Антантой, натолкнулось на непреклонную волю советского руководства, что вынудило их поднять мятеж, способствовавший началу гражданской войны в крае»⁵².

В литературе называются и другие причины негативного отношения легионеров (особенно командной верхушки) к Советской власти. Враждебность командования объясняется тем, что оно большей частью состояло из русских офицеров, не испытывавших особых симпатий к новой власти. О контрреволюционном настрое офицеров Чехословацкого корпуса пишет В.В.

⁴⁹ Медведев В.Г. Указ. соч. – С. 97, 98.

⁵⁰ Левчук А.П. Указ. соч. – С. 4, 5.

⁵¹ Лапандин В.А. Указ. соч. – С. 39; Цветков В. «Интернациональный долг» в гражданской войне // Посев. – 1999. – Г. 54. – № 3. – С. 35; Юрченко В. Указ. соч. – С. 30.

⁵² Медведев В.Г. Указ. соч. – С. 102; См. также: Иванов А.В. Указ. соч. – С. 9, 12; Лапандин В.А. Указ. соч. – С. 42; Слободин В.П. Указ. соч. – С. 28.

Клавинг⁵³. Что касается рядовых легионеров, то «...в большинстве своём чехи и словаки были настроены демократически и просоциалистически, но не столь радикально, чтобы стать на сторону партии Ленина. Их симпатии были на стороне эсеров, им были близки и политические установки этой партии»⁵⁴.

В продолжение темы следует сказать, что в работах 1990-х годов продолжается осмысление вопроса о политических пристрастиях легионеров. Легионеров продолжают называть «белочехами»⁵⁵. При этом ни в одной из рассмотренных нами работ нет слова «красночехи». Возможно, подобного рода обозначения переходят из работы в работу по инерции. Некоторые историки пишут о Т.Г. Масарике, как о «...противнике советской власти, который поддерживал связь со многими контрреволюционными организациями»⁵⁶. Р. Гайда, наряду с В.О. Каппелем и А.Н. Пепеляевым назван одним из наиболее талантливых офицеров Белой армии⁵⁷. По словам Е.А. Плешкевича, военное руководство Чехословацкого корпуса (С.Н. Войцеховский, Я. Сыровы и Р. Гайда) были настроены радикально и ориентировались на диктатуру⁵⁸. В отношении Р. Гайды подобная формулировка представляется вполне оправданной. Однако пример с Р. Гайдой, который «...уже в мае стремился «арестовать советскую власть», и говорил о том, что «...будет образовано новое правительство»⁵⁹ является скорее исключением. В отношении же всего Чехословацкого корпуса применение формулировки «белочехи» представляется не оправданным.

Мнение о том, что рядовая масса чехословацких легионеров придер-

⁵³ Клавинг В.В. Указ. соч. – С. 147.

⁵⁴ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 8.

⁵⁵ См.: Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.): Учеб. пособие. – Саранск, 1994. – С. 33; Искендеров А.А. Указ. соч. – С. 88; Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 34, 190; Машин М.Д., Семьянинов В.С. Указ. соч. – С. 29, 30, 31, 33, 39, 40, 42, 101, 155, 156; Медведев В.Г. Указ. соч. – С. 125, 130; Красиков С.И. Указ. соч. – С. 46; Лившиц С.Г. Указ. соч. – С. 15, 21, 33; Ожиганов А.Л. Отечественная историография Колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 217; Плотников И.Ф. Средний Урал в годы гражданской войны (1918–1920). – С. 11, и др.

⁵⁶ Медведев В.Г. Указ. соч. – С. 218.

⁵⁷ См.: Войнов В.М. Указ. соч. – С. 58.

⁵⁸ Плешкевич Е.А. Указ. соч. – С. 31.

⁵⁹ Там же. – С. 33.

живалась социалистических взглядов является преобладающим в литературе 1990-х годов. Многие авторы пишут о «...левой, проэсеровской политической позиции большинства легионеров»⁶⁰. При этом легионеры трактовали демократию по-особому: «Что касается демократических начал, то они присутствовали в основном лишь в обращении солдат к офицерам, а также в поддержке русских эсеров. Подобную демократию трудно соотнести с расстрелом пленных мадьяр и немцев, а также русских, выступавших (причём, не обязательно с позиций силы) против присутствия легионеров в России»⁶¹.

Вместе с тем, отмечается, что взаимоотношения между чехословацкими легионерами и социалистами есть не что иное, как союз. К.В. Гусев отмечает, что «...союз был выгоден обеим сторонам: эсеры получили вооружённую силу, с помощью которой свергли Советскую власть в Поволжье, а командование Чехословацкого корпуса – возможность обосновать свои действия тем, что они защищают демократов-эсеров от олигархов-большевиков»⁶². По словам В.А. Лапандина, легионеры «...были готовы оказать вооружённую поддержку любой оппозиционной Советам силе, в том числе и партии эсеров...»⁶³.

Весьма удачным нам представляется следующий вывод: «Итак, 8 июня 1918 г. в Самаре против Советской власти объединились представители белого движения, чехословаки и «демократическая» оппозиция. Цели у них были разные, а враг общий – большевики»⁶⁴.

Заслуга данной точки зрения заключается в том, что в ней отмечается в большей степени тактический, а не идейный характер союза между легионерами и русскими социалистами. Хотя симпатии легионеров именно к партии правых эсеров признаются.

⁶⁰ Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917-1918 гг. – С. 377-378. – См. также: Иоффе Г.З. Указ. соч. – С. 205; Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 189; Лившиц С.Г. Указ. соч. – С. 15; Плешкевич Е.А. Указ. соч. – С. 31; Юрченко В. Указ. соч. – С. 29.

⁶¹ Плешкевич Е.А. Указ. соч. – С. 31.

⁶² Гусев К.В. Указ. соч. – С. 141. – См. также: Сироткин В.Г. Указ. соч. – С. 73.

⁶³ Лапандин В.А. Указ. соч. – С. 42.

⁶⁴ История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век. – С. 19.

Характерно, что даже, несмотря¹¹⁹ отмечавшуюся выше враждебность к Октябрьской революции, чехословацкие легионеры не имели ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела России. Что касается их участия в боях на стороне войск Временного правительства в Киеве 26 октября 1917 года, то это столкновение носило «...локальный характер и было довольно быстро урегулировано. Во взаимоотношениях установилось некоторое затишье»⁶⁵. Современные отечественные историки писали об отсутствии у легионеров весной 1918 года намерений вести борьбу с Советской властью⁶⁶, а также о желании «увернуться» от втягивания во внутрироссийские события⁶⁷. По мнению В.Г. Медведева, легионеры соблюдали верность выбранному курсу – на восток, а оттуда во Францию: «...о нежелании Национального совета ввязываться в российский конфликт говорит и тот факт, что профессор Моссарик (так в тексте – А.В.) чуть раньше отказал генералу М.В. Алексееву и П.Н. Милюкову поддержать боевые действия Добровольческой армии; подобный отказ получил от его заместителя по России Б. Павлу и командир 1-го имени Яна Гуса полка Александр Степанов, когда чехи ещё только подходили к Тамбову. Наконец, приехавшему в Пензу эмиссару комучей И. Брушвиту с трудом удалось уговорить С. Чечека лишь на несколько дней задержаться в Самаре, чтобы дать возможность Комитету встать на ноги»⁶⁸.

Вопрос о «виновниках» развязывания мятежа является одной из важнейших, если не самой важной, темой отечественной историографии. В 1990-е годы развитие получает версия о том, что выступление Чехословацкого корпуса было спровоцировано самими большевиками. Причём это могло быть сделано как неосознанно, так и сознательно.

В литературе 1990-х годов утверждается, что «...советские власти намеренно препятствовали продвижению эшелонов Чехословацкого корпуса,

⁶⁵ Иванов И.В. Указ. соч. – С. 9.

⁶⁶ Там же. – С. 20; Медведев В.Г. Указ. соч. – С. 97.

⁶⁷ Левчук А.П. Указ. соч. – С. 10.

⁶⁸ Медведев В.Г. Указ. соч. – С. 102.

пытаясь разделить их на части и те из них, которые ещё не достигли Урала, - отправить в Архангельск (вместо Владивостока). Одновременно делались попытки разоружить корпус»⁶⁹.

В крайних своих проявлениях эта точка зрения доходит до утверждения, что Советская власть предпринимала подобные действия по отношению к корпусу намеренно. В литературе называются различные причины этого шага. Г.З. Иоффе отмечает, что «...на обострение ситуации большевистское руководство в Москве, может быть, пошло и сознательно»⁷⁰; при этом он ссылается на Л.Д. Троцкого, который писал, что В.И. Ленина, его и других руководителей, весной 1918 года очень тревожила «рыхлость» революции⁷¹. В. Юрченко отмечает, что большевики пришли к выводу о том, что «...резкое обострение гражданской войны, самоощущение «сражающейся партии», беспощадная борьба на уничтожение со всеми потенциальными противниками – единственный способ удержать власть»⁷². При этом Чехословацкий корпус мог выступить в качестве «змеи», которая могла «...отравить страну ядом гражданской войны»⁷³. Об этом же пишут С.И. Константинов, В.Г. Сироткин, А.В. Иванов⁷⁴. Справедливости ради надо сказать, что в последнем случае автор делает следующее замечание: «Тем не менее возлагать вину за обострение ситуации только на советское руководство было бы неправомерно. Антибольшевистские силы сделали всё возможное для того, чтобы заручиться поддержкой чехословаков и более того – подтолкнуть их на открытую конфронтацию с советской властью. Не последнюю роль сыграли в этом и правящие круги держав Согласия»⁷⁵. У данной точки зрения имеются и свои противники. По словам А.А. Коробкина, подобная версия (о том, что выступление Чехословацкого корпуса было вызвано ин-

⁶⁹ Клавинг В.В. Указ. соч. – С. 147.

⁷⁰ Иоффе Г.З. Указ. соч. – С. 233.

⁷¹ Троцкий Л. К истории русской революции. – М., 1990. – С. 222-224. – Цит. по: Иоффе Г.З. Указ. соч. – С. 233.

⁷² Юрченко В. Указ. соч. – С. 32.

⁷³ Там же. – С. 32.

⁷⁴ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 22; Константинов С.И. Указ. соч. – С. 57, 60; Сироткин В.Г. Указ. соч. – С. 70.

⁷⁵ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 12.

тригами самих большевиков) «...не вяжется с представлениями о здравом смысле» и в связи с этим «...не может быть принята в качестве общепринятой»⁷⁶. При этом автор указывает на уязвимость аргументации и ограниченность источниковой базы тех, кто придерживается подобной версии.

Так иначе, бесспорным представляется тот факт, что Советское правительство принимало меры (задержка продвижения поездов, агитация), которые объективно способствовали росту недовольства легионеров. Вопрос об умышленном или непредумышленном характере подобных действий представляется дискуссионным.

В литературе называются и другие мотивы подобного поведения большевиков. Так, В.Ж. Цветков подчёркивает тот факт, что большевики под давлением и нажимом со стороны Германии стали чинить препятствия к перемещению корпуса на восток и создавали тем самым предпосылки для его мятежа⁷⁷. О давлении со стороны Германии пишут и другие историки⁷⁸.

В отечественной литературе 1990-х годов встречаются весьма экстравагантные точки зрения на причины мятежа Чехословацкого корпуса. Так, Г.З. Иоффе в своей монографии описывает такой эпизод: «В середине мая на станции в Пензе произошёл инцидент между чехословацкими солдатами и германскими военнопленными. Из их эшелона кто-то бросил камень в эшелон чехов. Тот, кто видит в истории цепь случайностей, вправе сказать, что этот камень и послужил началом полномасштабной гражданской войны. Чехословацкие легионеры высыпали из вагонов, началось вооружённое столкновение. Попытка местного Совета восстановить положение не удалась»⁷⁹. Этот же сюжет (правда с поправкой на то, что инцидент произошёл не в Пензе, а в Челябинске и вместо камня фигурировала чугунная ножка от печки) был отражён в статье В. Юрченко, один из разделов которой так и называется

⁷⁶ Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 182.

⁷⁷ Цветков В. Указ. соч. – С. 35.

⁷⁸ Иванов А.В. Указ. соч. – С. 9, 11, 16; Константинов С.И. Указ. соч. – С. 58; Левчук А.П. Указ. соч. – С. 6, 11; Никонова О.Ю. Указ. соч. – С. 57.

⁷⁹ Иоффе Г.З. Указ. соч. – С. 200.

«Из-за ножки от печки?»⁸⁰.

Ясно, что сам по себе этот эпизод не мог привести к мятежу и к гражданской войне в России. Однако, вместе с тем, он отразил в себе ряд весьма серьёзных противоречий:

- 1) В отношениях между Советской властью и Чехословацким корпусом весной 1918 года царил атмосфера напряжённости и взаимного недоверия. Положение усугублялось тем, что на обеих сторонах имелись представители, которые придерживались непримиримых позиций. На стороне советской власти были те, кто предлагал, с целью устранения потенциальной угрозы со стороны Чехословацкого корпуса, «...утопить их в Днепре, если не будет другого выхода»⁸¹. Непримиримые были и в Чехословацком корпусе. Так, на встрече военных представителей Антанты в Яссах в конце 1917 года представителю чехословацкого легиона в Румынии В. Черженскому был задан вопрос, в состоянии ли корпус выступить против большевиков и оккупировать Украину, на что был получен положительный ответ⁸². По словам В. Юрченко, отъезд Т.Г. Масарика в начале марта 1918 года в США привёл к тому, что «...возросла роль И. Клещанды, который вёл переговоры с большевиками и считал необходимым участие корпуса в борьбе с ними»⁸³. Тот же автор отмечает, что арест П. Максы привёл к усилению позиций Б. Павлу⁸⁴, также не питавшего симпатий к большевикам. Что касается позиции самого «вождя» чехословацкого движения – Т.Г. Масарика, то он «...не питал симпатий к большевикам, шёл на контакты с антибольшевистскими силами, охотно выражал им поддержку. Однако в декабре 1917 года заявил, что в случае выхода России из

⁸⁰ Юрченко В. Указ. соч. – С. 28.

⁸¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. – М., 1964. – С. 292-293. – По словам М.Д. Бонч-Бруевича, данное предложение было высказано им, а также некоторыми «бывшими» генералами во время одного из заседаний Высшего Военного Совета в марте 1918 года.

⁸² Юрченко В. Указ. соч. – С. 29.

⁸³ Там же. – С. 30.

⁸⁴ И. Клещанда – секретарь филиала ЧНС в России; П. Макса – заместитель председателя филиала ЧНС и комиссар Чехословацкого корпуса, был арестован накануне выступления Чехословацкого корпуса; Б. Павлу – член филиала ЧНС, политический уполномоченный чехословацкого правительства в Сибири.

войны корпус будет вывезен во Францию»⁸⁵.

- 2) Следует обратить внимание на ещё одну группу противоречий, которая имела не меньшее, если не большее значение. Напомним, что в Челябинском инциденте были задействованы, с одной стороны, чехословацкие легионеры, а с другой – австро-венгерские и немецкие военнопленные. Считается, что народы, населявшие когда-то Австро-Венгрию, разделяли непримиримые противоречия. Согласно В.Ж. Цветкову, большевики учитывали данное обстоятельство: «Особенно активно в это время большевики использовали интербригады в боях против чехов (бригады, сформированные из пленных венгров и австрийцев). Считалось, что «исторические противоречия» между народами некогда единой Австро-венгерской империи сделают их непримиримыми врагами и на фронтах гражданской войны в России»⁸⁶. Кстати, в литературе этого периода приводятся факты, что чехословацкие легионеры в Самаре «...арестованных подвергали селекции не только по партийному, но и по национальному признаку», при этом приводятся факты особо жестокого отношения чехословацких легионеров к мадьярам и латышам⁸⁷.

Принимая во внимание два вышеуказанных обстоятельства, можно сказать, что инцидент в Челябинске отразил в себе всю глубину противоречий, существовавших к тому моменту между большевиками и легионерами.

Обстоятельства, которые привели к тому, что Чехословацкий корпус покинул фронт, могут быть выделены в отдельную группу проблем. По мнению А.Л. Литвина, в ноябре 1918 года произошли два знаменательных для легионеров события: окончание мировой войны и провозглашение Чехословацкой республики. После этого пребывание корпуса в России стало бессмысленным⁸⁸. Назывались и другие причины увода в тыл: усталость от гра-

⁸⁵ Юрченко В. Указ. соч. – С. 29.

⁸⁶ Цветков В. Указ. соч. – С. 38.

⁸⁷ История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век. – С. 26-27.

⁸⁸ Литвин А.Л. Указ. соч. – С. 60.

жданской войны в России⁸⁹. По мнению А.А. Каревского, уходу легионеров Чехословацкого корпуса способствовал комплекс причин: усталость от непрерывных четырёхмесячных боёв; недовольство чехословацкого руководства эволюцией вправо российского правительства и его вооружённых сил, явно обозначившаяся с сентября 1918 года; провозглашение независимой Чехословацкой республики, «...где для вчерашних легионеров открывались огромные перспективы»⁹⁰.

Таким образом, впервые за долгие годы в отечественной историографии стал признаваться тот факт, что определяющую роль при уходе в тыл войск Чехословацкого корпуса играли внешнеполитические обстоятельства: образование независимой Чехословакии и завершение мировой войны.

В литературе 1990-х годов предпринимается попытка пересмотреть ещё один важный аспект истории Чехословацкого корпуса в России. Речь идёт о взаимоотношениях чехословацких легионеров и представителей антибольшевистских сил в целом. По словам В.Л. Телицына данный вопрос относится к числу малоисследованных проблем⁹¹. По мнению А.А. Коробкина и В.А. Лапандина, вопрос о взаимоотношениях Чехословацкого корпуса и Комуча, а также правительств «демократической контрреволюции в целом, изучен недостаточно или даже слабо»⁹². Е.А. Плешкевич в своей статье рассматривает взаимоотношения между Временным Областным Правительством Урала и союзниками (в том числе чехословацкими легионерами). При этом он делает особый упор на наличие противоречий между ними и приходит к выводу, противоречащему выводам предшествующей отечественной историографии. По его мнению, «...одной из основных целей «союзников» был захват российских ресурсов. Полезные ископаемые и уральские заводы – это

⁸⁹ Белоусова О.А. Указ. соч. – С. 43.

⁹⁰ Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. – С. 276.

⁹¹ Телицын В.Л. Рец. на: Белая гвардия. Исторический альманах. М.: Изд-во Посев. Вып. 1. 1997. 96 с.; вып. 2. 1998. 104 с.; вып. 3. 1999. 120 с.; вып. 4. Моряки в гражданской войне. 2000. 120 с.; вып. 5. Белое движение на Востоке России. 2001. 220 с.; вып. 6. Антибольшевистское повстанческое движение. 2002. 240 с. // Вопросы истории. – 2003. – № 1. – С. 170.

⁹² Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 183; Лапандин В.А. Указ. соч. – С. 19.

нужно было им в первую очередь. Слабость и аморфность антибольшевистских правительств давала надежду на исполнение этих замыслов»⁹³. Подобные настроения относятся к лету 1918 года. Противоречие заключается в том, что долгое время в отечественной историографии особо подчёркивалось, что именно под нажимом со стороны союзников (в том числе чехословацких легионеров) было созвано Уфимское совещание, на котором было создано единое общероссийское правительство. О своём несогласии с концепцией Е.А. Плешкевича именно по этой причине заявляет А.А. Коробкин: «Упоминая историографию вопроса, автор (Е.А. Плешкевич – А.В.) вопреки реальности игнорирует упоминания советских историков о роли интервентов в образовании правительства, хотя все авторы советского периода обращались к фактам о решающей роли иностранцев в образовании правительства как к факту само собой разумеющемуся»⁹⁴.

Отрадно отметить, что на данном этапе развития отечественной историографии предпринимались попытки изучения некоторых невоенных аспектов истории Чехословацкого корпуса в России. Речь, прежде всего, идёт об экономическом сотрудничестве легионеров и представителей антибольшевистских сил. Этому вопросу посвящены статьи Н.И. Дмитриева и О.Ю. Никоновой.

В статье О.Ю. Никоновой описываются факты сотрудничества технического отдела чехословацких войск с Временным областным правительством Урала и Уральским промышленным комитетом; приводятся факты помощи чехословацких инженеров администрации уральских предприятий по переводу на сдельную систему оплаты труда (что, по её словам, существенно снизило заработок рабочих, так как предприятия часто простаивали). Интересны мотивы, которые при этом двигали легионерами Чехословацкого корпуса: «Прекращение работ на Высокогорском, Черноисточинском, Висимо-

⁹³ Плешкевич Е.А. Указ. соч. – С. 34.

⁹⁴ Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 190-191.

Шайтанском и Верхне-Уткинском заводах привело к появлению большого количества безработных, которые были благодатной почвой для антиправительственной агитации. Обеспокоенные политической ситуацией в прифронтовой полосе, чехословаки обещали свою помощь в снабжении округа продовольствием»⁹⁵.

Н.И. Дмитриев в своей статье описывает деятельность представителей Чехословацкого корпуса в деле восстановления промышленности и транспорта Урала во второй половине 1918 – начале 1919 годов. Эта деятельность носила разносторонний характер: от создания русско-чешской торговой палаты и разработки программ по реконструкции заводов до присылки чехословацких добровольцев для выполнения технических работ. Также интересна мотивация действий представителей Чехословацкого корпуса в деле регулирования железнодорожного транспорта: «Безусловно сказалось стремление быстрее продвинуться на Дальний Восток и выехать на родину. Но в то же время руководство совета и войск достаточно искренне стремилось внести свою лепту в нормализацию движения на Транссибирской магистрали»⁹⁶.

Таким образом, следуя логике авторов, представители Чехословацкого корпуса руководствовались не столько стремлением помочь своим партнёрам по антибольшевистской борьбе или получить прибыль, сколько обеспокоенностью за свои тылы, а также стремлением обеспечить себе спокойный проезд на восток.

Важность и ценность работ О.Ю. Никоновой и Н.И. Дмитриева заключается ещё и в том, что они не только исследователи ^и неизученные аспекты истории Чехословацкого корпуса, но и ввели в оборот новый пласт источников. Тем самым они продемонстрировали, что в архивах имеются источники, которые позволяют изучать не только военные или политические аспекты истории Чехословацкого корпуса. Так, Н.И. Дмитриев ссылается на фонды Го-

⁹⁵ Никонова О.Ю. Указ. соч. – С. 59-60.

⁹⁶ Дмитриев Н.И. Указ. соч. – С. 157.

сударственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Гораздо чаще «экономическая деятельность» чехословацких легионеров в России сводилась в историографии к «захвату трофеев», «спекуляции» и «грабежам». В.Г. Сироткин посвящает отдельный параграф своей работы чешскому следу «казанского клада»⁹⁷. И.Ф. Плотников отмечает, что чехословацкие легионеры в ходе эвакуации на восток занимали 20000 вагонов, т.е. по одному на двух легионеров. В них везли ценности «...награбленных или приобретённых путём спекуляций и прочих нечистых методов. Это было золото, серебро (многие тонны), деньги, машины, оборудование предприятий, ценное сырьё, включая цветные металлы, сахар и прочее. Везли всё: граммофоны, швейные машины, предметы женских украшений, породистых лошадей, экипажи, даже собрание книг Пермского университета. Увезено было богатств на сотни миллионов золотых рублей»⁹⁸. Авторы другой монографии отмечают, что «...чехословаки, отступая, вывозили станки и оборудование, металл и резину, медикаменты и лошадей, разворовывали библиотечные собрания»⁹⁹. Более того, некоторые историки высказывали точку зрения, что летом 1918 года «...целью чехов были грабежи»; «После захвата какого-либо населённого пункта легионеры немедленно приступали к реквизициям не только военного, но и гражданского имущества»¹⁰⁰. В литературе встречается утверждение, что чехословацкими легионерами было присвоено золото на сумму 40 миллионов рублей¹⁰¹. При этом авторы ссылаются не на архивы, а на журналистов и публицистов.

⁹⁷ См.: Сироткин В.Г. Указ. соч. – С. 77-96.

⁹⁸ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. – С. 250-251. – Интересно, что И.Ф. Плотников практически дословно повторяет слова К.В. Сахарова о захвате легионерами 20 000 вагонов (См.: Сахаров К.В. Беляя Сибирь: Внутренняя война, 1918-1920. – Мюнхен, 1923. – С. 222). Ни К.В. Сахаров, ни И.Ф. Плотников не давали при этом ссылок на документы.

⁹⁹ История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век. – С. 30.

¹⁰⁰ Плешкевич Е.А. Указ. соч. – С. 32, 31.

¹⁰¹ Ципкин Ю.Н. Ещё раз о судьбе «белогвардейского» золота // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.): сб. науч. ст. – Хабаровск, 1999. – С. 97.- Следует добавить, что утверждение о присвоении 40 миллионов рублей встречается ещё у Славянофила (См.: Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. – Токио, 1921. – С. 10).

Всё это позволяет поставить вопрос об истинной роли и значении выступления и дальнейших действий Чехословацкого корпуса в гражданской войне в России. Чехословацкий корпус сыграл значительную роль в гражданской войне. И дело даже не в том, что именно с мятежа корпуса началось открытое и масштабное противостояние организованных вооружённых сил.

Чехословацкие легионеры не были пассивными созерцателями, и от их действий (или бездействия) зависело очень многое. Легионеры приняли активное участие в свержении Советской власти, установлении антибольшевистских правительств и их поддержке. Они принимали активное участие в «наведении порядка» в Самаре, в том числе участвовали в репрессиях против коммунистов¹⁰².

Чехословацкий корпус предстаёт перед нами в виде объекта воздействия: «змеи», которую дразнили большевики, «пешки» в чужой игре, «разменной карты» и т.д. В конечном итоге, «...чехословацкое восстание стало протянувшимся почти от Пензы до Владивостока бикфордовым шнуром, пламя которого вызвало антибольшевистский взрыв в огромных восточных районах страны»¹⁰³. На деле Чехословацкий легион был одним из субъектов гражданской войны в России; его действия оказали влияние на начало, ход и исход гражданской войны в России. Он украсил историю гражданской войны своими, по преимуществу мрачными, красками. Так, по словам В.А. Лапандина, присутствие Чехословацкого корпуса «...значительно усложнило политическую ситуацию в стране в целом и, в частности, *общественно-политическую ситуацию в Среднем Поволжье* (курсив автора – А.В.)»¹⁰⁴.

Судя по литературе, в основе действий чехословацких легионеров в России лежали не только и не столько идеологические мотивы и даже не чувство долга перед союзниками. В основе их действий лежали более глубокие и значимые для них мотивы: чувство самосохранения, стремление продолжить

¹⁰² История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век. – С. 19, 20, 26-27.

¹⁰³ Иоффе Г.З. Указ. соч. – С. 234.

¹⁰⁴ Лапандин В.А. Указ. соч. – С. 42.

войну с Германией и её «агентами» – большевиками, а в отдельных случаях – жажда наживы. В ряде случаев они не гнушались такими действиями, как «захват трофеев», «спекуляция» и т.д. Некоторые историки пишут о своеобразном честолюбии и тщеславии. Так, по словам О.А. Белоусовой, многие легионеры сделали в России головокружительную карьеру: «Не удивительно, что легионеры не хотели уходить из России, объясняя это тем, что большевики, став «германскими холопами», превратились во врагов корпуса, а потому чехословаки должны были вести с ними войну до полной победы»¹⁰⁵.

Чехословацкому корпусу вменялось в вину, что он «...не только награбил тысячи вагонов разных грузов, но ещё и отбирал у санитарных эшелонов паровозы, так что люди гибли от отсутствия отопления»¹⁰⁶. Во время эвакуации в начале октября 1919 года, «...солдаты чехословацких частей создавали пробки на путях, отнимали у беженцев паровозы, топливо и имущество»¹⁰⁷. По словам В.В. Клавинга, «...начиная с Ново-Николаевска (сдан большевикам 14.XII.1919), чехи стали подолгу задерживать «литерные» поезда Колчака и эшелон с золотом, ломая голову, как бы подороже продать этот столь желанный большевикам «товар»¹⁰⁸. При этом чехословацкие легионеры вступили в неприкрытый торг с Политцентром, а затем и с большевиками, в котором жизнь А.В. Колчака и золото выступили в качестве ставки»¹⁰⁹.

Таким образом, в отечественной историографии 1990-х годов наблюдается рост интереса к Чехословацкому корпусу. Ситуацию, сложившуюся вокруг изучения корпуса, мы можем квалифицировать, как «историографический взрыв». Прежде всего, это связано с ростом количества публикаций по теме. При этом для работ многих историков характерны оценки, противоречащие выводам советских историков. Некоторые российские историки при-

¹⁰⁵ Белоусова О.А. Указ. соч. – С. 43.

¹⁰⁶ Жуков В.С. Некоторые аспекты внешней политики правительства А.В. Колчака и его взаимоотношений с союзниками // История белой Сибири: Материалы 5-й Международной научной конференции. – Кемерово, 2003. – С. 122.

¹⁰⁷ Дроков С.В. Указ. соч. – С. 64.

¹⁰⁸ Клавинг В.В. Указ. соч. – С. 7.

¹⁰⁹ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. – С. 258.

зывают к пересмотру прежней концепции выступления Чехословацкого корпуса и признанию равной ответственности большевиков и легионеров. Однако многие историки склоняются к однозначному признанию вины большевиков в провоцировании и развязывании выступления Чехословацкого легиона.

Росту интереса к истории Чехословацкого корпуса способствовало не столько расширение источниковой базы и публикация новых документов по теме, сколько пересмотр вопроса о сущности и периодизации гражданской войны в России¹¹⁰. Не случайно, что ставя под сомнение многие концепции советских историков, современные российские историки ссылаются не на новые источники, а на некорректность аргументации или недостаточную документальную обоснованность выводов своих советских коллег.

Однако, несмотря на все позитивные изменения при изучении Чехословацкого корпуса, мы можем подчеркнуть, что корпус продолжает рассматриваться в контексте гражданской войны и историки обращаются к его истории лишь в той степени, в какой это соответствует обоснованию их концепций. Многие суждения и оценки, которые отличают российских историков от их советских предшественников, были высказаны в 1920-30-е годы в небольшевистской историографии: утверждение о том, что корпус боролся на территории России с немцами и их «союзниками» – большевиками, было высказано авторами социалистического направления; утверждение, что Чехословацкий корпус сыграл менее значительную, по сравнению с местными антибольшевистскими силами роль, а также сюжеты о захвате легионерами «трофеев» – встречались в работах авторов монархического направления.

Несмотря на признание того факта, что Чехословацкий корпус в России руководствовался собственной логикой поведения, в историографии он продолжает преподноситься в качестве «змеи», которую дразнили большевики,

¹¹⁰ Литвин А., Поликарпов В., Спириин Л. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов / Историки спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В. С. Лельчука. – М., 1989. – С. 46-83; Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 32-41.

«пешки» в чужой игре, «разменной карты» и т.д., т.е. в качестве объекта воздействия. В современной отечественной историографии наблюдается примерно такое же сюжетное разнообразие, как и в советской историографии. Новые оценки и концепции основаны не на введении в оборот новых источников, а на несколько иной расстановке акцентов при интерпретации уже имеющихся. Создаётся такое впечатление, что российские историки извлекли на поверхность историографические концепции, которые появились ещё в 1920-е годы, но в силу ряда обстоятельств, не получили развития.

Чехословацкий корпус продолжает рассматриваться в контексте гражданской войны в России. При этом в центре внимания находятся военные аспекты его истории. Отдельные статьи, которые посвящены экономическому сотрудничеству чехословацких легионеров с представителями антибольшевистских сил, являются исключением. Практически нет работ, в которых корпус рассматривался бы сам по себе, а не только как сила, спровоцированная большевиками и переведшая гражданскую войну в новую фазу.

Всё это ставит на повестку дня вопрос о необходимости дальнейшего изучения данной темы и её источникового «насыщения».

Таким образом, история Чехословацкого корпуса в России привлекла к себе внимание исследователей с самого начала гражданской войны. Первыми исследователями темы выступили не профессиональные историки, а политики (И. Майский, Н.В. Святицкий) и военные (Н.И. Подвойский). История Чехословацкого корпуса заняла важное место в историографии гражданской войны и иностранной интервенции в России. Значение изучения этой темы с самого начала перешагнуло рамки научного исследования и приобрело практический (идеологический) смысл. История Чехословацкого корпуса встраивалась в концепцию гражданской войны в России и позволяла различным авторам обосновывать свои концепции. Большевистские историки, обращаясь к его истории, стремились обосновать наличие «заговора мировых империалистов» и показать роль Чехословацкого корпуса как «авангарда союзнической

интервенции». Небольшевистские историки стремились списать на действия (или бездействие) чехословацких легионеров причины поражения антибольшевистских сил в гражданской войне.

Именно в 1920-е годы сложилось сюжетное разнообразие при изучении истории Чехословацкого корпуса, которое будет характерно для отечественной историографии вплоть до наших дней. Можно выделить сюжетные линии, общие для развития всей отечественной историографии с 1918 года до наших дней: история взаимоотношений (вернее нараставшего конфликта) Чехословацкого корпуса с Советской властью весной 1918 года; реакция Чехословацкого корпуса на переворот в Омске и их увод в тыл осенью 1918 года; описание разложения в рядах Чехословацкого корпуса в 1919 году; позиция руководителей и рядовых легионеров ноябре 1919 – январе 1920 года и выдача ими А.В. Колчака и золота Политцентру. Обратим внимание на то обстоятельство, что представители антибольшевистского направления больше внимания, нежели их коллеги/оппоненты уделили описанию внутреннего состояния чехословацкого войска в России.

В 1930-50-е годы произошло обеднение тематики. История Чехословацкого корпуса стала частью истории гражданской войны и иностранной интервенции. Какое место ей отводилось можно было увидеть в плане-проспекте намечавшегося издания «История гражданской войны», а также в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Мы можем говорить о преемственности в изучаемых сюжетах и оценках в отечественной историографии 1920-х¹¹¹ и 1930-50-х годов. К изменениям можно отнести то, что в 1930-50-е годы был поставлен вопрос о персональной ответственности отдельных советских руководителей за то, что мятеж Чехословацкого корпуса вспыхнул и не был быстро подавлен (подобный вопрос был поставлен ещё в 1920-е годы, но тогда говорилось не о персональной ответственности, а об ответственности местных и центральных органов советской власти в целом).

¹¹¹ Иметсяя ввиду большевистская историография.

После XX съезда КПСС ситуация кардинально не изменилась. Многие оценки, сложившиеся на предыдущих этапах развития отечественной историографии господствовали и во второй половине 1950-х – конце 1980-х годов. Это связано с тем, что история Чехословацкого корпуса стала важной частью концепции гражданской войны и иностранной интервенции в России. Чехословацкому корпусу в историографии отводилась своя особая роль, которая была чётко обозначена и закреплена.

В 1990-е годы произошёл пересмотр многих положений и оценок, сложившихся на предыдущих этапах развития отечественной историографии. Однако это произошло не в результате введения в оборот новых источников по теме, а в результате переосмысления вопроса о сущности и периодизации гражданской войны в России. Однако, в центре внимания историков продолжает оставаться военная и политическая история Чехословацкого корпуса в России. Следует подчеркнуть, что некоторые авторы вводили в оборот новые, неопубликованные источники, которые не только содействовали переосмыслению отдельных вопросов из истории Чехословацкого корпуса, но даже позволяли выделять новые аспекты исследования.

Задачи, которые стоят перед будущими исследователями Чехословацкого корпуса в России очевидны. Прежде всего, мы солидаризируемся с мнением уральских историков А.А. Коробкина и А.Л. Ожиганова, что для полного понимания роли Чехословацкого корпуса в нашей истории, «...современной историографии важно попытаться рассмотреть белочехов не как марионетку в чужих руках (не важно белых или красных), а как самостоятельного и полноценного представителя сложной системы правительств, партий и других антибольшевистских сил сложившихся на востоке России в рассматриваемый период. Современная историография нуждается в фундаментальном исследовании Чехословацкого корпуса изнутри»¹¹². Чехословацкий корпус следует рассматривать не как объект для воздействия со стороны

¹¹² Коробкин А.А. Указ. соч. – С. 184; Ожиганов А.Л. Указ. соч. – С. 219.

большевиков или стран Антанты, а как субъект, который руководствовался собственными целями и идеалами.

Далее, мы согласимся с утверждением А.Л. Посадкова, который в своей статье пишет о необходимости изучения вопросов, оставшихся за пределами внимания историков: экономические, социальные, социокультурные структуры, сформированные легионерами за время пребывания в России; социально-психологический аспект (т.е. рассмотрение корпуса в качестве особого социума, со своими тенденциями массовой идеологии и массовой психологии); культурная деятельность легионеров¹¹³.

Следует признать ценность изучения Чехословацкого корпуса самого по себе (как феномена национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов), а не только в контексте гражданской войны в России.

Процесс переосмысления многих аспектов истории Чехословацкого корпуса, расширения тематики исследований должен сопровождаться введением в оборот новых источников по теме.

¹¹³ Посадков А.Л. Указ. соч. – С. 33, 34.

ГЛАВА II Зарубежная историография

§ 1 Изучение темы в 1920-1930-х годах

В развитии зарубежной историографии 1920-30-е годы занимают особое место. Именно на этом этапе появляются многие суждения и оценки, которые будут развиты впоследствии в трудах американских, английских и чехословацких историков. Мы можем отметить некоторое сходство в развитии отечественной и зарубежной историографии на этом этапе.

Сходство проявлялось в том, что первые труды по истории Чехословацкого корпуса, были написаны самими участниками событий. Они опирались, главным образом, на личные воспоминания. В ряде случаев приводились тексты документов. Так, капитан В. Голечек привёл в своей работе текст соглашения 26 марта 1918 года между Советской властью и Чехословацким корпусом, приказ о разоружении по корпусу 27 марта 1918 года и приказ С.И. Аралова о разоружении от 23 мая 1918 года¹. Й. Куделя отмечал, что V и VI главы его работы, в которых прослеживается история «казанского золота» в 1919-1920 годах (от момента перевозки его в Омск до передачи большевикам 26 февраля 1920 года) основаны на официальных документах штаба чехословацкого войска в России, чехословацкого Управления финансов в России и устной информации².

Сходная тенденция характерна для английской и американской историографии. Работы В. Черчилля, В. Гревса. Д. Уорда основаны, главным образом, на личных воспоминаниях. Вместе с тем, В. Грэвс привёл на страницах своей работы текст декларации правительства США от 3 августа 1918 года, в которой содержалось обоснование интервенции³.

¹ Голечек В. Чехословацкое войско в России. – Prague, б.г. – С. 11, 13, 17.

² Куделя Й.Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. – Прага, 1924. – С. 27.

³ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). – М., 1932. – С. 8-9.

От всех остальных работ отличается монография В. Чемберлина⁴, который привлёк труды большевистского историка А. Анишева, небольшевистских авторов – И. Майского, Н.В. Святицкого, П.П. Петрова, а также работы политических и военных руководителей Чехословацкого корпуса Т.Г. Масарика, Э. Бенеша, Я. Папоушека, В. Голечека.

Изучение истории Чехословацкого корпуса в чехословацкой историографии началось ещё в ходе ведения боевых действий на территории России. Так, в ноябре 1918 года возникла Центральная комиссия для исторической обработки обзора боёв чехословацкого войска в России. Весной 1919 года эта комиссия была преобразована в историко-архивное отделение⁵. Свои историки были у лётных отрядов Чехословацкого корпуса⁶.

Первые работы носили публицистический характер. Публицистичность проявлялась, прежде всего, в том, что они носили оправдательный или напротив обличительный характер (оправдание интервенции стремлением помочь чехословацким legionерам и обличение в связи с этим большевиков как «германских агентов»; или, напротив, обличение «контрреволюционной политики» руководства Чехословацкого корпуса).

Ярким примером подобной публицистичности является работа чехословацкого коммуниста А. Муны «Кто такие чехословаки» (М., 1918). Уже само её название говорит о многом. Данная работа имела целью раскрыть корни конфликта между Чехословацким корпусом и Советской властью. Она заканчивалась призывом к русским рабочим и красноармейцам подчиниться «революционной дисциплине» и ввести в своих рядах «революционный порядок». Это должно привести к тому, что победа над «...незначительным числом чехословацких контрреволюционеров, вокруг которых собрались все

⁴ Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. – 2 vol. – Vol. I. – New York, 1935; Vol. II. – New York, 1952 (переиздание середины 1930-х годов).

⁵ Kutílková D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918 // Historie a vojenství. – 2002. – № 4. – S. 909.

⁶ Urminský I. Letecké síly československých legií v Rusku 1918-1920 // Historie a vojenství. – 1995. – № 4. – S.38, 43.

контрреволюционные банды России, не будет так трудна»⁷.

Однако, несмотря на подобную публицистичность, эти работы содержали в себе и некоторый фактический материал. По словам С.Ю. Малышевой, именно из работы А. Муны вошли в литературу сведения о социальном и партийном составе корпуса⁸.

В годы первой мировой войны чехословацкий народ боролся за восстановление и воссоздание своей национальной государственности. Следует подчеркнуть, что чехословацкий народ шёл к своей свободе и национальной независимости двумя путями. С одной стороны были чехословацкие легионеры, во главе со своим «вождём» – Т.Г. Масариком, а с другой стороны – чехословацкие интернационалисты. Первые хотели своей борьбой принести свободу и независимость своей родине, вторые – всему миру. Исходя из этого, сложились и направления в историографии: легионерская историография и труды интернационалистов.

Большинство работ было написано самими легионерами⁹. Помимо этого, публиковались речи, статьи и воспоминания политических руководителей Чехословацкого корпуса – Э. Бенеша и Т.Г. Масарика¹⁰.

По словам современного отечественного историка А.Л. Посадкова, «...с чехословацкой стороны первыми историками легионерского движения стали сами легионеры...», при этом основной темой их трудов была «...историческая справедливость борьбы чехов и словаков на просторах Сибири за русскую демократию и создание национального чехословацкого го-

⁷ Муна А. Кто такие чехословаки. – М., 1918. – С. 8.

⁸ Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991. – С. 14.

⁹ См.: Велеховский Ф. Чехословаки в России. – Екатеринбург, 1919; Глос И. Чехословаки и Сибирская Областная Дума // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 28-35; Голечек В. Чехословацкое войско в России. – Прага, б.г.; Куделя Й.Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. – Прага, 1924; Куделя Й. Первая годовщина Чехословацкой республики. – Иркутск, 1919; Папоушек Я. Предпосылки политических отношений России и Чехословакии / Перевод с чешского Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой. – Прага, 1931; Шип Ф. Как происходило снабжение Чехословацкой армии? // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Прага, 1930. – С. 214-233; Штейдлер Ф. Выступление Чехословаков в России 1918 года // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 9-27.

¹⁰ Бенеш Э. Речи и статьи. Вып. I / Авторизованный перевод с чешского Н.Ф. Мельниковой-Папоушек. – Прага, 1925; Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. В 2-х томах / Авторизованный перевод Н.Ф. Мельниковой-Папоушек. – Т. I. – Прага, 1926; Т. II. – Прага, 1927.

сударства»¹¹. По подсчётам А.Л. Посадскова, в 1920-е годы легионеры напечатали у себя на родине не менее 202 названий книг и брошюр (исследования, воспоминания и документальные романы)¹². Отечественные историки признавали, что: «Изучение гражданской войны в Поволжье в то время (1920-30-е гг. – А.В.) находилось под сильным воздействием бывших правых эсеров, комучевцев, колчаковцев, оказавшихся в эмиграции, националистов и белочехословацких легионеров, изгнанных с территории Советской России»¹³. По мнению А.Л. Литвина и С.Б. Скибинской, для «чехословацкой буржуазной (легионерской – А.В.) историографии» было характерно стремление «...представить чехословацкий корпус в качестве противника агентов Германии на территории России»¹⁴.

По мнению С.Ю. Малышевой, интерес чехословацкой историографии к истории Чехословацкого корпуса в России во многом был обусловлен «...той ролью, которую сыграл чехословацкий корпус, его политическое руководство, Чехословацкий Национальный Совет (ЧНС) во главе с будущим чехословацким президентом Т.Г. Масариком в деле создания чехословацкой государственности. Этот вопрос – о характере и значении действий чехословацкого корпуса в России – стал одним из ключевых вопросов довоенной чехословацкой историографии»¹⁵.

Немецкий историк Н. Штегманн, рассматривая труды 4 авторов – историка Ф. Штейдлера, генерала Р. Гайды, публициста и руководителя Легионерского архива Р. Медека и писателя Й. Копта, – выделяет сходное и различное в их работах. По её мнению, все эти работы объединяет то, что в них присутствуют два центральных мотива: во-первых, слава легиона, во-вторых,

¹¹ Посадсков А.Л. Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) // История белой Сибири: Материалы 5-й Международной научной конференции, Кемерово, 2003. – С. 31.

¹² Посадсков А.Л. Указ. соч. – С. 31.

¹³ Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1990. – С. 28.

¹⁴ Там же. – С. 23.

¹⁵ Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 101-102.

судьба, рок, под которым подразумевался анабазис, неудачная попытка достичь Франции через Сибирь, а в качестве компенсации за него выступало возвращение на родину и «новая жизнь». Помимо этого, «...важным связующим звеном между военным опытом и «новой» идентичностью в Чехословацкой республике была идея авторов, что они сами её создавали»¹⁶. Вместе с тем, для работ этих авторов характерны некоторые различия. Так, характеризуя воспоминания Р. Гайды, Н. Штегманн пишет, что они представляли «миф» носителя воинской чести: «Борьба легионов здесь имеет большее значение, чем завоёванное ими государство. Военный элемент изображается как воплощение бессмертной чести, которая выше времени»¹⁷.

С.Ю. Малышева обращает внимание на различную интерпретацию некоторых аспектов истории Чехословацкого корпуса в трудах военного и политического руководства корпуса. Наиболее ярким примером является отношение к вопросу о переориентации части корпуса на «северный путь домой»: «Так, Бенеш в своих воспоминаниях указывал на достигнутую договорённость в отношении этого проекта между чехословаками, англичанами, французами и большевиками в пользу его, а Р. Гайда даже в 1920 году упорно приписывал авторство проекта только Советской власти»¹⁸.

Характерной тенденцией трудов легионеров было стремление к самооправданию. Б. Шмераль, один из первых чехословацких коммунистов, приводит в связи с этим такой интересный факт. Легионеры 20-го транспорта, одного из самых больших транспортов, по возвращении домой опубликовали два обращения. В первом из них, под которым стояло 2120 подписей, имелись такие слова: «Желая сохранить своё имя чистым для будущности, просим, чтобы история нашего конфликта с Россией была подробно исследована

¹⁶ Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2002. – Vol. 61. – S. 38.

¹⁷ Op. cit. – S. 44.

¹⁸ На этот факт обращалось внимание в отечественной историографии. См.: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 107.

беспартийной русско-чешской комиссией и результаты опубликованы»¹⁹. Ф. Штейдлер писал, что в своём очерке он попытался «...дать общую картину положения, при котором возник и развился конфликт с советским правительством, а также объяснить причины и цели того, что в настоящее время называется чехословацким анабазисом в России»²⁰.

Самооправдание имеет место даже в работе политического руководителя заграничного национально-освободительного движения чехов и словаков Т.Г. Масарика. Во втором томе своих воспоминаний он назвал несправедливым обвинение Чехословацкого корпуса в том, что тот своими действиями способствовал расстрелу царской семьи в Екатеринбурге²¹.

Следует подчеркнуть, что чехословацкая историография развивалась во взаимодействии с российской историографией. Судя по всему, легионеры были знакомы с работами большевистских историков. Так, Ф. Штейдлер отмечал, что «...заявления явно агитационного характера, перешли из газет и прокламаций в большевицкую историческую литературу и создали легенду о предательском нападении на мирное советское правительство – кондотьеров международного капитала – чехословацкой армии»²².

Гораздо более тесно легионерская литература взаимодействовала с эмигрантской историографией. Вчерашние легионеры активно сотрудничали с её представителями и публиковали свои работы на страницах эмигрантских изданий – «Воля России», «Вольная Сибирь».

В ряде случаев чехословацкие авторы вступали в полемику со своими вчерашними «братьями по оружию» и другими действующими лицами гражданской войны в России, отвечая на их выпады и обвинения. Так, в 1926 году в Праге была опубликована книга главы ведомства финансов Парламента чешской революции Ф. Шипа, название которой говорит само за себя: «Не-

¹⁹ Шмераль Б. Чехословакии и эсеры. – М., 1922. – С. 25.

²⁰ Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 9.

²¹ Масарик Т.Г. Мировая революция. – Т. II. – С. 82.

²² Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 9.

сколько глав о хозяйстве нашей сибирской армии. В ответ на «Белую Сибирь» генерала Сахарова». В. Добряков, в рецензии на эту книгу отмечал, что она представляет собой «... обстоятельный и достойный ответ на возводимые генералом Сахаровым обвинения. Книга написана в спокойном деловом тоне, утверждения автора подкреплены всюду документальными данными и перед читателем вырисовывается яркая картина того, как с большими трудностями и препятствиями налаживалась постепенно интендантская часть и вообще хозяйственная жизнь чехословацких легионов в Сибири»²³. То же самое можно сказать и в отношении книги руководителя ведомства пропаганды Парламента чешской революции Й. Кудели «О российском золотом запасе и чехословацких легионах». Так, И.А. Якушев (бывший председатель Сибирской Областной Думы) в рецензии на эту книгу отмечал, что в ней раскрывается вся «нелепость и абсурдность обвинения» чехословацких легионеров в краже российского золотого запаса, о которой так часто писали в правых кругах русской эмиграции²⁴. Об этом же писал и сам Й. Куделя, указывая, что его книга представляет ответ на обвинение в краже чехословацкими легионерами русского золота²⁵.

Интерес представляет аргументация Ф. Шипа. В оправдание позиции чехословацких легионеров он писал, что реквизиции, сделанные на начальной стадии войны, были позднее оплачены²⁶; захват обмундирования и снаряжения объяснялся тем, что именно Чехословацкий корпус вёл бои в Поволжье и ему полагалось это обмундирование в первую очередь²⁷; иногда автор ссылался на официальные документы, позволявшие легионерам вступать во владение тем или иным имуществом²⁸. Статья Ф. Шипа заканчивается

²³ Добряков Т. Рец. на: F. Šip. Několik capitól o hospodářství naší sibiřské armády. V odpověď na «Bílou Sibiř» generála Sacharova. Praha, 1926. 49 s. // Вольная Сибирь. – Т. II. – Прага, 1927. – С. 204.

²⁴ Якушев И.А. Рец. на: Й.Ф. Куделя: О российском золотом запасе и чехословацких легионах. Под ред. Исторического отдела «Památníku odboje». Прага, 1923. 28 - С. // Вольная Сибирь. – Т. II. – Прага, 1927. – С. 202.

²⁵ Куделя Й.Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. – С.27.

²⁶ Шип Ф. Указ. соч. – С. 224, 231-232.

²⁷ Там же. – С. 228-229.

²⁸ Там же. – С. 231.

следующим интересным утверждением: «...в Симбирске и Казани, которые были временно заняты нашими и самарскими войсками, частная собственность была отменена, ибо известными советскими декретами частное имущество было национализировано и, следовательно, сражавшиеся армии были вправе считать его своей военной добычей, тем более, что дело шло об имуществе, имевшем для военных операций большое значение. Ведь советы никому ничего не платили за национализированное имущество, и правительства же освобождённых территорий также производили реквизиции для своих военных нужд»²⁹. Таким образом, действия чехословацких легионеров, по сути, оправдывались условиями войны.

Отечественные историки писали о такой характерной черте легионерской историографии, как стремление к идеализации и к легендаризации. На это некоторые авторы указывали ещё в 1920-е годы, подразумевая под этим склонность легионеров к преувеличению при оценке некоторых событий.

В этот период была создана т.н. «освобожденческая легенда». По словам чехословацкого историка Ю. Кржижека, «...буржуазная историография, служа политическим интересам правящих буржуазных групп, создала новейшую легенду об освобождении чешского и словацкого народа Т.Г. Масариком, т.н. чехословацкими легионами и империалистами стран Антанты. По почину Т.Г. Масарика даже был построен особый архив и институт, которые должны были «научно» доказать «историческую» справедливость и ценность приведённой освобожденческой легенды. Также всё школьное обучение строилось на этой освобожденческой легенде, и её влияние мы испытываем до сих пор»³⁰.

При этом историки исходили из признания важности и значимости заграничного освободительного движения во главе с Т.Г. Масариком. По словам Я. Кржижека, «...над этим вопросом размышляли политики и историки

²⁹ Шип Ф. Указ. соч. – С. 233.

³⁰ Křížek Jurij. Rec. on: Oldřich Říha. Ohlas Říjnové revoluce v ČSR // Historie a vojenství. – 1958. – № 2. – S. 308.

сразу после завершения первой мировой войны. Среди них было немало тех, кто главную причину (изменения отношения стран Антанты к чехословацкому заграничному движению – А.В.) видел в антисоветском выступлении Чехословацкого легиона в конце мая 1918 года... признание Чехословацкого Национального Совета отдельными странами Антанты исходило из соображений боевой ценности чехословацких заграничных войск»³¹.

По мнению Я. Кржижека наиболее ярким выражением подобного подхода стала книга А.С. Калины³². А.С. Калина считал, что «...решающее значение для признания Вильсоном Чехословакии воюющей страной имел сибирский анабазис наших революционных войск»³³. По мнению А.С. Калины, день выступления легионеров был «...началом нашей победы», так как легионеры оказали помощь союзникам, за что «...союзники наградили наших легионеров в России и с ними всё чехословацкое революционное движение»³⁴.

А.С. Калина дал высокую оценку Р. Гайде, Э. Кадлецу и С. Чечеку: «...было счастьем для нашей революции, что тогда чехословацкую заграничную политику делали, в сущности, капитаны Гайда, Кадлец и поручик Чечек со своими солдатами в Сибири, а не профессор Масарик и доктор Бенеш»³⁵. По мнению А.С. Калины, «...чехословацкое революционное движение могло быть признано союзниками ещё в начале 1918 года», если бы Т.Г. Масарик и Э. Бенеш передали Чехословацкий корпус в распоряжение союзников ещё раньше³⁶. Таким образом, заслуга Р. Гайды, Э. Кадлеца и С. Чечека, по мнению А.С. Калины, по сути, заключалась в том, что они способствовали вы-

³¹ Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918 // Historie a vojenství. – 1966. – № 2. – S. 1-2.

³² A.S. Kalina. Krví a železem dobytá československá samostatnost. – Praha, 1938.

³³ A.S. Kalina. Op. cit. – S. 31. – Цит. по: Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 2.

³⁴ A.S. Kalina. Op. cit. – S. 264, 84. – Цит. по: Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 3.

³⁵ A.S. Kalina. Op. cit. – S. 273. – Цит. по: Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 2-3.

³⁶ A.S. Kalina. Op. cit. – S.92, 203. – Цит. по: Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 2.

ступлению легионеров и, тем самым, признанию (исходя из логики автора) независимости Чехословакии.

Столь же высоко (и во многом по тем же причинам) значение заграничного освободительного движения оценивалось рядовыми легионерами: «Чехословацкое заграничное движение... выступало и от имени всего народа, который, будучи заключён в «тюрьме народов», как с полным основанием называли монархию Габсбургов, не имел возможности спокойно высказывать свои мнения и пожелания»³⁷. Появляются отдельные работы, посвящённые первому президенту Чехословацкой Республики³⁸. В них Т.Г. Масарика называли вождём чехословацкого революционного движения, вождём чешского народа, который вывел его «...на светлую дорогу независимости и национального творческого подъёма»³⁹.

Особо отмечались положительные стороны выступления Чехословацкого корпуса. По словам капитана В. Голечека, «...эти первые бои чехословацкого войска за свою свободу везде считаются вечно незабвенною эпопеей нравственного героизма, военной доблести, организационных способностей и инициативы всей армии от простого солдата вплоть до командующего»⁴⁰. Помимо чисто нравственного значения, «...выступление чехословацкого войска в России на защиту собственной свободы против насилия и произвола советского правительства, даёт начало самостоятельной международной политике несвободной ещё Чехославии (так в тексте – А.В.) и делает чехословацкий народ важным международным фактором»⁴¹.

Движение Чехословацкого корпуса в России получило в легионерской историографии наименование «анабазис»⁴². По словам Ф. Штейдлера, «...в

³⁷ Куделя Й. Первая годовщина Чехословацкой республики. – С. 11.

³⁸ Радль Э. Томаш Г. Масарик. Его жизнь, общественная и научная деятельность. – Прага, 1921.

³⁹ Радль Э. Указ. соч. – С. 9; Штейдлер Ф. Выступление Чехословаков в России 1918 года. – С. 10.

⁴⁰ Голечек В. Указ. соч. – С. 44.

⁴¹ Там же. – С. 57. – См. также: Куделя Й. Первая годовщина Чехословацкой республики. – С. 13-14.

⁴² Анабазис – поход в глубь материка. Греческий писатель, ученик философа Сократа, Ксенофонт, руководил знаменитым отступлением греческой армии, которая после смерти персидского царя Кира с боями пробивалась из Малой Азии в Европу. Греческие войска проходили через совершенно незнакомые им земли, населённые многочисленными врагами. Об этом походе Ксенофонт (430-359 гг. до н.э.) написал известную

широком смысле слова можно считать нашим анабазисом, то колоссальное продвижение чехословацкого корпуса в 1918 году с прифронтового района Украины через Россию и Сибирь к Тихому океану»⁴³. Опираясь на работу В. Голечека, мы можем судить, что впервые подобное образное сравнение по отношению к Чехословацкому корпусу употребил президент Франции Р. Пуанкаре при торжественном вручении знамени 21-му чехословацкому полку во Франции 30-го июля 1918 года⁴⁴.

Таким образом, сравнение, предложенное политиком, перекочевало в историографию и стало частью «освобожденческой легенды».

В 1925 году в Праге были опубликованы речи и статьи министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша, а в 1926-1927 годах – двухтомник воспоминаний президента Чехословацкой республики Т.Г. Масарика, хотя сам автор признавал, что он писал «...не записки о путешествии, а политическую работу»⁴⁵. Следует добавить, что Т.Г. Масарик находился в России с мая 1917 года по март 1918 года.

На страницах своей работы Т.Г. Масарик значительное внимание уделял истории Чехословацкого корпуса в России. Он именовал действия корпуса в России не иначе, как «сибирский анабазис», при этом он подчёркивал, что после 25 мая 1918 года начался «...военный анабазис со сражениями»⁴⁶.

Т.Г. Масарик и Э. Бенеш писали о том, что они стремились придерживаться в России нейтралитета и не вмешиваться в борьбу противостоявших друг другу группировок⁴⁷. По словам Э. Бенеша, «...наше движение в России с самого начала заняло *позицию невмешательства* (курсив автора – А.В.) во все русские дела»⁴⁸. Т.Г. Масарик особо подчёркивал, что нейтралитет был

книгу «Анабазис». Легионеры называли свой поход «великим сибирским анабазисом» / См.: Кржижск Я. Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев. – Пенза, 1958. – С. 241.

⁴³ Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 10.

⁴⁴ Голечек В. Указ. соч. – С. 9.

⁴⁵ Масарик Т.Г. Мировая революция. – Т. I. – С. 226.

⁴⁶ Там же. – Т. II. – С. 77.

⁴⁷ Там же. – Т. I. – С. 187, 197, 223; Т. II. – С. 82-83.

⁴⁸ Бенеш Э. Указ. соч. – С. 206.

вооружённым и что Чехословацкий корпус, в случае необходимости, был готов к самообороне⁴⁹. Более того, Т.Г. Масарик писал не только о нейтралитете, но даже и о лояльности по отношению к большевикам, что выразилось в частичном разоружении⁵⁰.

Т.Г. Масарик признавал зависимость Чехословацкого корпуса от союзников: «Наше положение по отношению к союзникам было тяжёлое. Мы были войском автономным и в то же время частью французской армии; от Франции и от союзников мы зависели и материально. Было решено, что мы получаем заём, который вернёт наше государство, но на практике мы в данный момент от них зависели»⁵¹. Более того, он приводил факты получения денег от французов в Москве и от англичан в Киеве, о получении кредита от президента В. Вильсона на сумму 7 миллионов долларов и пожертвований от Американского Красного Креста на сумму 12 миллионов рублей⁵². Интересно, что Т.Г. Масарик не выводил причины выступления Чехословацкого корпуса напрямую из факта зависимости от союзников. Более того, он писал, что «...чехословаки стали известны каждому» лишь после 25 мая 1918 г., что «...в Америке наши легионы стали популярными в начале августа, в Европе же немного позднее». Хотя при этом Т.Г. Масарик признавал, что выступление способствовало активным действиям со стороны союзников, направленных на помощь чехословацким легионерам⁵³. По словам Э. Бенеша, «...союзники никогда не требовали от нашего политического и военного управления интервенции в России... Совсем наоборот: начиная с весны 1918 года особенно Клемансо приложил все старания к тому, чтобы все наши солдаты были переправлены на французские поля сражения (курсив автора – А.В.)»⁵⁴.

⁴⁹ Масарик Т. Г. Мировая революция. – Т. I. – С. 212.

⁵⁰ Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. II. – С. 82.

⁵¹ Там же. – Т. I. – С. 215.

⁵² Там же. – Т. I. – С. 222; Т. II. – С. 80.

⁵³ Там же. – Т. II. – С. 78, 80.

⁵⁴ Бенеш Э. Указ. соч. – С. 209.

Более того, Т.Г. Масарик писал, что, «...наши бои в Сибири не были вовсе интервенцией против большевиков; они возникли не из политики вмешательства, но по приведённым причинам, принуждавшим нас к обороне»⁵⁵. По словам Т.Г. Масарика, «...нашим же казалось, что воскресший чешско-русский фронт является обновлением борьбы с немцами и австрийцами»⁵⁶.

К слову, Т.Г. Масарик писал о том, что он был противником большевизма и о том, что он присоединил бы корпус к армии, которая «...была бы способна вести войну с большевиками и немцами и которая защищала бы демократию против большевизма»⁵⁷. В то же время он писал, что, «...для меня в то время (февраль-март 1918 г. – А.В.), как я уже говорил, большевизм был чисто военной проблемой, т.е. меня интересовало то, как большевики будут относиться к нашей армии...»⁵⁸. Согласно Э. Бенешу, принципиальное отрицание большевизма имело следующие причины: а) заключение Брест-Литовского мира, что расценивалось как преступление и предательство дела союзников и косвенная помощь воюющим с Антантой странам; б) развал русской армии как последствие «большевистской революции»; в) возмущение методами политической борьбы большевиков («преследования политических противников, насилия, притеснения, нарушения всех свобод и прав личности»); г) возмущение идеей диктатуры⁵⁹.

По мнению Т.Г. Масарика, выступлению чехословацких легионеров способствовали следующие обстоятельства: «...поведение большевиков было некорректно и нелояльно; наши солдаты были убеждены, что большевиков против нас ведут немцы, особенно австрийцы и венгры, и что они воюют собственно против Германии и Австрии. Во всех сообщениях указывалось на участие немецких и венгерских пленных в большевицких отрядах, высту-

⁵⁵ Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. II. – С. 82.

⁵⁶ Масарик Т. Г. Мировая революция. – Т. II. – С. 84.

⁵⁷ Там же. – Т. I. – С. 216.

⁵⁸ Там же. – С. 199.

⁵⁹ Бенеш Э. Указ. соч. – С. 203-204.

пающих против нас»⁶⁰.

Что касается работ рядовых легионеров, то они признавали, что выступление было вынужденным и неожиданным, что они выступили в защиту своего войска⁶¹. По словам Й. Кудели, «...чехословаки в целях самосохранения, были вынуждены выступить с оружием в руках, чтобы пробивать себе дорогу на Сибирь»⁶². Более того, «...только победа над большевиками могла им (легионерам – А.В.) обеспечить личную безопасность; полное разоружение же, будь оно добровольное или как результат поражения, насильственное, угрожало им не только полным крушением их планов достичь Франции и принять дальнейшее участие в борьбе с Австро-Германией, но и совершенным уничтожением постыдной гибелью от большевицких и немецко-магьярских рук»⁶³.

Легионеры называли и другие причины, которые привели к выступлению. По словам Й. Кудели, «...оборонительная борьба чехословаков скоро перемещалась в содействие возрождающейся и собирающейся только с силами русской демократии»⁶⁴. О стремлении помочь сибирской демократии писал также И. Глос⁶⁵.

По словам Ф. Штейдлера, чехословацкие легионеры остались в России для того, чтобы «...вместе с русской демократией помочь, по мере своих сил, общей победе той военной программы, которая объединяла всех союзников во время мировой войны»⁶⁶.

Однако гораздо важнее для легионеров было то, что «...в России произошло воссоздание западного фронта против Австро-Венгрии и Германии»⁶⁷. Чехословацкие легионеры также руководствовались жёсткой и не-

⁶⁰ Масарик Т. Г. Мировая революция. Т. II. – С. 83.

⁶¹ Велеховский Ф. Указ. соч. – С. 36; Голечек В. Указ. соч. – С. 11; Куделя Й. Первая годовщина Чехословацкой республики. – С. 8; Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 25.

⁶² Куделя Й. Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. – С. 9.

⁶³ Велеховский Ф. Указ. соч. – С. 34.

⁶⁴ Куделя Й. Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. – С. 9.

⁶⁵ Глос И. Указ. соч. – С. 33.

⁶⁶ Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 27.

⁶⁷ Куделя Й. Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах. – С. 9.

умолимой логикой гражданской войны: «Друг моего врага – мой враг». А так как большевики являлись в сознании легионеров союзниками Германии и исполнителями её воли, то они вступили в борьбу с большевиками⁶⁸.

Легионеры также писали о «нравственном долге» перед русским народом⁶⁹.

По словам В. Голечека, о военной подготовке к выступлению против Советской власти не может быть и речи⁷⁰. Далее В. Голечек конкретизировал свою мысль и писал, что «...чехословацкое войско было приготовлено к защите не с военной стороны, но лишь психологически, своим душевным состоянием, своим недоверием к советской власти, вызванным и усугубляемым самими же большевиками, и поэтому оно сумело выступить на свою защиту так единодушно, образцово и дружно»⁷¹.

Легионеры также делали особый акцент на стремлении «...соблюдать строгий нейтралитет в борьбе русских политических партий и от совместного выступления против большевицкого режима отказались»⁷². Более того, легионеры особо подчёркивали, что, «...наши политические и военные власти действительно старались честно исполнить договор о разоружении»⁷³. О том, что легионеры Чехословацкого корпуса стремились доказать Советской власти свою лояльность «...даже в ущерб военной силе корпуса и даже ценою поступления ею», а политическое и военное руководство Чехословацкого корпуса «...стремилось, во что бы то ни стало... не допустить конфликта с советской властью и её органами...» писал В. Голечек⁷⁴.

Также особо подчёркивался тот факт, что корни конфликта Чехословацкого корпуса и Советской власти содержались «...не в результате какой-нибудь агитации русских антибольшевиков, или же влияния офицеров, как в

⁶⁸ См.: Велховский Ф. Указ. соч. – С. 27, 36.

⁶⁹ См.: Голечек В. Указ. соч. – С. 72-73.

⁷⁰ Голечек В. Указ. соч. – С. 27, 35.

⁷¹ Там же. – С. 35-36.

⁷² Глос И. Указ. соч. – С. 29. См. также: Велховский Ф. Указ. соч. – С. 20-21.

⁷³ Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 15.

⁷⁴ Голечек В. Указ. соч. – С. 11, 28.

настоящее время некоторые большевицкие авторы ещё утверждают. В душе наших солдат это недоверие к большевикам глубоко залегло ещё со времени первых попыток большевизации и разложения старой русской армии в 1917 году, после революции. Брест-литовский мир это недоверие только лишь усилил; а вынужденное разоружение, согласно пензенского договора, возбуждало серьёзные опасения, что наши войска, лишённые оружия, легко смогут стать жертвой новой немецко-русской дружбы»⁷⁵.

И политическое, и военное руководство чехословацких воинских частей подчёркивало, что возмущение накапливалось в среде рядовых легионеров и что оно являлось не результатом агитации, а результатом действий самих большевиков. Это прямо противоречит утверждению, сложившемуся в отечественной историографии, согласно которому, лидирующую роль во время выступления играли не солдаты, а офицеры. По всей видимости, подобным образом политическое и военное руководство корпуса снимало с себя ответственность за выступление Чехословацкого корпуса.

Все авторы писали, что центральные и местные советские власти вели себя по отношению к Чехословацкому корпусу как минимум двулично, нелояльно и даже враждебно⁷⁶. Отмечалась негативная роль чехословацких коммунистов, которые вели агитацию, направленную на разложение в рядах корпуса, настаивая, в связи с этим, на остановке движения поездов⁷⁷. Все авторы видели в действиях Советской власти «немецкий след». Так, Ф. Штейдлер писал о «провокациях» со стороны чехословацких коммунистов, а также немецких и венгерских военнопленных, входивших в комиссию по разоружению в Пензе⁷⁸. В. Голечек писал, что местные Советы находились под влиянием интернационалистов (военнопленных немцев, венгров и чехословацких коммунистов), а центральные власти – под влиянием германского

⁷⁵ Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 15-16. – См. также: Велеховский Ф. Указ. соч. – С. 27, 28.

⁷⁶ Велеховский Ф. Указ. соч. – С. 31, 32; Голечек В. Указ. соч. – С. 15; Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 17.

⁷⁷ Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 18.

⁷⁸ Там же. – С. 16, 17.

посла Мирбаха⁷⁹. В конечном итоге все авторы сходились во мнении, что именно Советская власть осуществила «преступное», «коварное», «предательское» нападение на чехословацкие эшелоны⁸⁰.

Точно и глубоко причины конфликта между Советской властью и Чехословацким корпусом удалось подметить Й. Куделе: «Между нашим войском и русскими большевиками было непримиримое идейное противоречие: наше революционное движение и войско боролись за освобождение народа, они – за освобождение класса; мы призывали к участию в борьбе за лучшее устройство мира на основе самоопределения народа, они провозгласили гражданскую войну классу угнетающих...»⁸¹.

В 1920-30-е годы зарождается и другая тенденция в чехословацкой историографии. «Тяжёлую борьбу против лживой освобожденческой легенды, – писал Ю. Кржижек, – начала ещё в двадцатые годы наша коммунистическая партия, которая указывала, что то была Великая октябрьская социалистическая революция, которая оказала решающее влияние на возникновение самостоятельной Чехословацкой республики»⁸².

Одними из первых исследователей истории Чехословацкого корпуса выступили чехословацкие коммунисты А. Муна и Б. Шмераль. Следует иметь в виду, что А. Муна – это один из первых чехословацких коммунистов, который выступал на процессе правых эсеров в качестве обвинителя от Коминтерна и компартии Чехословакии⁸³. Что касается Б. Шмерала, то он написал свою работу специально к процессу над правыми эсерами в 1922 году.

Б. Шмераль назвал выступление Чехословацкого корпуса контрреволюционным⁸⁴. Он подчёркивал, что выступлению способствовала агитация,

⁷⁹ Голечек В. Указ. соч. – С. 16.

⁸⁰ Велеховский Ф. Указ. соч. – С. 33; Голечек В. Указ. соч. – С. 19, 27, 34, 35, 37, 40; Штейдлер Ф. Указ. соч. – С. 25.

⁸¹ Kudela I. Československá anabase v Rusku. – S.a., 1928. – S. 17-18; Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 105.

⁸² Křížek Jurij. Op. cit. – S. 308.

⁸³ См.: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 18.

⁸⁴ Шмераль Б. Указ. соч. – С. 4.

проводившаяся в корпусе: «Когда они выступали против советов, офицеры и политические руководители говорили им, что они находятся лишь в состоянии необходимой самообороны. После им говорилось, что красная армия состоит из немцев и мадяров, чем оказывалось воздействие на национальные чувства и одновременно пробуждался страх физического уничтожения. Впоследствии, рядовых легионеров старались убедить, что большевистская армия составляет часть немецкой армии и что они в Сибири держат фронт против Германии»⁸⁵. Ещё одним поводом для агитации было заключение Брестского мира⁸⁶. При этом Б. Шмераль неоднократно подчёркивал, что рядовой состав корпуса был введён в заблуждение и обманом втянут офицерским составом в выступление против Советской власти⁸⁷. Неоднократно подчёркивалось, что «...рабочие массы, составлявшие ядро чехословацкой армии, помимо собственной воли вовлечённые в обман, стали янычарами капитализма Антанты против социальной революции»⁸⁸.

Данная точка зрения, высказанная Б. Шмералем, перекликается с мнением некоторых отечественных (прежде всего большевистских) авторов, которые, ещё в 1920-е годы заявляли, что легионеры были «обмануты», «одурочены» и являлись «орудием» в руках Антанты. Вместе с тем, она существенно отличается от точки зрения, высказанной легионерами. Последние утверждали, что именно в рядовой легионерской массе росло недовольство действиями Советской власти. В этих условиях руководители Чехословацкого корпуса, не в силах сдержать проявления недовольства своих солдат, лишь присоединились к их выступлению.

Особо отмечалось, что выступление чехословацких легионеров и их совместные действия с партией эсеров преподносились как услуга делу социализма⁸⁹.

⁸⁵ Шмераль Б. Указ. соч. – С. 8.

⁸⁶ Там же. – С. 10.

⁸⁷ Там же. – С. 22.

⁸⁸ Там же. – С. 11.

⁸⁹ Там же. – С. 8, 11.

Б. Шмераль неоднократно называл Чехословацкий корпус орудием в руках Антанты⁹⁰. Подобная же оценка содержалась и в работе А. Муны, который писал о чехословацких легионерах, что это «...люди ослеплённые, которые сделались орудием реакции и контрреволюции»⁹¹.

Таким образом, содержание агитации сводилось либо к национальному вопросу, либо к вопросу о безопасности, то есть опиралось на значимые для рядовых легионеров мотивы. Более того, авторами подчёркивалось, что легионеры также были привержены социалистическим идеям. Хотя вместе с тем, отмечалось, что их выступление было контрреволюционным. Оно было таковым потому, что было направлено против власти, которая, судя по слухам, представляла для них опасность, а не против власти, которая не устраивала их по идейным соображениям. О наличии (или отсутствии) идейной подоплёки в выступлении легионеров Чехословацкого корпуса говорилось в первом параграфе первой главы настоящей работы.

Б. Шмераль много писал о составе корпуса и о дифференциации в его рядах. Выше уже приводились цитаты, в которых Б. Шмераль говорил о том, что корпус большей частью состоял из рабочих: «Вооружённая сила чехословаков на 90 % состояла из рабочих и бедных крестьян. Большая часть их уже на родине была социалистами. Они были националистически настроены»⁹². Более подробно о составе корпуса писал А. Муна: «Чехословацкая армия насчитывает 40 000 человек, из которых 70 % рабочих, 10 % - крестьян (кулаков), 10 % - буржуазии и 10 % - так называемой «интеллигенции». 47 % являются сторонниками партии социал-демократических шовинистов, 53 % - членами различных националистических партий»⁹³. Отметим при этом, что оба автора не приводили ссылки на какие-либо источники.

Внимание, которое А. Муна и Б. Шмераль уделили социальному соста-

⁹⁰ Там же. – С. 9, 10.

⁹¹ Муна А. Указ. соч. – С. 8.

⁹² Шмераль Б. Указ. соч. – С. 11.

⁹³ Муна А. Указ. соч. – С. 8.

ву Чехословацкого корпуса, было обусловлено, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. С одной стороны, они стремились показать, что основу легиона составляли рабочие, придерживавшиеся социалистических убеждений. Это должно было смягчить высказывания в оценке действий корпуса. С другой стороны, они стремились показать степень и глубину заблуждения рядовых легионеров.

По словам А. Муны, Чехословацкому корпусу изначально был присущ реакционный дух: «...реакционный дух не только продолжал оставаться в этой армии, он постоянно укреплялся. Все демократические реформы, проводимые в русской армии, не имели совершенно никакого влияния и не коснулись чехословацких частей... Значительное число русских черносотенных офицеров и генералов, которые были изгнаны из русских частей, нашли убежище в чехословацком корпусе. Этим реакционный дух войска был ещё более укреплен»⁹⁴. Более того, по утверждению А. Муны, «...Чехословацкий корпус никогда не был революционным и не стоял никогда на стороне русских пролетариев, как ошибочно думают некоторые русские товарищи... Армия же, сформированная чехословацким национальным Советом, за всё время своего существования была всегда против революции»⁹⁵. Проявлением этого стало то, что, согласно А. Муне, симпатии легионеров были на стороне Л.Г. Корнилова, когда он поднял мятеж; а во время событий Октябрьской революции в Киеве части Чехословацкого корпуса выступили против рабочих⁹⁶.

Корни подобного «реакционного духа», как считал А. Муна, крылись в системе воспитания, которая сложилась в корпусе: «Солдаты чешской бригады воспитывались националистической печатью в царскофильском и реакционном духе. В особе Кровавого Николая они видели благо царя-освободителя славян, и вожди чешской буржуазии предлагали чешскую корону члену ро-

⁹⁴ Муна А. Указ. соч. – С. 6-7.

⁹⁵ Муна А. Указ. соч. – С. 8.

⁹⁶ Муна А. Указ. соч. – С. 7.

мановской династии... Это почти четырёхлетнее националистически-шовинистическое воспитание, ответственность за которое падает, главным образом на профессора Масарика, оставило в чешском войске глубокие следы и является одной из главных причин его контрреволюционности»⁹⁷.

Подобный вывод вступал в противоречие с оценками легионерской историографии.

На этом этапе зародились многие тенденции **английской и американской историографии** в вопросе изучения Чехословацкого корпуса. Следует отметить, что специальных трудов, посвящённых Чехословацкому легиону, в этот период опубликовано не было. Информацию по интересующей нас теме можем найти в работах политических руководителей стран Антанты⁹⁸, трудах военных, принимавших непосредственное участие в интервенции⁹⁹. Особняком стоит работа американского журналиста В. Чемберлина¹⁰⁰. Несмотря на то, что автор не являлся профессиональным историком, его работа заслужила высокую оценку в отечественной и зарубежной историографии. В. Чемберлин посвятил отдельную главу интересующей нас теме¹⁰¹. Обратим особое внимание на её название – «Столкновение с чехами и демократическая контрреволюция». Судя по всему, автором двигало стремление показать, что столкновение было взаимным и к нему причастны обе стороны.

В английской и американской историографии также появлялись публицистические труды. Так, в 1918 году была опубликована работа английского журналиста М.Ф. Прайса «Правда об интервенции союзников в России»¹⁰². На страницах своей работы М.Ф. Прайс отмечал, что в период между мартом и маем 1918 года представители ЧНС получили от французского и англий-

⁹⁷ Муна А. Указ. соч. – С. 6.

⁹⁸ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. – Т. VI. – М., 1937; Черчилль В. Мировой кризис. – М.; Л., 1932.

⁹⁹ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920) / Пер. с англ. А.Ф. Сперанского и С.С. Соколова: со вступительной статьёй И.И. Минца. – М., 1932; Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918-1919 гг. / С предисловием И.М. Майского. – М.; Пг., 1923.

¹⁰⁰ Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. – 2 vol. – Vol. II. – New York, 1952.

¹⁰¹ Op. cit. – P. 1-24.

¹⁰² Price M.P. The truth about the interventions of the Allies in Russia: How the rulers of England are strangling the Russian Revolution. – Belp/Bern, 1918.

ского консула 9 миллионов рублей и 85 тысяч фунтов соответственно. Непосредственно после этого Чехословацкий корпус поднял восстание, при этом «...командующие чехословаков не только не предприняли попытки двинуть свои войска из России, но начали наступать на запад по направлению к Москве, ясно показывая, что они осуществляют заранее подготовленный план, за что они получили эти выплаты»¹⁰³. При этом М.Ф. Прайс не подтверждал данное утверждение ссылкой на какие-либо документы.

В числе работ этого периода, которые были написаны не профессиональными историками, а участниками событий, следует выделить воспоминания военного министра Великобритании В. Черчилля «Мировой кризис». В. Черчилль придавал важное значение выступлению Чехословацкого корпуса, которое способствовало тому, что союзники смогли прийти к «практическому соглашению»¹⁰⁴. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж отмечал, что, «...присутствие чешского легиона было определяющим фактором в нашей сибирской экспедиции. Мы не только обязаны были принять необходимые меры для того, чтобы оказать им защиту, но мы смогли с их помощью создать нечто вроде антигерманского фронта в Юго-Восточной России и вдоль всего Урала»¹⁰⁵. Мы неслучайно начали рассмотрение английской и американской историографии с подобных утверждений. Именно в них следует искать корни интереса зарубежной историографии к изучению истории Чехословацкого корпуса в России.

Именно в этот период зарождается версия, что интервенция была вызвана стремлением оказать помощь Чехословацкому корпусу. Изучение истории интервенции не является предметом нашего исследования. Однако уделим этой версии некоторое внимание. Утверждение, что Чехословацкий корпус нуждался в защите (что и вызвало интервенцию) тянет за собой целую цепочку в оценке событий, предшествовавших мятежу. То есть, для то-

¹⁰³ Price M.P. Op. cit. – P. 13, 14.

¹⁰⁴ Черчилль В. Указ. соч. – С. 51.

¹⁰⁵ Ллойд-Джордж Д. Указ. соч. – С. 90.

го, чтобы показать, что легионеры нуждались в защите, необходимо было показать, что они находились во враждебной обстановке, подвергались нападению со стороны большевиков и т.д. Именно этим было обусловлено особое внимание всех зарубежных историков к событиям весны 1918 года, когда стали обостряться отношения между Советской властью и Чехословацким корпусом. При этом внимание уделялось главным образом военной (вооружённые столкновения) и дипломатической (планы использования корпуса), а не гражданской истории. Некие «психологические экскурсы» (об обособленности легионеров, о специфическом моральном духе и порядках, царивших в их рядах) были призваны подчеркнуть состояние отчуждённости: «...они жили совершенно самостоятельной жизнью, отрезанные от родины и от родного им быта, окружённые чуждым народом, чувства которого их не трогали и привычки которого их не привлекали. Но в противоположность своим предшественникам, они были связаны с великим мировым делом, от которого ни на йоту не отклонялись. Они совместно изучали ход военных операций, постоянно занимались гимнастическими упражнениями и отличались ярким сознанием интересов своей группы. Это помогло им выдержать все невзгоды и среди развалин русской империи остаться: Бесстрастным среди бесчисленных врагов. / И чуждым соблазна, страха, колебаний»¹⁰⁶.

Характерно, что версия о том, что интервенция была вызвана необходимостью оказать помощь Чехословацкому корпусу, перекочевала в литературу со страниц официальных постановлений¹⁰⁷.

Советские историки уделяли самое пристальное внимание рассмотрению этой версии. Так, И.И. Минц в предисловии к книге В. Грэвса «Американская авантюра в Сибири (1918-1920)» отмечал, что, «...ни одна из легенд, созданных империалистами для оправдания интервенции, не была обставлена таким огромным количеством аргументов и доводов, как легенда о чехо-

¹⁰⁶ Черчилль В. Указ. соч. – С. 52.

¹⁰⁷ См. напр.: Декларация правительства США от 3 августа 1918 года / Грэвс В. Указ. соч. – С. 8.

словаках. Тут и показания самих чехословаков, тут и огромная литература, - книги, газеты, документы, английские, французские и даже японские. Все одинаково дружно доказывают, что угроза советской власти разоружить чехословаков собственно и вынудила империалистов выступить на защиту «попранных прав чехословаков»¹⁰⁸. Версию о «...предательстве большевиков в деле чехов, о нарушении большевиками своего слова..., канонизированную буржуазной дипломатией», И.И. Минц назвал «старой басней»¹⁰⁹. Интересно, что при опровержении подобного рода версий советские историки и сами не очень-то церемонились в выборе определений.

К заслуге командующего американскими войсками в России генерала В. Грэвса был отнесён тот факт, что он «...кладёт окончательный предел распространению этой легенды, приводя данные, полностью вскрывающие подготовку и весь ход чехословацкого переворота»¹¹⁰.

В. Грэвс на страницах своей работы раскрывал и опровергал эту версию. Так, он приводил выдержки из стенографического отчёта совещания между полковником Эмерсоном и капитаном Кедлетом¹¹¹, состоявшегося в Мариинске 29 мая 1918 года¹¹², исходя из которых он сделал вывод о том, что «...чехам никогда не грозила опасность агрессивных актов со стороны Советов. Безусловно, чехам ничто не угрожало, до тех пор пока они стремились к достижению объявленной им цели, т.е. добраться до Владивостока по Сибирской железной дороге. Чехи были нападающей стороной...»¹¹³. Данное утверждение (о том, что чехословацкие легионеры не нуждались в защите и

¹⁰⁸ Грэвс В. Указ. соч. – XII.

¹⁰⁹ Там же. – XI.

¹¹⁰ Там же. – XII.

¹¹¹ Полковник Эмерсон – первый помощник главы Русской железнодорожной комиссии Джона Стивенса; капитан Кедлет (вернее, Кадлец) возглавлял чехословацкие войска в Мариинске. В. Грэвс характеризовал полковника Эмерсона как человека честного, «менее всего заинтересованного в распрях русских группировок», единственной целью пребывания в России которого было «...оказать помощь русским в организации железнодорожного движения, и он совершенно не интересовался какой либо другой деятельностью». – См.: Грэвс В. Указ. соч. – С. 39.

¹¹² Грэвс В. Указ. соч. – С. 32.

¹¹³ Там же. – С. 39.

помощи) В. Грэвс повторял и в дальнейшем¹¹⁴.

В. Грэвс приводил и другие факты в пользу несостоятельности версии о помощи чехословацким legionерам, как основном мотиве интервенции. Так, Япония, которая заявила о помощи Чехословацкому корпусу, как об одном из мотивов интервенции, на деле всячески препятствовала его эвакуации¹¹⁵.

В центре внимания многих авторов находились взаимоотношения между Советской властью и Чехословацким корпусом. По словам В. Чемберлина, вплоть до марта 1918 года «...отношения между Чехословацким корпусом и советскими вооружёнными силами были весьма дружественными (курсив мой – А.В.)»¹¹⁶. Более того, В. Чемберлин отмечал, что legionеры сражались плечом к плечу с красногвардейцами во время немецкого наступления на Украине в марте 1918 года и даже были удостоены благодарности со стороны командующего советскими вооружёнными силами на Украине В.А. Антонова-Овсеенко¹¹⁷.

Ухудшение отношений, по словам В. Чемберлина, произошло после того, как legionеры пересекли границу Украины с Россией. При этом чехословацкое командование не устраивало то, что в корпусе ведут активную пропаганду чехословацкие коммунисты, которые «...агитировали против офицеров и пытались убедить солдат вступить в Красную Армию». В свою очередь, представители Советской власти возражали против «...присутствия в корпусе значительного числа русских офицеров высшего ранга, чьё отношение к советскому режиму было действительно далеко не дружественным»¹¹⁸. В. Грэвс описывал атмосферу напряжённости и недоверия, которая царила между Советской властью и Чехословацким корпусом весной 1918 года: «Чехи двигались по неизвестной им стране, атмосфера в которой была насыщена

¹¹⁴ Там же. – С. 213, 239, 240.

¹¹⁵ Грэвс В. Указ. соч. – С. 215, 227.

¹¹⁶ Chamberlin W.H. Op. cit. – P.3.

¹¹⁷ Op. cit. – P. 3.

¹¹⁸ Op. cit. – P. 3.

слухами о заговорах и различных планах. Советы же не только испытывали тревогу в отношении намерений чехов в Сибири, но они несомненно сознавали, что проход через их территорию вооружённых иностранных войск принижает их достоинство и является нарушением их суверенных прав»¹¹⁹.

26 марта 1918 года в Пензе было заключено соглашение между представителями советской власти и Чехословацкого корпуса. Однако это не сняло имевшихся противоречий. По мнению В. Чемберлина, ни большевики, ни легионеры не соблюдали Пензенское соглашение, что было обусловлено взаимным недоверием¹²⁰. Более того, агитация со стороны чехословацких коммунистов не прекратилась. В корпусе шла также контрпропаганда, которую вели «...наиболее консервативные чешские офицеры» и оставшиеся в корпусе русские офицеры. Суть пропаганды сводилась к тому, что «...большевики были германскими агентами..., что попытки разоружить их (легионеров – А.В.) могли быть только прелюдией к тому, чтобы выдать их австрийскому правительству, которое бы быстро расправилось с ними как с изменниками и дезертирами»¹²¹. В. Чемберлин добавлял к этому, что «...атмосфера подозрения и враждебности росла, и была усилена беспорядочным состоянием в стране и разрухой на транспорте и в деле продовольствия»¹²².

Особенность работы В. Чемберлина, которая отличает её от работ многих советских коллег, заключается в том, что он не стремился найти виновных в мятеже, а скорее описывал условия и факторы, которые не удовлетворяли каждую из сторон и способствовали столкновению.

В. Черчилль назвал действия Советских властей в отношении Чехословацкого корпуса «предательским нападением», которое случилось в результате того, что, «...Ленин и Троцкий решили изменить обязательствам, приня-

¹¹⁹ Грэвс В. Указ. соч. – С. 34.

¹²⁰ Chamberlin W.H. Op. cit. – P. 4.

¹²¹ Op. cit. – P. 4.

¹²² Op. cit. – P. 4.

тым на себя по отношению к чехам. Под руководством немцев быстро были приняты меры для того, чтобы задержать и взять в плен чешские отряды, пустившиеся в долгое путешествие. Несколько тысяч германских и австрийских военнопленных, наскоро вооружённых, начали формироваться в военные единицы, под надзором германских офицеров»¹²³. Это способствовало тому, что «...благодаря нарушению данного обещания и целому ряду случайных инцидентов, *которых никто в мире не мог предвидеть* (курсив мой – А.В.), вся русская территория от реки Волги до Тихого океана, почти не меньшая по размерам, чем африканский континент, перешла, словно по мановению волшебного жезла, под контроль союзников»¹²⁴. События, последовавшие непосредственно за мятежом, В. Черчилль назвал «удивительными»¹²⁵. В этом утверждении мы видим сразу два тезиса, которые будут оказывать очень важное воздействие на развитие зарубежной историографии впоследствии. Прежде всего, это тезис о германском влиянии на большевиков и о германской угрозе для Чехословацкого корпуса. Этот тезис возник первоначально в политической сфере и лишь позднее перекочевал в труды историков.

Другой тезис, который, пожалуй, скрыт более тонко, это утверждение о том, что выступление было неожиданным для представителей стран Антанты. В дальнейшем он получил своё развитие в английской и американской историографии и продолжает бытовать до наших дней.

В. Чемберлин считал недоказанной версию, что мятеж Чехословацкого корпуса был спровоцирован представителями стран Антанты: «Многие советские историки склонялись к тому, чтобы представлять столкновение с чехами как часть подготовленного плана союзнической интервенции. Документальные доказательства этого отсутствуют; тяжесть имеющихся в наличии [доказательств] показывает, что правительства стран Антанты... не провоци-

¹²³ Черчилль В. Указ. соч. – С. 52.

¹²⁴ Черчилль В. Указ. соч. – С. 53.

¹²⁵ Там же. – С. 54.

ровали и не подстрекали к этому столкновению»¹²⁶. В то же время, он признавал, что союзники приветствовали этот мятеж и стремились использовать его в своих интересах. При этом главным доказательством своей точки зрения В. Чемберлин считал тот факт, что союзники не смогли решить вопрос о разделении Чехословацкого корпуса и отправке части его через Архангельск: «Теория продуманного заговора союзников, имевшего целью содействие интервенции при помощи чехов, вступает в явное противоречие с неспособностью военных представителей союзников расколоть корпус»¹²⁷.

Следует подчеркнуть, что американские и английские авторы высоко оценивали роль Чехословацкого корпуса в событиях в России (для дела союзников и антибольшевистских сил)¹²⁸. Также высоко роль чехословацких легионеров оценивал В. Грэвс: «Следует отметить, что эти чехи в Сибири были изумительными солдатами и всегда выполняли свой долг. Казалось, что в их рядах не было колебаний, и если на них возлагали выполнение той или иной военной задачи, они не терпели постороннего вмешательства и исполняли свой долг так, как они считали правильным»¹²⁹. О «блестящих подвигах чехов» писал также командующий английским экспедиционным отрядом в Сибири Д. Уорд¹³⁰. О том, что чехословацкие легионеры сыграли в событиях гражданской войны значительную роль, писал и В. Чемберлин¹³¹.

В. Черчилль назвал лишь одно «чёрное пятно» на репутации легионеров в России: «Жаль, что летопись подвигов чехословацкого армейского корпуса запятнана выдачей Колчака. Получается такое впечатление, что на время эти легионеры сошли с исторической сцены, на которой они играли героическую роль до тех пор, и смешались с оборванной и деморализованной сибирской аудиторией»¹³².

¹²⁶ Chamberlin W.H. Op. cit. – P. 4.

¹²⁷ Chamberlin W.H. Op. cit. – P. 5.

¹²⁸ Черчилль В. Указ. соч. – С. 148.

¹²⁹ Грэвс В. Указ. соч. – С. 86.

¹³⁰ Уорд Д. Указ. соч. – С. 46.

¹³¹ Chamberlin W.H. Op. cit. – P. 1.

¹³² Черчилль В. Указ. соч. – С. 167.

По мнению В. Черчилля, начиная с осени 1918 года, Чехословацкий корпус перестал играть важную роль на фронтах гражданской войны: «Мы видели уже в октябре 1918 г., что они были доведены до полного отчаянья тем, как хорошо вели дела они, и как плохо вели свою работу русские белогвардейцы. Конец великой войны порвал все те обязательства, которые заставляли их оказывать союзникам столько услуг. С этих пор их единственным и вполне естественным желанием было вернуться к себе домой. Победа союзников дала свободу Богемии. По отношению к габсбургской империи чешские войска больше не были ни бунтарями, ни предателями. Они были теперь победоносными солдатами, пионерами Чехо-Словакии. Домашний очаг, который мог навсегда сделаться для них недоступным, теперь властно звал их к себе, обещая им свободу и почести»¹³³. В. Черчилль отмечал, что уходу в тыл также способствовали усталость, а также то, что, «...их (легионеров – А.В.) собственные политические взгляды были прогрессивны и плохо вязались со взглядами русских белогвардейцев. Кроме того их раздражала русская неустойчивость и беспорядок в управлении»¹³⁴.

Об этом же писал В. Чемберлин: «С осени 1918 года чехи перестали играть активную роль в гражданской войне в России. Они были разочарованы невыполнением Антантой [решения] о широкомасштабном вмешательстве и всё более теряли желание проливать свою кровь в гражданской войне в России, которая становилась всё более и более жестокой ввиду того, что Красная Армия росла в организационном плане. Они сокрушили Советы и нанесли тяжёлый удар только тогда, когда они (Советы – А.В.) были очень слабы, что сделало возможным установление антибольшевистских правительств на огромной территории»¹³⁵.

Более того, в 1919 году стали проявляться факты разложения в рядах корпуса, что проявилось в создании комитетов «...имевших много общего с

¹³³ Черчилль В. Указ. соч. – С. 164-165.

¹³⁴ Там же. – С. 55.

¹³⁵ Chamberlin W.H. Op. cit. – P. 22.

теми, которые вскоре после революции разложили русские армии. Их дисциплина и их боевая способность ослабели. Весной они были отозваны с фронта, и им была поручена охрана железнодорожных путей. В июне было решено, что они будут при первой возможности отправлены на родину, и были предприняты соответствующие шаги»¹³⁶. Разложение приняло столь широкие масштабы, что осенью 1919 года 5-й чехословацкий полк отказался выполнить приказ Р. Гайды о наступлении на Пермь¹³⁷.

Отношения Чехословацкого корпуса с представителями антибольшевистских сил к осени 1919 года обострились настолько, что чехословацкие солдаты «...обвиняли русских офицеров, находившихся в штабе, и причины военных неудач объясняли русскими методами управления. В результате этого чувство антипатии чехов к русским сильно возросло, и чешские офицеры и солдаты начали вести себя вызывающе в отношении русских. Чехи открыто заявляли, что чешские унтер-офицеры лучше русских офицеров»¹³⁸. Дошло даже до того, что полный увод чехословацких войск в тыл (к 20 января 1920 года) и замена их русскими воинскими частями вызвала радость в рядах белых¹³⁹.

В. Грэвс много писал о политических пристрастиях легионеров. Он, в частности, отмечал, что, «...чехи, находившиеся в Сибири, являлись сторонниками парламентарного правительства и противниками абсолютистских форм правления. Тем не менее, несмотря на их демократические идеи, несмотря на отвращение к плохому обращению, принятому сторонками Колчака по отношению к народным массам, чешские вожди при содействии своих и иностранных войск очень желали действовать в согласии с союзниками; их прельщало вознаграждение, обещанное союзниками чешскому народу»¹⁴⁰. В. Грэвс особо подчёркивал, что: «Чехи... не были в это время (ноябрь 1919 г. – А.В.) ни монархистами, ни

¹³⁶ Чсрчилль В. Указ. соч. – С. 165.

¹³⁷ Грэвс В. Указ. соч. – С. 84-85.

¹³⁸ Там же. – С. 84.

¹³⁹ Там же. – С. 86.

¹⁴⁰ Там же. – С. 236.

А.В.) ни монархистами, ни большевиками. Они являлись сторонниками парламентарного образа правления и не верили в возможность достигнуть этого при посредстве каких-либо крайних политических группировок в России»¹⁴¹. По словам В. Грэвса, «...находившиеся в Сибири чехи несомненно были настроены либерально. Они достаточно пострадали от монархического режима и охотно сражались с большевиками только потому, что большевики мешают им при осуществлении их стремлений создать чехословацкую республику. Когда же чехи поняли, что поражение большевизма означает не только крах всех видов либерализма, но и создание вместо правительственной власти, принадлежащей народу, правительственной власти из тех, кто держал её в своих руках при династии Романовых и кто по всей вероятности имел склонность к восстановлению монархии в России,- они не могли более выступать с Англией, Францией и Японией»¹⁴². Интересно, что последнее утверждение прямо противоположно тому, что заявлял А. Муна, указавший на царско-фильские настроения в рядах легионеров. О приверженности чехословацких легионеров демократическим идеям и об их готовности прийти на помощь эсерам писал и В. Чемберлин¹⁴³.

Следует подчеркнуть, что в английской и американской историографии появлялись труды авторов, симпатизировавших большевистской революции. Выше мы уже упоминали работу английского журналиста М.Ф. Прайса. В 1935 году в Лондоне была издана работа супругов Коутс (социалистов по своим политическим убеждениям) «Вооружённая интервенция в России, 1918-1922»¹⁴⁴. Они оправдывали действия Советского правительства по отношению к Чехословацкому корпусу, обвиняли представителей стран Антанты в том, что они оказывали влияние на руководство ЧНС и стимулировали его нелояльность по отношению к Советской власти, а также отвергали вос-

¹⁴¹ Там же. – С. 196.

¹⁴² Грэвс В. Указ. соч. – С. 61.

¹⁴³ Chamberlin W.H. Op. cit. – P. 22.

¹⁴⁴ Coates W.P. and Z.K. Armed intervention in Russia, 1918-1922. – London, 1935.

становление Восточного фронта как предлог для интервенции¹⁴⁵.

Немецкая историография проявляла к событиям гражданской войны и иностранной вооружённой интервенции в 1918 году особый интерес.

В 1924 году в Москве был опубликован второй том воспоминаний руководителя вооружённых сил Германии Э. Людендорфа, в которых он приписывал организацию выступления Чехословацкого корпуса Антанте¹⁴⁶. Аналогичной точки зрения придерживался Х. фон Римша¹⁴⁷. В целом, Х. фон Римша не останавливался подробно на истории Чехословацкого корпуса в России. В 1929 году была защищена кандидатская диссертация М. Кланте, посвящённая Чехословацкому легиону в России, а в 1931 году была опубликована её книга «От Волги к Амуру»¹⁴⁸. Она не поддержала утверждение, что выступление Чехословацкого корпуса было организовано Антантой. Более того, она подчёркивала, что Антанта и политическое руководство корпуса были против восстания. Вместе с тем, она указала на зависимое положение Чехословацкого корпуса – в финансовом положении от Франции, в плане снабжения – от сибирских кооперативов, руководимых оппозиционными большевизму силами, что во многом предопределило втягивание корпуса в гражданскую войну¹⁴⁹. М. Кланте писала о давлении Советского правительства, желавшего влить корпус в Красную Армию¹⁵⁰. Рассматривая причины выступления Чехословацкого легиона М. Кланте, с одной стороны отвергала утверждение, что офицеры корпуса втянули его в авантюру, связывая восстание с решениями съезда в Челябинске (хотя и признавала, что в большей степени за решения съезда ответствен Р. Гайда). Вместе с тем, она писала, что Чехословацкий корпус «...нёс антибольшевизм, и антибольшевизм нёс

¹⁴⁵ Coates W.P. and Z.K. Op. cit. – P. 109. – Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 116-117.

¹⁴⁶ Людендорф Э. Мои воспоминания л войне 1914-1918 гг. / Пер. немецкого. – Т. 2. – М., 1924. – С. 215-216.

¹⁴⁷ Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration. 1917-1921. – Jena, 1924. – S. 4-5. – Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. С. 118.

¹⁴⁸ Klante M. Von der Wolga zum Amur. – Berlin, 1931.

¹⁴⁹ Klante M. Op. cit. – P. 121-122. – Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 119-120.

¹⁵⁰ Klante M. Op. cit. – P. 97-98. – Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 119.

его»¹⁵¹.

Особый интерес к истории Чехословацкого корпуса в немецкой историографии наблюдался в годы «третьего рейха» и второй мировой войны. С.Ю. Малышева объясняет это тем обстоятельством, что «...эта проблема была весьма удобной для проведения фашистских политических идей, ибо здесь можно было комплексно проводить одновременно антисоветские, антибольшевистские и антиславянские идеи»¹⁵².

В 1938 году в Берлине была переиздана работа К.В. Сахарова с предисловием двух немецких учёных – профессора К. Хаусхофера и М. Шпана. Немецкая историография обвиняла легион в предательстве Австро-Венгрии. О содержании работ говорили их заголовки – «Чешский «анабасис» через Сибирь. Правда или политическая легенда» Й. Пёхлингера, «Гуситы – Легионеры – Большевики» Ф. Рёслера¹⁵³.

Интересно, что «... в оккупированной Чехословакии можно было заплатить за интерес к истории национальной армии, боровшейся за национальную независимость Чехословакии против Австро-Венгрии и Германии»¹⁵⁴.

Таким образом, в 1920-30-е годы история Чехословацкого корпуса стала темой научного исследования. Прежде всего, это относится к чехословацкой историографии, в которой оформились два направления: легионерская историография и литература, вышедшая из-под пера интернационалистов.

Чехословацкий корпус в России был важнейшим инструментом заграничного освободительного движения, его история стала основой так называемой освободенческой легенды (суть которой сводилась к решающей роли заграничного движения сопротивления в деле образования Чехословакии)

¹⁵¹ Klante M. Op. cit. – P. 176-178. – Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 120.

¹⁵² Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 121.

¹⁵³ Pöchlinger J. Die tschechische «Anabasis» durch Sibirien. Wahrheit oder politische Legende // Zeitschrift für Politik. – 1938. – Bd. 28. – H. 2. – S. 111 f.; Rössler F. Hussiten – Legionäre – Bolschewiken. – Fürstenwalde, 1938. – См.: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 121.

¹⁵⁴ Цит. по: Малышева С.Ю. Указ. соч. – С. 122.

и стала частью официальной идеологии домюнхенской Чехословакии¹⁵⁵. В этой связи, о равнозначности двух обозначенных нами направлений в чехословацкой историографии в межвоенный период говорить не приходится.

Легионерская историография создала образ революционного войска, боровшегося за высокие идеалы, которое вместе с тем, стремилось оказать помощь «братскому славянскому народу». Если для литературы чехословацких интернационалистов был характерен обличительный характер, то один из основных мотивов легионерской историографии – стремление к самооправданию. Обращает на себя внимание стремление вчерашних легионеров представить выступление инициативой рядовой солдатской массы, а не офицерства. Интернационалисты же, напротив, указывали на решающую роль в организации выступления Чехословацкого корпуса офицеров.

В этот период происходит зарождение многих тенденций английской и американской историографии по теме. Мы можем отметить отсутствие специальных работ, посвящённых Чехословацкому корпусу. Вместе с тем, информация о нём присутствует в работах, посвящённых истории гражданской войны и иностранной интервенции в России.

История Чехословацкого корпуса была частью легенды, суть которой сводилась к оправданию интервенции. Тезис о помощи Чехословацкому корпусу, как одном из основных мотивов интервенции, станет основополагающим для западной историографии на долгие годы. Интересно, что он имел официальное происхождение (декларации правительств США, Италии, Японии и т.д.) и лишь затем переключался на страницы исторических произведений. В этой связи особенно интересно читать произведения тех, кто не просто писал, а творил историю, сидя в кресле на Даунинг-стрит или находясь в лесах Сибири.

Если в советской историографии основным аспектом изучения Чехо-

¹⁵⁵ Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. - Москва, 1955. – С. 101.

словацкого корпуса стала борьба с ним, то в английской и американской – борьба за его использование и реакция дипломатов и политиков на его выступление.

Следует особо выделить работу В. Чемберлина. Для неё был характерен отказ от жёстких и категоричных оценок, а также стремление представить по возможности всю совокупность факторов, которые привели к столкновению Советской власти с Чехословацким корпусом.

§ 2 Развитие исследований во второй половине 1940-х – середине 1980-х годов

На рубеже 1940-50-х годов в истории Чехословакии, как и во всей мировой истории в целом, произошли ощутимые изменения. Главным политическим фактом стало то, что мир разделился на два противостоявших друг другу военно-политических блока. В странах Восточной Европы к власти пришли коммунистические партии. В Чехословакии это произошло в феврале 1948 года. С этого времени Чехословакия развивалась в фарватере политики СССР, а чехословацкая историография следовала в своих выводах за советской историографией.

По словам Я. Галандауэра, партийный и государственный деятель В. Копецкий ещё в сентябре 1948 года «...осудил выступление легионов как антисоветскую интервенцию в интересах западных империалистических держав. Ч. Грушка на конференции, состоявшейся в ноябре 1949 года, заявил, что движение сопротивления в России (включая сюда деятельность Чехословацкого легиона) «...не было направлено на освобождение Чехословакии из-под ига Австрии. Оно носило контрреволюционный характер и было направлено против советского правительства, на пользу русской и иностранной реакции»¹. В 1951 году вспыхнула кампания против «буржуазной освободительской легенды», которая сопровождалась наступлением на легион и легионеров»². Именно с этого времени чехословацкие историки взяли на вооружение тезис о том, что решающее влияние на возникновение независимой Чехословакии оказала Октябрьская революция в России³. При этом пересмотру подверглось значение заграничного национально-освободительного движения в целом, о котором, по словам Я. Кржижека, практически прекратили

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. – М., 1951. – С. 74.

² Galandauer J. Včera a dnes (Legionářská minulost komunistického aktivisty) // Historie a vojenství. – 1998. – № 5. – S. 61-62.

³ Krížek Jurij. Rec. on: Oldřich Říha. Ohlas Říjnové revoluce v ČSR // Historie a vojenství. – 1958. – № 2. – S. 308.

упоминать⁴. Современный немецкий историк Н. Штегманн утверждает, что «...события Анабасиса... после «советизации» Чехословакии (1948/49) были в социалистической исторической науке табуированной темой»⁵. Однако гораздо чаще имело место не забвение, а борьба и разоблачение «освободительной легенды»⁶, которая объявлялась противоречащей фактам⁷. По словам И. Веселы, заграничное движение сопротивления во главе с Т.Г. Масариком утратило своё значение. И. Веселы называл последним крупным его действием битву у Зборова летом 1917 года, после этого части корпуса «...выступали лишь как контрреволюционные войска или не выступали вообще»⁸, а с весны 1918 года чехословацкие легионы «...превратились в интервенционистскую армию западных империалистов»⁹. Подчёркивалось, что чешская буржуазия была заинтересована в сохранении Австро-Венгрии, так как руководствовалась не национальными, а классовыми, экономическими интересами¹⁰, отмечалось, что движение сопротивления, «...организованное за границей, служило целям империалистов Антанты, но не делу национального освобождения», и в этой связи «...не могло иметь ничего общего с борьбой за свободу и национальную независимость чехов и словаков»¹¹. Переоценке подверглось значение в чехословацкой истории «вождей» заграничного освободительного движения Э. Бенеша, Т.Г. Масарика и М.Р. Штефаника. В 1953 году в Праге был опубликован сборник под названием «Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика» (переиздан в Москве в 1954 году). В

⁴ Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918 // Historie a vojenství. – 1966. – № 2. – S. 3.

⁵ Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2002. – Vol. 61. – S. 28.

⁶ [Аннотация] L. Holotik. Štefánikovská Legenda a vznik ČSR. Bratislava, 1958. 516 str. (Л. Голотик. Легенда о Штефанике и возникновение Чехословацкой республики. – Братислава, 1958. – 516 с.) // Новая и новейшая история. – 1958. – № 6. – С. 182.

⁷ Pichlík K. Rec. on: Ludovít Holotik. «Štefánikovská legenda a vznik ČSR» (SAV, Bratislava 1958, 363 stran + přílohy) // Historie a vojenství. – 1958. – № 4. – S. 625.

⁸ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. – М.: Воениздат, 1965. – С. 37.

⁹ Веселы И. О причинах возникновения и гибели буржуазного Чехословацкого государства // Вопросы истории. – 1958. – № 1. – С. 109.

¹⁰ Веселы И. О причинах возникновения и гибели буржуазного Чехословацкого государства. – С. 107.

¹¹ Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. – Москва, 1955. – С. 48, 59.

предисловии к чешскому изданию подчёркивалось, что сборник «...окончательно развенчивает как лживые буржуазные легенды, так и некоторые наивные иллюзии о Масарике как о «надпартийном философе и государственном деятеле», «освободителе нации»¹². В этом же году была опубликована книга В. Краля, название которой говорит само за себя – «О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша» (переиздана в Москве в 1955 году). В. Краль называл М.Р. Штефаника «платным агентом Франции», а Э. Бенеша и Т.Г. Масарика – «преданными слугами империалистов»¹³. В ряде работ М.Р. Штефаник был представлен как «...антинародный политик, помощник французского империализма»¹⁴. Дошло даже до того, что он был объявлен «...врагом своего народа»¹⁵.

Таким образом, переоценке подверглись многие аспекты из истории чехословацкого заграничного национально-освободительного движения. В то же время, по словам Я. Кржижека, некоторые историки продолжали писать о «...решающей роли антисоветского выступления Чехословацкого легиона для признания чехословацкой заграничной акции странами Антанты»¹⁶.

За пределами Чехословакии появлялись работы чехословацких историков, целью которых было «...доказать что в выступлении [Чехословацкого корпуса] виновата в полной мере Советская власть, которая стремилась к уничтожению чехословацкого освободительного движения в России»¹⁷. Автор одной из монографий – Ф. Полак, – оценивал пензенское соглашение от 26 марта 1918 года как капитуляцию перед большевиками и называл заклю-

¹² Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика. – М., 1954. – С. 13.

¹³ Краль В. Указ. соч. – С. 55, 99.- В советской историографии данная работа получила высокую оценку. В.П. Наумов назвал её интересной и содержательной (См.: Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 году // Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. – М., 1958. – С. 168).

¹⁴ Pichlík K. Rec. on: Ludovít Holotík. «Štefáníkovská legenda a vznik ČSR» (SAV, Bratislava 1958, 363 stran + přílohy). – S. 626.

¹⁵ Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku / Jiří Muška. Účast československé armády v Rusku na imperialistické válce a protisovětské intervenci v letech 1914-1920. Jaromír Hořec. Politika světových imperalistů a česká buržoazie v protisovětské intervenci. Vyd. 2., doplněně. – Praha, 1954. – S. 80.

¹⁶ Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 3.

¹⁷ Křížek J., Štvrtecký Š. K jedné emigrantské práci o čs. legiích v Rusku [Rec. on: Dr. František Polák, Masarykovy legie v boji proti sovětům, Independence Publishing Corporation New York 1957, stran 96] // Historie a vojenství. – 1963. – № 5. – S. 869.

чение этого соглашения политическим самоубийством. Подобные оценки мы можем считать возрождением, а вернее, продолжением оценок, сложившихся в легионерской историографии в 1920-30-е годы. Однако подобная работа представляла собой единичный пример и не даёт возможности говорить о соответствующей тенденции в чехословацкой историографии.

Примерно с середины 1950-х годов началась публикация книг, в которых отражение истории Чехословацкого корпуса происходило по-новому, с указанных выше позиций¹⁸. В период после 1948 года стали публиковаться, главным образом, дневники и воспоминания тех, кто воевал в России на стороне Советской власти против легионеров¹⁹.

Так, Я. Водичка, в предисловии к книге И. Мушки и Я. Гореца отмечал, что она является одной из тех книг, которые «...идут по новому пути. Её миссия – обобщить в популярном изложении некоторые главные факты и свидетельства о политике интервенции мировых империалистов и чешской буржуазии против советского государства и этим содействовать разоблачению буржуазных легенд о роли чехословацких легионов в России. За ней последуют и другие книги»²⁰. В аннотации на книгу В. Вавры «Ложный путь» подчёркивалось, что она описывает подготовку и возникновение антисоветского выступления Чехословацкого легиона»²¹. Таким образом, подчёркивалось, что книга посвящена даже не истории Чехословацкого корпуса, а истории подготовки его выступления.

Пересмотру подверглась вся история чехословацких добровольческих формирований на территории России. По словам В. Краля, чешские и сло-

¹⁸ Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенша. – Москва, 1955; Кржижек Я. Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев. – Пенза, 1958; Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku / Jiří Muška. Účast československé armády v Rusku na imperialistické válce a protisovětské intervenci v letech 1914-1920. Jaromír Hořec. Politika světových imperilistů a česká buržoazie v protisovětské intervenci. Vyd. 2., doplněně. – Praha, 1954; Vavra V. Klamná cesta. Příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií. – Praha, 1958.

¹⁹ Galandauer J. Včera a dnes (Legionářská minulost komunistického aktivisty). – S. 61. – См. напр.: Halas F. starší Bez legend. «Sibiřská anabase» ve vzpomínkách bývalého dělníka a rutního důvěrníka. – Praha, 1958.

²⁰ Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku. – S. 7.

²¹ Historie a vojenství. – 1958. – №№ 2, 3. Аннотация размещена на задней обложке обоих номеров журнала.

вацкие военнопленные не спешили вступить в легионы, так как стремились уклониться от войны²².

Последнее утверждение прямо противоречит мнению, сложившемуся как в отечественной, так и в зарубежной историографии, согласно которому главная причина медленного роста численности чехословацких воинских формирований в России – это противодействие правительства России, в том числе по причине боязни национальных движений²³, а также из-за желания использовать чешских и словацких военнопленных на промышленных предприятиях.

В. Краль также упоминал об этом, но решающим фактором медленного роста легионов считал именно стремление военнопленных «уклониться» от войны²⁴.

В. Краль оценивал «нейтралитет», провозглашённый Чехословацким корпусом как «...непримиримую оппозицию к рабочей власти»²⁵. Именно этим обстоятельством, по его мнению, было обусловлено стремление Т.Г. Масарика и политического руководства корпуса к нейтралитету, которые в силу нежелания содействовать укреплению пролетарской диктатуры, «ненависти к пролетарской революции» «...забыло о своей борьбе с немцами и договорились с ними»²⁶. Я. Горец писал о том, что нейтралитет, провозглашённый Т.Г. Масариком на Украине, сводился к поддержке террора против рабочего класса и большевистской партии и помощи контрреволюции²⁷. При этом он указывал, что «...целью масариковского «нейтралитета» в то время было выиграть время для подготовки к антисоветскому выступлению...»²⁸.

По словам Я. Гореца, Т.Г. Масарик, наряду с «мировыми империали-

²² Краль В. Указ. соч. – С. 53.

²³ См. напр.: Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917-1920. Vol. II. The Decision to Intervene. Princeton, 1958. – P. 137.

²⁴ Краль В. Указ. соч. – С. 52-53, 63.

²⁵ Там же. – С. 90.

²⁶ Там же. – С. 77, 78.

²⁷ Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku. – S. 112.

²⁸ Op. cit. – S. 120.

стами», выступал против заключения Брестского мира, потому, что это могло бы укрепить Советское государство²⁹. Более того, вся деятельность Т.Г. Масарика в России сводилась к тому, чтобы «...чехословацкий легион стал эффективным инструментом подготовляемого заговора против новой большевистской власти»³⁰. Много писалось о ненависти политического и военного руководства корпуса к большевикам и к социализму. При этом подчёркивалось, что классовые мотивы выходили на первое место по сравнению с национальными (что проявилось, по мнению чехословацких историков, в отказе сражаться вместе с Красной Армией с немцами на Украине)³¹. В то же время, говоря о намерении командующего Пензенской группой войск Чехословацкого корпуса С. Чечека, Ч. Грушка привёл слова его друга – М. Плесского, согласно которым свержение большевистского правительства было первым условием восстановления антинемецкого фронта³².

Указывалось, что представители ЧНС получили от французов и англичан деньги на подготовку выступления. Более того, имелось утверждение, что чехословацкие войска в России «...были проданы английским и французским империалистам»³³, что «...восстание легиона было финансировано русской буржуазией и контрреволюцией»³⁴. Во всех этих оценках мнения чехословацких авторов (в частности, В. Краля) весьма сходны с утверждениями А. Муны и Б. Шмерала, высказанными ещё в 1920-е годы. Данные утверждения не были подкреплены документально.

Чехословацкие историки уделили значительное внимание рассмотрению взаимоотношений между Чехословацким корпусом и Советской властью. Они утверждали, что Советы оказывали максимальное содействие эва-

²⁹ Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku. – S. 115.

³⁰ Op. cit. – S. 117.

³¹ Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии. – С. 69.

³² Там же. – С. 73.

³³ Весселы И. Чехи и словаки в революционной России. – С. 64.

³⁴ Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku. – S. 148, 149.

куации корпуса на восток³⁵, стремились разрешить конфликт мирным путём³⁶. Лишь после Челябинского инцидента Советское правительство перешло к решительным мерам (арест членов Отделения ЧНС П. Максы и Б. Чермака в Москве, конфискация канцелярии Отделения ЧНС в Москве, приказ о разоружении), так как оно «...не было намерено спокойно сносить такие провокации»³⁷. После отказа легионеров выполнить приказ П. Максы и Б. Чермака о сдаче оружия Советам, изданном в Москве 21 мая 1918 года «...открытая схватка стала лишь вопросом времени»³⁸. В. Краль писал, что «...в то время как советское правительство честно выполняло условия соглашения (26 марта 1918 г. – А.В.) и во всём шло навстречу чехословакам, буржуазное командование легионов подготавливало предательскую войну против советской власти»³⁹.

Таким образом, враждебность и агрессивные замыслы приписывались чехословацким легионерам имманентно и носили они перманентный характер; в то время как большевикам приписывалось миролюбие и лояльность. При этом в выступлении легионеров чехословацкие историки не оставляли места для случайностей.

Приведём следующий интересный факт из книги Я. Кржижека. Оценивая посылку легионерами разведчиков в Пензу накануне столкновения, а также проведение дополнительных занятий по военной подготовке в корпусе как непосредственную подготовку к выступлению, вместе с этим, чуть ниже Я. Кржижек совершенно спокойно писал о том, что артиллеристы 1-го Чехословацкого революционного полка за несколько дней до мятежа легионеров просили прислать им опытного инструктора-артиллериста и не видел в этом факте потенциальной агрессии против легионеров⁴⁰.

³⁵ Křížek J., Štvrtecký Š. K jedné emigrantské práci o čs. legiích v Rusku. – S. 870, 872, 873; Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku. – S. 127.

³⁶ Кржижек Я. Указ. соч. – С. 197, 198, 200.

³⁷ Там же. – С. 196.

³⁸ Там же. – С. 197.

³⁹ Краль В. Указ. соч. – С. 81.

⁴⁰ Кржижек Я. Указ. соч. – С. 195, 204.

Особое внимание чехословацкие историки уделяли самому выступлению Чехословацкого корпуса. Я. Кржижек отмечал, что «...мятеж чехословацких легионов против Советского правительства был не делом случая или недоразумения, но результатом систематической и плановой подготовки, проводимой дипломатами Антанты и буржуазным руководством легионов»⁴¹.

При этом отмечалось, что руководство легионов и «контрреволюционное» офицерство вели в корпусе усиленную агитацию, целью которой было «...вызвать в массе рядовых легионеров самые яростные антисоветские настроения»⁴². При этом суть агитации сводилась к угрозе, что легионеры будут выданы большевиками немцам⁴³. Результатом этой агитации стал национальный фанатизм, антисоветская ненависть, буржуазный национализм⁴⁴. Состояние легионеров описывалось следующим образом: «Опьянённые временными, доставшимися сравнительно дешёвой ценой успехами и одураченные буржуазно-националистическими лозунгами, они не сумели прислушаться к голосу своей пролетарской совести. Стало ясно, что конфликт можно будет решить только силой оружия»⁴⁵.

При этом, по утверждению историков, последствия этой агитации были недолгими: «Однако угар, охвативший легионеров, продолжался недолго. Уже в конце лета 1918 года после первых поражений в Поволжье они стали приходить в себя. Непрерывно растущая тяжесть боёв, понимание того, что борьба идёт не против немцев, не за свободу своего народа, а за интересы «империалистических союзников» и, наконец, интриги русской реакции и реставрация монархического режима в Сибири открыли им глаза. Моральный дух легионеров быстро падал»⁴⁶. По словам В. Краля, поворот в сознании легионеров явился, прежде всего, результатом наступления Красной

⁴¹ Кржижек Я. Указ. соч. – С. 193.

⁴² Там же. – С. 195.

⁴³ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. – С. 74; Краля В. Указ. соч. – С. 82; Кржижек Я. Указ. соч. – С. 196.

⁴⁴ Кржижек Я. Указ. соч. – С. 197, 201, 211, 223.

⁴⁵ Там же. – С. 220-221.

⁴⁶ Там же. – С. 224.

Армии в сентябре 1918 года. И. Веселы добавляет к числу факторов поражения Германии и образование Чехословакии, но решающую роль всё же отводит поражениям, нанесённым Красной Армией и «разъяснительной работе среди легионеров»⁴⁷. При этом поддержка в Сибири «русской демократии» (меньшевиков и эсеров), а также последующее провозглашение нейтралитета объявлялось тактическим шагом⁴⁸.

В 1960-е годы в чехословацкой историографии наблюдались некоторые перемены⁴⁹. Их масштаб и характер несопоставимы с тем, что произошло в чехословацкой историографии после 1948 года, однако, в то же время, они ощутимы и показательны.

Я. Галандауэр, обобщая значение литературы по истории Чехословацкого корпуса с февраля 1948 года, отмечал её малочисленность, отсутствие работ синтетического характера и «перегруженность» «односторонним желанием разрушить «освобожденческую легенду»⁵⁰.

Некоторые чехословацкие историки стали выражать протест против излишне односторонней и примитивной критики «освобожденческой легенды». Так, Я. Кржижек, рецензируя книгу Я.Б. Шмерала, к очевидным её недостаткам отнёс то, что автор «...практически не упоминает роль Антанты в возникновении ЧСР, её роль в признании взглядов чехов и словаков на самостоятельное государство весной и летом 1918 года, дипломатическо-политические успехи Чехословацкого Национального Совета во главе с Масариком в 1917 и 1918 годах, роль Масарика при возникновении ЧСР»⁵¹.

К числу штрихов, которые иллюстрируют смягчение оценок Чехосло-

⁴⁷ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. – С. 147, 150.

⁴⁸ Краль В. Указ. соч. – С. 89-90.

⁴⁹ На попытки некоторых чехословацких историков с середины 1960-х годов «...смягчить, или, во всяком случае, размыть категоричные политические оценки действий Чехословацкого корпуса в России, поставив их в оправдательный контекст общемировой борьбы держав за независимость чешского и словацкого народов» обратил внимание современный российский историк А.Л. Посадсков / См.: Посадсков А.Л. «Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 32.

⁵⁰ Galandauer J. Český a slovenský voják v první světové válce [Rec. on: Pichlík K., Vávra V., Křížek J. Červenobílá a rudá, Naše vojsko, Praha 1967] // Historie a vojenství. – 1968. – № 1. – S. 101.

⁵¹ Křížek J. Nová sovětská práce o vzniku ČSR [Rec. on: J.B. Šmeral. Obrazování Čechoslovenské republiky v 1918 roku. Moskva 1967, str. 338] // Historie a vojenství. – 1968. – № 2. – S. 315.

вацкого корпуса, можно отнести следующие утверждения. Многие чехословацкие историки называли историю пребывания чехословацких легионеров в России трагедией или даже драмой, прежде всего для самих легионеров⁵². Подобные оценки не встречались в предыдущее десятилетие.

Я. Кржижек и Ш. Штвртечки указывали, что неверно говорить о том, что легионеры были вооружены «до зубов». Они отмечали, что «...в Сибирь легионеры прибыли частично разоружённые»⁵³.

Наконец, в чехословацкой историографии на данном этапе встречается точка зрения, что «...Чехословацкий легион на протяжении всего июля согласно официальных заявлений преследовал одну цель: пробить дорогу до Владивостока и оттуда переправиться во Францию»⁵⁴. В то время, как в 1950-е годы лозунг о продвижении во Владивосток расценивался, как «маскировка», «фиговый листок для прикрытия начала интервенции», «первый шаг к интервенции»⁵⁵.

Следует особо отметить статью М. Салабовой-Кучеровой, которая посвящена рассмотрению административных органов чехословацких воинских частей за границей в 1914-1920 годах⁵⁶. Автор поставила своей целью не «описание подготовки антисоветского мятежа» или «раскрытие трагедии легионеров», а изучение процесса становления организационной и административной структуры чехословацких воинских частей в России, Франции и Италии в годы первой мировой войны. Для данной статьи характерен ряд интересных оценок и выводов.

М. Салабова-Кучерова дала высокую положительную оценку загранич-

⁵² Křížek J. Nová publikace o čs. legiích v Rusku [Rec. on: Ján Kvasnička, Československé légie v Rusku 1917-1920, vydavateľstvo SAV, Bratislava 1963, stran 342] // Historie a vojenství. – 1963. – № 6. – S. 1015; Štvrtecký Š. Nová práce o čs. červenoarmejcoch a légiiach v Rusku [Rec. on: A.Ch. Klevanskij, Československíje internacionalisty i prodanýj korpus, Izdatel'stvo «Nauka» Moskva 1965, strán 392] // Historie a vojenství. – 1966. – № 3. – S. 453, 454; Vávra V. Příprava protisovětské intervence na severu Ruska v r. 1918 // Historie a vojenství. – 1963. – № 1. – S. 89.

⁵³ Křížek J., Štvrtecký Š. K jedné emigrantské práci o čs. legiích v Rusku. – S. 871.

⁵⁴ Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 32.

⁵⁵ Краль В. Указ. соч. – С. 79; Кржижек Я. Указ. соч. – С. 193, 197.

⁵⁶ Salabová-Kučerová M. Vojenská správa prvního československého zahraničního odboje (1914-1920) // Historie a vojenství. – 1965. – № 2. – S. 238-277.

ного движения сопротивления, признавая, что оно с самого начала войны «...объединило народную освободительную борьбу чехов и словаков в единый поток. Отдельные составные части чехословацкого войска за границей (в России, Франции, Италии) стали основой как в идейном, так и в организационном отношении для вооружённых сил домюнхенской Чехословацкой Республики»⁵⁷. По её мнению чехословацкие воинские части в России представляли собой «революционное движение»⁵⁸, а ЧНС имел «...суверенный авторитет над нашим народным освободительным движением, прежде всего над чехословацким войском во всех союзных армиях»⁵⁹. Однако, вместе с тем, она признавала положительное влияние Октябрьской революции, в частности её влияние на демократизацию чехословацкой армии⁶⁰.

Столь высокая оценка заграничного освободительного движения характерна и для ряда других работ, в которых признавались «...определённые дипломатические успехи Народной рады в Париже, достигнутые в связи с антисоветским выступлением Чехословацких легионов»⁶¹. Я. Кржижек признавал тот факт, что «...чехословацкая заграничная антиавстрийская акция достигла ещё перед окончанием первой мировой войны значительных дипломатических успехов»⁶². В монографии И. Веселы Т.Г. Масарик с одной стороны был представлен «агентом американо-англо-французских империалистов», «точным исполнителем их воли» и противником большевизма⁶³, с другой стороны, подчёркивалось, что он делал это из-за стремления способствовать «...восстановлению Восточного фронта и активной борьбы против центральных держав»⁶⁴.

М. Салабова-Кучерова отмечала, что одной из отличительных особен-

⁵⁷ Salabová-Kučerová M. Op. cit. – S. 277.

⁵⁸ Op. cit. – S. 260.

⁵⁹ Op. cit. – S. 251.

⁶⁰ Op. cit. – S. 277.

⁶¹ Přehled československých dějin (Maketa), díl II., svazek 2 (1900 až 1918), Praha 1960, str. 1264.- Цит. по: Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 4.

⁶² Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 1.

⁶³ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. – С. 67.

⁶⁴ Там же. – С. 39.

ностей корпуса было его «...назначение только для борьбы с внешним врагом, но не для урегулирования внутренних русских споров»⁶⁵.

Чехословацкие историки на этом этапе указывали, что часть ответственности за развязывание выступления Чехословацкого корпуса должна быть возложена и на Советскую власть. Так, приказ Л.Д. Троцкого назывался нереальным, подчёркивалось, что он «...подлил масла в огонь и весьма усложнил попытки советской власти мирно урегулировать конфликт». В литературе обращалось внимание на негативное значение деятельности чехословацких коммунистов (при этом под сомнение ставился не сам факт и содержание агитации, а то, что они порой не церемонились в выборе средств, требуя, в частности, задержки поездов). Назывался и такой фактор, как провокации со стороны отдельных представителей Советской власти. Интересно, что исходя из всех этих обстоятельств, всё же был сделан вывод, что причины конфликта следует искать не в деятельности Советов⁶⁶.

В трудах некоторых чехословацких историков подчёркивалось, что чехословацкие военнопленные и позднее легионеры в России были «чужим», «инородным» элементом⁶⁷. Позднее, в 1970-е и 1980-е годы, эта мысль будет повторена⁶⁸. В рецензии Я. Галандауэра на книгу К. Пихлика, В. Вавры и Я. Кржижека встречается такая формулировка: «Столкновение русской части нашего заграничного войска с русской пролетарской революцией...»⁶⁹.

Мы не случайно уделили столько внимания этому, на первый взгляд, незначительному историографическому факту. В подобной постановке вопроса, мы видим элементы той концепции, которая зародилась в легионерской историографии в 1920-е годы и к которой чехословацкие историки вновь обратятся в конце 1980-х годов: концепция столкновения двух рево-

⁶⁵ Salabová-Kučerová M. Op. cit. – S. 243.

⁶⁶ Křížek J., Štvrtecký Š. K jedné emigrantské práci o čs. legiích v Rusku. – S. 873.

⁶⁷ Op. cit. – S. 870

⁶⁸ Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (I.) // Historie a vojenství. – 1984. – № 2. – S. 4; Vávra V. Slučovací sjezd čs. komunistických skupin v Moskvě (25.-27. květen 1918) // Historie a vojenství. – 1978. – № 3. – S. 66.

⁶⁹ Galandauer J. Český a slovenský voják v první světové válce. – S. 100.

люций.

В этой связи неслучайным представляется тот факт, что Ш. Штвртечки при объяснении причин столкновения Чехословацкого корпуса с Советской властью, писал о некоем «национальном эгоизме». По его мнению, в том, что большевики прекратили борьбу с вековым неприятелем чехов и словаков – Германией, Т.Г. Масарик видел угрозу образованию самостоятельного Чехословацкого государства⁷⁰.

Вместе с тем, чехословацкая историография продолжала развиваться в русле советской историографии. В работах чехословацких историков мы встречаем утверждение, что: «Легион *был инструментом Антанты* (курсив автора – А.В.) в антисоветской интервенции»⁷¹. В. Вавра писал о тесной взаимосвязи между выступлением чехословацкого корпуса и интервенцией на севере России, так как оба события «...были вызваны политическими и дипломатическими трюками одного и того же режиссёра»⁷². Вместе с тем, тот же автор подчёркивал, что в вопросе о причинах выступления Чехословацкого корпуса «...не всё ещё до конца ясно»⁷³.

Интересно, что, совпадая с советской историографией в выводах, чехословацкая историография отличалась от неё своей аргументацией. Так, несмотря на то, что чехословацкие историки указывали на зависимость Чехословацкого корпуса от союзников, они не слова не писали о том, что имел место подкуп. По мнению чехословацких историков, Антанта способствовала выступлению (которое в историографии называлось «антисоветским» и «контрреволюционным»⁷⁴) тем, что её представители инициировали вопрос о переброске части Чехословацкого корпуса на север и не проинформировали о своём решении легионеров⁷⁵.

⁷⁰ Štvrtecký Š. Op. cit. – S. 456.

⁷¹ Křížek J., Štvrtecký Š. K jedné emigrantské práci o čs. legiích v Rusku. – S. 875.

⁷² Vávra V. Příprava protisovětské intervence na severu Ruska v r. 1918. – S. 61.

⁷³ Op. cit. – S. 61.

⁷⁴ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России. – С. 128; Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 12, 21, 23, 24, 33, 36.

⁷⁵ См.: Křížek J., Štvrtecký Š. K jedné emigrantské práci o čs. legiích v Rusku. – S. 874.

Слухи об изменении направления движения привели к росту антисоветских настроений среди легионеров (так как эту инициативу считали советской)⁷⁶ и в результате стали одним из ключевых факторов, приведших к выступлению. При этом страхи легионеров были основаны на том, что «...их транспорты подвергнутся нападению со стороны немецких подводных лодок и подозревали Троцкого и Советскую власть в исполнении немецких приказов»⁷⁷. Сходное объяснение этому факту давал и Я. Кржижек, по мнению которого предложение о переброске на север «...столкнулось с абсолютным непониманием в массе легионеров, которая видела в нём немецкие интриги, их транспорты могли стать её [Германии] целью в открытом море»⁷⁸.

Таким образом, чехословацкие историки признавали, что корпус был «орудием» в руках Антанты, которая, во многом, способствовала его выступлению. Вместе с тем, давая объяснение этому утверждению, они подчеркнули, что в основе поведения легионеров на деле лежали такие факторы, как страх за свою жизнь и боязнь быть выданными Германии. К тому же, подобное обоснование позволяло снять часть ответственности за выступление с легионеров.

Наиболее значительным историографическим фактом в изучении Чехословацкого корпуса в чехословацкой историографии первой половины 1980-х годов явились статьи В. Вавры⁷⁹. Он отмечал, что чехословацкие воинские части, образованные на территории стран Антанты из чешских и словацких военнопленных «...должны были убедить дипломатов стран Антанты в необходимости создания самостоятельного чехословацкого государства»⁸⁰.

По словам В. Вавры, «...антисоветское выступление Чехословацкого

⁷⁶ Vávra V. Příprava protisovětské intervence na severu Ruska v r. 1918. – S. 61.

⁷⁷ Vávra V. Příprava protisovětské intervence na severu Ruska v r. 1918. – S. 89.

⁷⁸ Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918. – S. 24.

⁷⁹ Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (I.) // Historie a vojenství. – 1984. – № 2. – S. 3-17; Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (II.) // Historie a vojenství. – 1984. – № 3. – S. 93-106.

⁸⁰ Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (I.). – S. 3-4.

легиона помогло Масарику осуществить его план». Успехи, пусть и временные, Чехословацкого корпуса в Сибири стали «...наиболее веским аргументом в его дискуссиях не только с Вильсоном, но и со всеми политиками западных великих держав»⁸¹. Чехословацкий историк писал об этом и в других своих статьях: «Успехи Легиона в Сибири руководство ЧНС использовало для дипломатического нажима на государственных деятелей США, Англии и Франции на пользу признания взглядов чехов и словаков на самостоятельное государство. Эти усилия осуществились в постепенном признании ЧНС за представителя воюющего союзника и позднее за временное правительство будущего чехословацкого государства»⁸². В. Вавра назвал сильное чехословацкое войско «...главным политико-дипломатическим аргументом при признании самостоятельного чехословацкого государства»⁸³.

Таким образом, в 1980-е гг. В. Вавра фактически признал что именно Чехословацкий легион стал решающим фактором образования буржуазной Чехословацкой республики. Всё это закладывало предпосылки для тех поистине революционных изменений, которые произошли в чехословацкой историографии на рубеже 1980-90-х годов.

В английской и американской историографии во многом продолжалось развитие тенденций, заложенных на предыдущем этапе. Наблюдался рост интереса к истории Чехословацкого корпуса в России. Появились первые монографии по этой теме⁸⁴. Некоторые авторы посвятили Чехословацкому корпусу отдельные главы своих работ⁸⁵. Однако чаще, всё же, Чехословацкий корпус рассматривался в общих трудах, посвящённых истории граж-

⁸¹ Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (II.). – S. 104.

⁸² Vávra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918. – S. 32.

⁸³ Op. cit. – S. 35.

⁸⁴ См.: Bradley J.F.N. La legion tchechoslovaque en Russie 1914-1920. – Paris, 1965; Fic V.M. The origin of conflict between the Bolsheviks and Czechoslovak Legion, February 1918 – May 1918: a study in the Russian civil war. – Chicago, 1958; Fic V.M. The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: the origin of their armed conflict, March – May 1918. – New Delhi, 1978; Hoyt E.P. The Army without a country. The thrilling story of the Czechoslovakian Legion, its daring World War I, exploits, and its heroic struggle to create a new nation. – New York; London, 1967.

⁸⁵ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – London, 1968. – P. 65-105; Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917-1920. – Vol. II. The Decision to Intervene. Princeton, 1958. – P. 136-164.

данской войны и иностранной вооружённой интервенции в России или революциям в России в целом⁸⁶.

Современный российский историк А.Л. Посадсков, характеризуя историографическую ситуацию в 1960-1970-е годы, заявляет, что «...тема чехословацкого легиона привлекает внимание и западных историков. Появляются первые крупные публикации о нём Дж. Брэдли, Т. Тюниг-Нуттнера (так в тексте – А.В.), брошюра Б. Льюиса. Однако тема эта не получила в англо-американской и западноевропейской историографии достаточной разработки»⁸⁷.

Дж. Кеннан в своей работе «Решение вмешаться» отмечал, что в отношениях между странами Антанты и Россией летом 1918 года «...ни один фактор не сыграл более значительной роли, чем уникальная вооружённая сила, известная впоследствии как Чехословацкий Легион». Именно поэтому, по мнению Дж. Кеннана, «...появилась необходимость исследовать любопытное происхождение этого корпуса и положение, в котором он оказался весной 1918 года»⁸⁸. Таким образом, интерес к корпусу был обусловлен, прежде всего, тем, что он внёс изменения в отношения между Советской властью и странами Антанты, его выступление стимулировало расширение действий Союзников, поставило вопрос о новом антигерманском (и антибольшевистском фронте) на востоке⁸⁹, создало «особую ситуацию» для решительных действий со стороны Союзников⁹⁰. Во всех остальных случаях историки не объясняли своё внимание к обозначенной проблеме.

⁸⁶ Brinkley G.A. *The Volunteer Army and Allied intervention in South Russia, 1917-1921. A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War.* – University of Notre Dame Press, 1966; Corley M.J. *Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917-1919.* – Kingston and Montreal, 1983; Footman D. *Civil War in Russia.* – London, 1961; Hingley R. *A people in turmoil: Revolutions in Russia.* – New York, Cop. 1970; Peck I. *The Russian Revolution.* – New York, 1968; Shapiro L. *The Russian Revolutions of 1917: The Origins of Modern Communism.* – New York, Cop. 1984; Silverlight J. *The Victors' dilemma: Allied intervention in the Russian Civil War.* – New York, 1970; Unterberger B.M. *America's Siberian Expedition 1918-1920. A study of National Policy.* Durham, N.C., 1956; Ullman R. *Anglo-Soviet relations, 1917-1921.* – Vol. I. *Intervention and the War.* – Princeton, New Jersey, 1961; Vol. II. *Britain and the Russian civil war, November 1918 – February 1920.* – Princeton, New Jersey, 1968.

⁸⁷ Посадсков А.Л. Указ. соч. – С. 32.

⁸⁸ Kennan G.F. *Op. cit.* – P. 136.

⁸⁹ Brinkley G.A. *Op. cit.* – P. 50, 52.

⁹⁰ Ullman R. *Op. cit.* – P. 190.

Чехословацкий корпус оценивался как часть национально-освободительного движения чехословацкого народа в борьбе за национальную независимость против Австро-Венгрии⁹¹. О желании чехов, попавших в плен сражаться бок о бок со странами Антанты против Австрии для того, чтобы добиться независимости для чехов пишут Л. Шапиро, Р. Хингли⁹². По мнению Р. Уллмана, чехословацкие добровольческие формирования имели особую цель – установление независимого Чехословацкого государства⁹³. Именно поэтому им удалось избежать дезинтеграции и сохранить дисциплину, что отличало их от русских товарищей по оружию. Чехословацкий корпус «...желал сражаться против Дуалистической Монархии (Австро-Венгрия – А.В.) за независимое чешское и словацкое государство»⁹⁴.

При этом некоторые авторы отмечали, что чехословацкие добровольческие вооружённые формирования были использованы Чехословацким Национальным Советом в качестве своеобразной козырной карты или орудия в их усилиях добиться от Союзников признания независимости Чехословакии⁹⁵. По словам канадского историка М. Корли Чехословацкий легион «...первоначально предназначался для действия на Западном фронте как оружие Чешского движения за независимость, возглавляемого Т.Г. Масариком и Эдуардом Бенешем»⁹⁶.

Характерно, что национальные мотивы оказывали влияние на действия Чехословацкого корпуса на протяжении всей гражданской войны. Все авторы единодушны во мнении, что «...война против Германии была завершена и Чехословацкая нация пришла к своему существованию 28 октября; они получили более чем достаточно из этого грубого конфликта в дальней земле который их не беспокоил»⁹⁷. После этого единственным стремлением чехосло-

⁹¹ Peck I. Op. cit. – P. 82.

⁹² Hingley R. Op. cit. – P. 140; Shapiro L. Op. cit. – P. 171.

⁹³ Ullman R. Op. cit. – Vol. I. – P. 151.

⁹⁴ Op. cit. – Vol. II. – P. 7.

⁹⁵ Op. cit. Vol. I. – P. 151; Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 65.

⁹⁶ Corley M.J. Op. cit. – P. 61.

⁹⁷ Silverlight J. Op. cit. – P. 235.

вацких легионеров было стремление на родину⁹⁸.

Все авторы в один голос отмечали что сразу же после совершения Октябрьской революции и прихода к власти большевиков Чехословацкий корпус немедленно объявил о своём нейтралитете и о невмешательстве во внутренние дела России⁹⁹. По словам Дж. Сильверлайта к декабрю 1917 года «...не было никакой враждебности между большевиками и чехами. Масарик всегда настаивал, что они не будут принимать участия во внутренних русских волнениях и когда генерал Алексеев попытался заинтересовать их своими планами собрать антибольшевистскую армию он [Масарик] не дал ему ответа»¹⁰⁰. Отказ Т.Г. Масарика от предложений М.В. Алексеева и П.Н. Милюкова, несмотря на сочувствие идее отправке на Дон, был обусловлен тем, что это могло бы «...погрузить Легион в высшей степени опасные обстоятельства с небольшими перспективами на успех»¹⁰¹. Вместо этого, Т.Г. Масарик продолжал продвигать свой проект переброски целого корпуса на Западный фронт во Франции¹⁰². События в России (дезинтеграция русской армии летом 1917 года) лишь усиливали данное стремление¹⁰³.

Более того, подчёркивалось, что весной 1918 года на Украине чехословацкие легионеры сражались плечом к плечу с красногвардейцами против наступающих немцев¹⁰⁴. За это они даже получили благодарность от имени В.А. Антонова-Овсеенко¹⁰⁵. Несмотря на то, что это был, во многих отношениях, вынужденный шаг со стороны чехословацких легионеров (чтобы не стать жертвой наступающей германской армии), данный факт весьма показателен. Дело в том, что в большевистской историографии 1920-х годов позиция чехословацких легионеров на Украине весной 1918 года во время насту-

⁹⁸ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 105; Footman D. Op. cit. – P. 118, 218; Ullman R. Op. cit. – Vol. I. – P. 266.

⁹⁹ Footman D. Op. cit. – P. 88; Kennan G.F. op. cit. – P. 138.

¹⁰⁰ См.: Silverlight J. Op. cit. – P. 33.

¹⁰¹ Brinkley G.A. Op. cit. – P. 51.

¹⁰² Footman D. Op. cit. – P. 88; Hoyt E.P. Op. cit. – P. 84.

¹⁰³ Kennan G.F. Op. cit. – P. 137.

¹⁰⁴ Kennan G.F. Op. cit. – P. 139; Silverlight J. Op. cit. – P. 33.

¹⁰⁵ Kennan G.F. Op. cit. – P. 139-140.

пленения германских войск интерпретировалась иначе¹⁰⁶.

Однако, вместе с тем, в литературе обращалось внимание на двойственный характер нейтралитета, т.е. «...избежать вмешательства во внутренние российские дела», но в то же время «...защищать себя энергично, в случае атаки какой-либо славянской силой в России или в Сибири»¹⁰⁷.

К этому можно добавить, что Чехословацкий корпус заявлял о своём нейтралитете и позднее. Так, очень многие авторы указывают на важность решений, к которым пришли участники собрания высших офицеров 1-ой дивизии, которое проходило 14 апреля 1918 года в Кирсанове. Резолюция этого собрания заканчивалась заявлением, что «...чехи двигаются во Владивосток только для того, чтобы оттуда перебраться во Францию чтобы помочь союзникам, что Чехословацкая Армия сохранила все «прежние братские чувства по отношению к русской демократии», и что она не присоединится к политической борьбе»¹⁰⁸. Мы ещё вернёмся к решениям этого собрания, когда будем рассматривать вопрос о роли союзников в выступлении чехословацких легионеров. Более того, даже уже после начала мятежа в приказе Временного Исполнительного Комитета Чехословацкого корпуса, который был наделён (а вернее взял на себя) всю полноту власти во время Челябинского конгресса, указывалось, что «...вооружённые действия должны быть предприняты единственно с целью дальнейшей перевозки Легиона; как только сопротивление будет сломлено не следует вмешиваться в русские внутренние дела»¹⁰⁹. Правда тот же автор признавал, что этот приказ не всегда соблюдался¹¹⁰.

Признавалось, что вовлечение Чехословацкого корпуса в «местные» события произошло вопреки желанию Т.Г. Масарика избежать подобного вовлечения¹¹¹.

¹⁰⁶ См. первый параграф первой главы настоящей работы

¹⁰⁷ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 82. – См. также: Ullman R. Anglo-Soviet relations, 1917-1921. Vol. I. – P. 152.

¹⁰⁸ См.: Silverlight J. Op. cit. – P. 35.

¹⁰⁹ Footman D. Op. cit. – P. 93.

¹¹⁰ Op. cit. – P. 93.

¹¹¹ Brinkley G.A. Op. cit. – P. 50.

В работах американских и английских историков особо подчёркивалось, что единственной целью Чехословацкого корпуса было стремление как можно быстрее добраться до Владивостока, а оттуда перебраться на запад для борьбы совместно с Францией против Германии на Западном фронте. По словам Дж. Сильверлайта чехословаки хотели покинуть Россию как можно быстрее¹¹². Даже после Челябинского конгресса, на котором было принято решение прокладывать дорогу во Владивосток при помощи оружия, главной целью чехословацких легионеров было «...обеспечить собственную безопасность и безопасный проезд»¹¹³. По словам Дж. Бринкли, «...непосредственной целью восстания было дать возможность Легиону покинуть Россию так быстро, как это возможно»¹¹⁴. Причём данная цель, по словам Л. Шапиро, оставалась главной вплоть до начала 1920 года¹¹⁵. Добавим, что эвакуация Чехословацкого корпуса проходила с марта по сентябрь 1920 года.

Рассматривая взаимоотношения Чехословацкого корпуса с Советской властью весной 1918 года, некоторые авторы писали о взаимном несоблюдении Пензенского договора: «Чешские отряды часто прятали оружие в избытке сверх разрешённой квоты, в то время как Советские власти часто задерживали проезд чехов и настаивали на сдаче большего количества оружия, чем предписывалось Пензенским соглашением»¹¹⁶. Тот факт, что чехословацкие легионеры не соблюдали соглашение с большевиками признавал и Дж. Кеннан. Он объяснял данный факт недоверием к большевикам и чувством самосохранения¹¹⁷.

Некоторые авторы, рассматривая взаимоотношения Советской власти и Чехословацкого корпуса весной 1918 года, писали о том, что причиной ос-

¹¹² Silverlight J. Op. cit. – P. 32.

¹¹³ Kennan G.F. Op. cit. – P. 163.

¹¹⁴ Brinkley G.A. Op. cit. – P. 52.

¹¹⁵ Shapiro L. Op. cit. – P. 176.

¹¹⁶ Unterberger B.M. Op. cit. – P. 56-57. – См. также: Corley M.J. Op. cit. – P. 61.

¹¹⁷ Kennan G.F. Op. cit. – P. 142.

ложнений были, во многом, действия центральных и, особенно, местных советских властей¹¹⁸. По мнению практически всех авторов, несмотря на заключение соглашения в Пензе 26 марта 1918 года, местные Советы на пути следования чехословацких эшелонов предъявляли к ним всё новые и новые требования о разоружении¹¹⁹. По мнению Д. Брэдли, «...напряжение и подозрительность возрастали на обеих сторонах»¹²⁰.

Вместе с тем, некоторые авторы отмечали, что у большевиков и чехословацких легионеров не было идейных противоречий. По словам Дж. Сильверлайта у чехословацких легионеров «...не было особых ссор с большевизмом»¹²¹. Хотя, по словам Р. Хингли, «...когда правительство Ленина попыталось разоружить их, чехи стали антибольшевиками»¹²². По нашему мнению, в данном случае под антибольшевизмом понималось не идейное противоречие с большевиками, основанное на протесте против проводимой ими экономической, социальной политики и т.д., а скорее выступление против власти, которая попыталась своими действиями оказать им препятствие на пути их движения.

Американские историки подчёркивали, что выступление Чехословацкого корпуса, приведшее к свержению Советской власти на обширном пространстве от Урала до Владивостока и к образованию антибольшевистских правительств, стало поворотной точкой в гражданской войне в России¹²³. По словам Дж. Сильверлайта «...чехи, *волей-неволей* (курсив мой – А.В.), оказались поддерживающими эти режимы (антибольшевистские – А.В.) и всё более безнадежно запутывались в русском Белом движении»¹²⁴.

Многие авторы давали характеристику политическим взглядам и пристрастиям чехословацких легионеров. По словам Дж. Кеннана: «Ближайши-

¹¹⁸ См.: Brinkley G.A. Op. cit. – P. 52.

¹¹⁹ См.: Hoyt E.P. Op. cit. – P. 85-86.

¹²⁰ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 85.

¹²¹ Silverlight J. Op. cit. – P. 32.

¹²² Hingley R. Op. cit. – P. 140.

¹²³ Silverlight J. Op. cit. – P. 38.

¹²⁴ Op. cit. – P. 38.

ми друзьями чехов на русской политической сцене была партия правых эсеров. С ними чехи имели не только идеологическую связь (их симпатии лежали – большей частью – где-то между «буржуазными» партиями и большевиками), но и организационную связь – через лидеров в Сибирском отделении Русского кооперативного движения»¹²⁵. Ему вторил Д. Футмэн, который отмечал, что в 1917 году рядовые легионеры «...чувствовали себя и националистами и революционерами (по примеру русских эсеров) и речи, комитеты и выборы широко маячили в их военной жизни»¹²⁶. По словам Л. Шапиро чехословацкие легионеры «...могли сотрудничать с демократическими братьями-славянами, в то же время не могли сотрудничать с реакционными русскими офицерами»¹²⁷. По словам Дж. Бринкли, Чехословацкий корпус оказывал поддержку эсерам на Государственном Совещании в Уфе¹²⁸, при этом взаимоотношения между ними он характеризовал как «спонтанный альянс»¹²⁹.

Исключение составляет позиция русских офицеров, занимающих руководящие посты в корпусе и позиция отдельных чешских офицеров (таких, как Р. Гайда). По словам Дж. Сильверлайта, практически все офицеры стоявшие во главе корпуса были русскими и стояли основательно на позициях антибольшевизма¹³⁰. Это обстоятельство имело важное значение и для самих большевиков, которые «...чувствовали опасность для Революции если корпус продолжит существовать, где антибольшевистски настроенные русские офицеры занимали высшие командные посты»¹³¹.

Практически все авторы, которые упоминали о пребывании чехословацких легионеров в России, писали о том, что последней каплей в развёртывании конфликта стал так называемый Челябинский инцидент.

¹²⁵ Kennan G.F. Op. cit. – P. 161.

¹²⁶ Footman D. Op. cit. – P. 86.

¹²⁷ Shapiro L. Op. cit. – P. 172.

¹²⁸ Brinkley G.A. Op. cit. – P. 59.

¹²⁹ Op. cit. – P. 52, 59.

¹³⁰ Silverlight J. Op. cit. – P. 34.

¹³¹ Footman D. Op. cit. – P. 89.

Практически все авторы указывали на то, что «...инцидент был улажен в местном масштабе несколько дней спустя, но, когда Москва узнала о том, что случилось, было приказано, чтобы чешские поезда были остановлены и оккупанты были разоружены»¹³². Приказ Л.Д. Троцкого о разоружении от 23 мая 1918 года расценивался Р. Уллманом как полный разрыв отношений между Чехословацким корпусом и большевиками¹³³.

На страницах своей работы Дж. Кеннан пытался ответить на вопрос, действия какой из сторон привели к выступлению Чехословацкого корпуса. Логика его рассуждений весьма и весьма интересна: «Чехи приняли решение до того, как они узнали о телеграмме Троцкого [25 мая 1918 г.]. Троцкий, когда он отправлял свою телеграмму *действительно* (курсив автора – А.В.) знал о резолюции Челябинского конгресса. В этом смысле можно сказать, что чехи начали восстание. Но они поступили так на почве долгой серии затруднений, в которых слухи, замешательство и ошибки всех – чехов, большевиков и союзников в равной степени – сыграли свою роль»¹³⁴. Так или иначе, но он сделал вывод, что к 25 мая 1918 года: «Военные действия были неизбежны по решению обеих сторон»¹³⁵.

Дж. Сильверлайт отмечал, что даже после этого чехословацкие легионеры, собравшись на съезд в Челябинск, решили прокладывать силой оружия путь во Владивосток. Решение двинуться на запад из Владивостока было принято лишь 25 июня 1918 года¹³⁶. Данный поворот объяснялся руководителями Чехословацкого корпуса стремлением «...спасти своих соотечественников»¹³⁷. Д. Брэдли считал, что момент, когда Чехословацкий корпус повернул обратно на Урал был «...началом конца Чехословацкого Легиона»¹³⁸. Он

¹³² Corley M.J. Op. cit. – P. 62. – См. также: Kennan G.F. Op. cit. – P. 150-151; Silverlight J. Op. cit. – P. 37-38; Ullman R. Op. cit. – Vol. I. – P. 172.

¹³³ Ullman R. Op. cit. – Vol. I. – P. 172.

¹³⁴ Kennan G.F. Op. cit. – P. 152-153.

¹³⁵ Op. cit. – P. 152.

¹³⁶ См.: Silverlight J. Op. cit. – P. 38.

¹³⁷ Ullman R. Op. cit. – Vol. I. – P. 213.

¹³⁸ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 93.

объяснял это тем, что после того, как была достигнута цель вооружённой акции – «Во Владивосток собственным порядком»: «Не было больше других целей, не было общего плана, понимания политического значения восстания, предчувствия следующего шага. Восстание привело к неизбежному: вмешательство в российские внутренние дела и в связи с этим осложнения и разделения и дальнейшая деморализация. Как и следовало ожидать, военная необходимость заставила чехов искать поддержки белых»¹³⁹. После этого целью Чехословацкого корпуса в России стало возобновление антигерманского фронта, затем поддержка демократии в России. Однако корпус оказался в состоянии разложения. Этому способствовали: нехватка продовольствия, сибирская зима, сопротивление большевиков и большие потери¹⁴⁰.

Следует обратить внимание на тот факт, что английские и американские историки менее категоричны в своих выводах, нежели советская историография. Они не пытались возложить ответственность за конфликт на одну из сторон, не занимались навешиванием ярлыков, что было присуще советской историографии. Вместо этого американские и английские историки пытались выделить факторы, которые привели к мятежу. Иными словами они стремились изложить, по возможности, все факты и предоставить читателю возможность самому судить (хотя при этом мы не можем сказать, что они не допускали абсолютно никаких обобщений и выводов). По словам Дж. Сильверлайта среди множества факторов, которые привели к столкновению Чехословацкого корпуса с большевиками можно выделить следующие «...национальный темперамент; индивидуальные черты характера; личные амбиции, особенно в случае некоторых молодых чешских офицеров. Помимо этого было также давление событий и широкий элемент чистой случайности. Но одна явная черта, которую можно увидеть проходит через этот спутанный клубок, это то что ряд недоразумений, смешиваясь, приводили к ещё большим недоразумениям»¹⁴¹. Дж. Кеннан на первое место,

¹³⁹ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 93.

¹⁴⁰ Op. cit. – P. 104-105.

шим недоразумениям»¹⁴¹. Дж. Кеннан на первое место, в числе факторов, которые привели к ужесточению позиции чехословацких легионеров ставил влияние чешских офицеров и тех немногих русских командиров, которые остались в корпусе, которые были антикоммунистами и поддерживали контакт с подпольными «оппозиционными группами». Помимо этого чехословацких легионеров не устраивала интенсивная пропаганда в их рядах представителей Советской власти, которые ставили своей целью распропагандировать часть легионеров и включить их в состав Красной Армии. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что легионеры считали, что трудности, которые возникают на пути их следования во Владивосток, являются результатом давления на Советскую власть со стороны Германии¹⁴². Д. Футмэн выделял в числе факторов, затрудняющих движение Чехословацкого корпуса плохое состояние русских железных дорог и всеобщую неэффективность и частую агрессивность местных органов Советской власти вдоль линии железной дороги¹⁴³. Помимо этого Д. Футмэн писал о намерениях большевистских властей привлечь на свою сторону квалифицированные, дисциплинированные, обученные и организованные войска и связанном с этим ростом недоверия к большевикам со стороны чехословацких легионеров¹⁴⁴.

Советская историография весьма однозначно относилась к подобной постановке вопроса. Она видела в этом не что иное, как стремление скрыть «истинную, классовую подоплёку» выступления Чехословацкого корпуса и в соответствии с этим отрицала подобный подход. Это привело к тому, что ряд важных черт, связанных с историей выступления корпуса, оказались как бы затёртыми. Лишь в конце 1980-х годов было признано, что зарубежная немарксистская историография в изучении влияния на исторический процесс таких факторов, как географический, психологически-личностный, религиоз-

¹⁴¹ Silverlight J. Op. cit. – P. 38-39.

¹⁴² Kennan G.F. Op. cit. – P. 143-144.

¹⁴³ Footman D. Op. cit. – P. 89.

¹⁴⁴ Op. cit. – P. 89.

ный, этнический, демографический ушла далеко вперёд и добилась впечатляющих результатов по сравнению с советской историографией¹⁴⁵.

Весьма интересно освещалась роль союзников в чехословацком выступлении. В работах американских историков утверждалось, что выступление Чехословацкого корпуса было неожиданным. Об этом в частности писал Д. Уайт: «...превращение чешских сил в интервенционистскую армию явилось неожиданностью»¹⁴⁶. По словам Д. Бринкли, «...союзники не имели никакого отношения к мятежу чехов»¹⁴⁷. По словам Д. Брэдли «...мятеж был внезапным и стихийным, удивившим всех, как друзей, так и врагов»; для Антанты он, «...возможно, и был божьим даром, но отнюдь не плодом их рук»¹⁴⁸. Об этом же писал Дж. Морли, который считал мятеж чехословацкого корпуса «стихийным и случайным»¹⁴⁹.

Подобные утверждения являлись наследием предыдущего этапа и содержались ещё в работе В. Черчилля «Мировой кризис». По всей видимости, имело место стремление снять ответственность за выступление с представителей стран Антанты.

Д. Брэдли приводил факты получения политическим руководством Чехословацкого корпуса денежных средств от представителей стран Антанты¹⁵⁰. Более того, Д. Брэдли писал, что в ряде случаев М.Р. Штефаник и Т.Г. Масарик выступали от имени Франции или Англии. С этой точки зрения, они, формально, могут быть названы «платными агентами» правительств союзников. Но это не значило, что они были гибким инструментом без их соб-

¹⁴⁵ Современная немарксистская историография и советская историческая наука // История СССР. – 1988. – № 1. – С. 176.

¹⁴⁶ J.A. White. The Siberian Intervention. Princeton, 1950. – P. 212. – Цит. по: Алахвердов Г.Г. Фальсификация буржуазными историками США истории американской интервенции против Советской России в 1917-1920 гг. // Вопросы истории. – 1958. – № 11. – С. 185.

¹⁴⁷ G.A. Brinkley. Op. cit. – P. 52.

¹⁴⁸ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 80, 81.

¹⁴⁹ Morley J. The Japanese Thrust into Siberia. 1918. New York, 1957. – P. 260. – Цит. по: Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1990. – С. 56.

¹⁵⁰ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 65-66.

ственных целей и задач»¹⁵¹. При этом, рассматривая вопрос о продовольственном и финансовом снабжении Чехословацкого корпуса, Д. Брэдли пришёл к мысли, что, «...союзники осуществляли незначительный контроль над деньгами, выплачиваемым чехам; фактически они осуществляли незначительный контроль над чехами и их движением вообще»¹⁵².

Всё это привело к формулированию весьма интересной концепции, согласно которой, Чехословацкий корпус восстал не только против Советской власти, но и против союзников. Наиболее развёрнуто и подробно эта концепция изложена в монографии Д. Брэдли. По его мнению, Чехословацкий корпус поднял восстание 25 мая 1918 года «...даже вопреки сопротивлению Союзников», которые, ввиду недостатка войск на западном фронте, желали видеть Чехословацкий корпус во Франции¹⁵³. Он называл данный факт открытым неповиновением со стороны чехословацких легионеров¹⁵⁴. Подобное неповиновение союзникам со стороны Чехословацкого корпуса Д. Брэдли объяснял тем, что «...первые хотели бы, чтобы Легион восстал против большевиков и оставался в России, в то время как чехи восстали для того, чтобы выбраться из России»¹⁵⁵.

Исходя из этого, он сделал ещё один важный вывод: союзники, сами того не желая, способствовали выступлению Чехословацкого корпуса. Способствовал этому именно вопрос о перемене направления движения Чехословацкого корпуса и переброски части его на север. Союзники, действуя «через головы чехов» думали, что их приказ будет исполнен, но просчитались. В итоге идея продвигаться на восток «собственным порядком» становилась всё более и более популярной¹⁵⁶. Таким образом, выступлению Чехословацкого корпуса способствовали не активность, а скорее промедление и

¹⁵¹ Op. cit. – P. 65.

¹⁵² Op. cit. – P. 68.

¹⁵³ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 64, 69.

¹⁵⁴ Op. cit. – P. 68.

¹⁵⁵ Op. cit. – P. 93.

¹⁵⁶ Op. cit. – P. 89.

колебания в среде союзников¹⁵⁷.

Многие авторы подчёркивали наличие принципиальных различий во взглядах между политическим и военным руководством Чехословацкого корпуса. Подобный конфликт или вернее сказать противоречие, проявились ещё в марте 1918 года, когда Чехословацкий корпус пребывал на Украине: «Во время эвакуации политики показали себя всё более и более некомпетентными, в то время как офицеры, только недавно назначенные, постепенно вновь обрели мужество и самоуверенность»¹⁵⁸. В столкновения с немецкими войсками солдаты проявили себя как победители, в то время, как «...политические руководители, пытаясь обеспечить перемирие с германцами, действовали неудачно»¹⁵⁹. По словам Е.П. Хойта, офицеры 1-ой и 2-ой дивизии Чехословацкого корпуса направили Чехословацкому Национальному Совету в Москве телеграмму, в которой предлагалось применить силу, в том случае, если большевики будут действовать особенно настойчиво. В ответ им было приказано «...поддерживать дружеские отношения с русскими любой ценой... Пунктом их назначения был Владивосток и они должны были добраться туда так быстро, как это возможно, без трений»¹⁶⁰. По словам Д. Брэдли, Чехословацкий Национальный Совет «...относился благосклонно к переговорам с большевиками скорее чем к решительному столкновению»¹⁶¹. Е.П. Хойт писал, что солдаты и офицеры Чехословацкого корпуса потеряли терпение к концу апреля 1918 года: «Солдаты были уверены что Национальный Совет был в руках большевиков и что если они не будут действовать скоро, то они окажутся в ловушке в России»¹⁶². По словам Д. Брэдли, произошло «...полное крушение политического руководства, которое оказалось безуспешным перед лицом большевиков»¹⁶³.

¹⁵⁷ Op. cit. – P. 69.

¹⁵⁸ Op. cit. – P. 83.

¹⁵⁹ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 83.

¹⁶⁰ См.: Hoyt E.P. Op. cit. – P. 86.

¹⁶¹ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 88.

¹⁶² См.: Hoyt E.P. Op. cit. – P. 87.

¹⁶³ Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia. – P. 86.

По мнению Д. Брэдли, выступление Чехословацкого корпуса явилось «...восстанием решительных молодых людей против их робких местных лидеров, которые тоже могут быть освобождены от ответственности за его подготовку. Восстание было внезапным и спонтанным делом которое удивило каждого, врагов и друзей одинаково»¹⁶⁴. Более того, конфликт получил дальнейшее развитие и перерос в конфликт рядовых и офицеров, между которыми «...появилась пропасть»¹⁶⁵.

В работах американских историков рассматривались причины, которые привели к тому, что Чехословацкий корпус был уведён в тыл. По словам Б. Антербергер: «В начале января 1919 года чехи выразили своё недовольствие тем, что им приходится оставаться в Сибири после заключения перемирия [11 ноября 1918 г.]. Они устали сражаться, их моральный дух находился на низком уровне. Они были неудовлетворенны характером колчаковского режима и теперь отказывались сражаться, с целью обеспечивать его власть в Сибири. Многие чехи верили, что, помогая Колчаку, они увековечивают правительство, чьи идеи прямо противоположны демократическим идеям чехов. Более того, у них не было причин продолжать борьбу против большевиков, в то время как союзники не принимали в этой борьбе никакого участия»¹⁶⁶. О значении образования Чехословакии и завершения мировой войны и влиянии этих событий на Чехословацкий корпус мы писали чуть выше.

В центре внимания английской и американской историографии находились такие традиционные сюжеты, как взаимоотношения Советской власти с Чехословацким корпусом (включая заключение Пензенского соглашения, последовавших затем трудностей, в том числе Челябинского инцидента), само выступление, боевые действия с участием легионеров, разложение в рядах Чехословацкого корпуса, взаимоотношения чехословацких легионеров с адмиралом А.В. Колчаком и т.п. Сюжетное разнообразие примерно такое же,

¹⁶⁴ Op. cit. – P. 81, 88.

¹⁶⁵ Op. cit. – P. 104.

¹⁶⁶ Unterberger B.M. Op. cit. – P. 127.

как и в отечественной историографии, в которой в центре внимания находилась прежде всего военная история.

Что касается гражданской истории, то этому аспекту практически не уделялось внимания. Дж. Сильверлайт писал о предпринимательской деятельности чехословацких легионеров в Сибири в 1919 году. Он отмечал, что после увода в тыл и размещения вдоль железнодорожной линии они «...фактически завладели значительной частью Сибири. Они были более лучшими предпринимателями, чем русские, более продвинуты технически, и обладали капиталом, чтобы делать инвестиции. У них был собственный банк, основанный в 1918 году одним из их полковников, который был банкиром в Праге, [на средства] отложенные легионерами с их жалованья, которое приходило из Парижа через Владивосток и которые вкладывались в такие товары, как медь, резина, хлопок, бакалейные товары охотнее, чем в постоянно обесценивающуюся местную валюту»¹⁶⁷. Помимо этого, чехословацкие легионеры издавали свою собственную газету «Československý Déník» («Чехословацкий Дневник» - А.В.). Тот же автор отмечал, что «...даже развлечения были организованы с размахом: на железнодорожных станциях проводились атлетические соревнования; по праздникам, таким как Пасха, организовывались ярмарки и сооружалось гигантское чёртово колесо (аттракцион – А.В.)»¹⁶⁸. Об активной предпринимательской деятельности чехословацких легионеров в Сибири в 1919 году писал и Д. Футмэн¹⁶⁹.

Дж. Сильверлайт не занимался специально изучением данного вопроса. Всю эту информацию он привёл с целью подчеркнуть контраст между чехословацкими легионерами и русскими в Сибири в 1919 году¹⁷⁰.

В целом, многие (если не все авторы) признавали, что Чехословацкий корпус сыграл важную роль в событиях в России. По словам Р. Хингли

¹⁶⁷ См.: Silverlight J. Op. cit. – P. 341.

¹⁶⁸ Op. cit. – P. 341.

¹⁶⁹ Footman D. Op. cit. – P. 218.

¹⁷⁰ См.: Silverlight J. Op. cit. – P. 341.

«...как единственная организованная воинская сила... в Сибири летом 1918 года, они (легионеры – А.В.) сыграли значительную роль во время контрнаступления белых и союзной интервенции против большевиков»¹⁷¹. Более того, по словам Дж. Сильверлайта в Сибири зимой 1919-1920 годов контроль над железной дорогой «...дал им (легионерам – А.В.) власть над жизнью и смертью тысяч их ближних, включая Верховного Правителя»¹⁷².

Наиболее значительным историографическим фактом по теме в немецкой историографии является монография Г. Туниг-Ниттнер, изданная в 1970 году¹⁷³. Книга получила противоречивые оценки в отечественной историографии. А.А. Косаковский оценивал утверждения Г. Туниг-Ниттнер о враждебности Советской власти по отношению к Чехословацкому корпусу как «искажение фактов» и «фальсификация»¹⁷⁴. С.Ю. Малышева, напротив, высоко оценивает заслуги автора, указывая, что Г. Туниг-Ниттнер привлекла обширный архивный материал, а также стремилась не просто к описанию фактов, а к поиску их глубинных причин, «...исследуя духовную и политическую ситуацию в легионе, его ориентации, отношение легионеров к различным политическим, религиозным, общественным течениям, партиям от большевизма до гусистства, католичества и православия, и до таких традиционных для чехов и словаков военно-патриотических течений, как сокольство) – всё это делает работу этапной на пути изучения истории Чехословацкого корпуса в России»¹⁷⁵.

По словам Г. Туниг-Ниттнер, Октябрьская революция имела незначительный резонанс в Чехословацком корпусе и этому способствовало господ-

¹⁷¹ Hingley R. Op. cit. – P. 140.

¹⁷² Silverlight J. Op. cit. – P. 341.

¹⁷³ Thunig-Nittner G. Die Tschechoslowakische Legion in Russland. Ihre Geschichte und Beteiligungen bei der Entstehung der 1. Tschechoslowakischen Republik. – Wiesbaden, 1970. Основу этой монографии составила диссертация, защищенная Г. Туниг-Ниттнер в 1967 году в университете Иоганна Гуттенберга в Майнце.

¹⁷⁴ Косаковский А.А. Критика западногерманской буржуазной историографии гражданской войны и интервенции в Советской России // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М., 1974. – С. 449.

¹⁷⁵ Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991. – С. 135.

ствовавшее в корпусе «...национальное настроение; его задачей была борьба за свободу их родины»¹⁷⁶. Она называла Чехословацкий корпус «...важнейшим фактором в успешной борьбе за чехословацкую самостоятельность»¹⁷⁷. При этом влияние легионеров на процесс образования государства был многоплановым. Так, 23 июля 1918 года состоялось совещание в Омске, при этом «...руководство или управление чехами и словаками было построено так, что оно напоминало органы государства. Прежде всего был создан «Парламент чешской республики»¹⁷⁸. Помимо этого сложились различные ведомства (финансов, землячества, агитации в лагерях пленных, хозяйства, культуры, юстиции, пропаганды, словацкое, социальных вопросов, военных дел, здравоохранения, продовольствия)¹⁷⁹. По мнению Г. Туниг-Ниттнер, Чехословацкий корпус «...обновил и оживил «классический» чешский национальный идеал – гуситство»¹⁸⁰.

Рассматривая причины выступления Чехословацкого корпуса, Г. Туниг-Ниттнер писала, что они лежали не в идеологической области, чехословацкие легионеры «отклонили» большевизм, так как «...их представители ставили в повестку дня возвращение домой»¹⁸¹. Она подчёркивала, что «...прежде всего легионерам необходимо было обеспечить свою безопасность. Поэтому они последовательно выступали против тех, кто угрожал им, а именно против красногвардейцев и местных Советов»¹⁸². Развивая свою мысль далее, она отмечала, что страх задержки в России «...заставил легионеров выступить против Красной Армии», при этом она особенно подчёркивала, что «...ни один не исповедовал антибольшевистские убеждения. «Анти-идеологию» большевизму легион в России не развивал»¹⁸³.

¹⁷⁶ Thunig-Nittner G. Op. cit. – S. 143.

¹⁷⁷ Op. cit. – S. 250.

¹⁷⁸ Op. cit. – S. 68.

¹⁷⁹ Op. cit. – S. 69.

¹⁸⁰ Thunig-Nittner G. Op. cit. – S. 250.

¹⁸¹ Op. cit. – S. 250.

¹⁸² Op. cit. – S. 67.

¹⁸³ G. Thunig-Nittner. Op. cit. – S. 145.

Исследование Г. Туниг-Ниттнер представляет собой важность и интерес, прежде всего тем, что она рассматривала Чехословацкий корпус с точки зрения его целей, задач и идеалов, при этом уделила внимание административным и гражданским структурам, сложившимся в корпусе. Последнее обстоятельство является исключением, как для западной, так и для отечественной историографии¹⁸⁴.

Таким образом, в чехословацкой, английской, американской и немецкой историографии продолжалось изучение истории Чехословацкого корпуса в России. Мотивы интереса к данному вопросу у каждой из сторон были свои.

Чехословацкая историография с конца 1940-х годов шла, в целом, в русле оценок и мнений советской историографии. Пожалуй, наиболее показательна в этом отношении книга В. Краля.

Вместе с тем, мы можем обратить внимание на тот факт, что по ходу этого большого этапа наблюдались периоды, в которые происходило смягчение категоричных и жёстких оценок заграничного национально-освободительного движения. Чехословацкие историки, приходя к тем же выводам, что и их советские коллеги, предлагали свою систему аргументации, которая и давала им возможность смягчения жёстких оценок. Суть этого процесса сводилась к тому, что Чехословацкий корпус имел собственные, значимые для себя и отличные от тех схем, в которые его пытались втиснуть некоторые историки, цели, задачи и мотивы поведения. В наибольшей степени эти тенденции характерны для 1960-х и первой половины 1980-х годов.

Что касается английской и американской историографии, то она, в оценке Чехословацкого корпуса, она выступала более единодушно и согласованно. При этом для неё характерно примерно такое же сюжетное разнообразие, как и для советской историографии. Разница заключалась в следующем.

¹⁸⁴ В чехословацкой историографии единственной работой, которая посвящена рассмотрению административных органов чехословацких воинских частей за границей в 1914-1920 годах, является статья М. Салабовой-Кучеровой о которой нами было упомянуто чуть выше.

Если советские историки, изучая историю Чехословацкого корпуса, на деле изучали историю борьбы с ним, то их английские и американские коллеги – историю борьбы (переговоров, консультаций), в правящих кругах стран Антанты по вопросу использования Чехословацкого корпуса, а также реакцию на его выступление.

Английские и американские авторы рассматривали Чехословацкий корпус в контексте гражданской войны и иностранной военной интервенции. При этом особое внимание уделялось рассмотрению вопроса о взаимоотношениях Чехословацкого легиона с Советским правительством. Следует отметить, что они менее категоричны в выводах и оценках, чем их советские коллеги. Английские и американские историки многократно подчёркивали нейтральный или даже дружественный характер взаимоотношений между Советской властью и Чехословацким корпусом, стремление урегулировать возникающие конфликты мирным путём и т.д.

Одной из движущих сил развития английской и американской историографии в данном вопросе было стремление показать, что страны Антанты не причастны к выступлению Чехословацкого корпуса. Именно на это были направлены суждения о том, что мятеж был неожиданным для союзников. В гораздо большей степени этому отвечала концепция, согласно которой чехословацкие легионеры восстали не только против Советской власти, но и против воли союзников.

Имелись общие черты и с чехословацкой историографией. Английские и американские авторы единодушны во мнении, что чехословацкими легионерами двигали, прежде всего, национальные мотивы. Сближающим фактором также можно считать тот факт, что для английской и американской историографии было характерно подчеркнуть некий отчуждённый, обособленный характер и положение Чехословацкого корпуса в России, вынужденность его действий, не только внешними факторами, но, прежде всего, внутренними интересами и побуждениями.

§ 3 Современная историография

Изучение историографии переломных периодов, к которым относится и период рубежа 1980-90-х годов, представляется одновременно сложным и интересным. В эти периоды происходит трансформация прежних представлений, в то же время часть прежних представлений продолжает существовать в виде штампов и мифов.

Наиболее глубокие трансформации на этом этапе происходят в чехословацкой историографии. 1988 год был ознаменован для Чехословакии рядом значительных юбилеев: 70-летие образования самостоятельной Чехословацкой республики, 50-летие Мюнхенских соглашений, 40-летие т.н. «Победоносного Февраля» (т.е. прихода к власти коммунистов); 20-летие «Пражской весны». Эти события (за исключением разве что последнего) вызвали всплеск журнальных публикаций. Историческая публицистика, как это нередко случается в переломные эпохи, создавала предпосылки для переосмысления этих событий, их реинтерпретации профессиональной историографией.

В череде юбилеев особое значение имела годовщина провозглашения Чехословацкого государства в октябре 1918 года. Именно с этого периода начинается отсчёт государственности в новейшей истории чехов и словаков. И неудивительно поэтому, что эта тема привлекла особое внимание журналистов и исследователей. Празднование 70-летия образования Чехословакии создало предпосылки для пересмотра истории Чехословацкого корпуса. Так, согласно мнению, высказанному К. Рихтером: «Борьба легиона на французском, итальянском, сербском и русском фронтах как вклад в разбитие войск Австро-Венгрии в интересах освобождения чешского и словацкого народа была значительной частью народной и демократической революции и это было прогрессивным историческим явлением», в этой связи, по мнению ав-

тора, её роль не должна замалчиваться¹.

В 1990-е годы пересмотру подверглось значение чехословацкого заграничного освободительного движения в целом (особенно деятельность Чехословацкого легиона в России), которое стало рассматриваться как борьба за «...восстановление государственной самостоятельности»². Организация и действия Чехословацкого корпуса в России стали расцениваться как военный вклад в освобождение чешской нации, как часть чешского освободительного движения³. Чехословацкие легионы, сформированные за границей рассматриваются как «...феномен национальной освободительной борьбы славянских этносов в Австро-Венгерской монархии»⁴. Подчёркивается, что легионеры «...добровольно рисковали жизнями в бою за независимость»⁵, что главной целью борьбы чехословацкого войска в России было – возникновение Чехословакии⁶, что «...если бы не легион, то не было бы чехословацкого государства»⁷.

Чехословацкий корпус рассматривается как средство нажима на союзников с целью признания с их стороны независимого чехословацкого государства⁸ и называется «важнейшим инструментом» заграничного движения сопротивления⁹.

Росту национального самосознания и пересмотру оценок деятельности Чехословацкого корпуса способствовали также политические процессы, происходившие в Восточной Европе и в Чехословакии, в частности. Ноябрьская

¹ Richter K. Setkání dvou revolucí // Historie a vojenství. – 1990. – № 1. – S. 119, 120.

² Němec I. Jazyk československých legií v Rusku // Historie a vojenství. – 1991. – № 2. – S. 26.

³ Freedom of the Czechs. The contribution of General Jaroslav Cervinka in World War I / Available sources compiled and analyzed by V.B. Cervin, with J.C. Cervin. – Printed privately, 1993. – P. 1, 101, 105, 110-113.

⁴ Fidler J., Stehlik E. Czechoslovak Legions in Siberia // XX International colloquium of military history, Warsaw – Poland, 28 august – 3 september 1994. – Warsaw, 1995. – P. 125.

⁵ Němec I. Op. cit. – S. 31.

⁶ Zabloudilová J. Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920 // Historie a vojenství. – 2000. – № 1. – S. 64.

⁷ Sviták I. Letec Otakar Sviták // Historie a vojenství. – 1991. – № 1. – S. 109.

⁸ Kováč D. Myšlienka československej štátnosti. Jej vznik a realizácia // Historický časopis. – Roč. 36. – 1988. – № 3. – S. 345; Vávra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918 // Historie a vojenství. – 1988. – № 4. – S. 35; Křížek J. T.G. Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918 // Historie a vojenství. – 1992. – № 1. – S. 31.

⁹ Richter K. Op. cit. – S. 120.

революция 1989 года в Чехословакии оказала двойное воздействие на чехословацкую историографию. С одной стороны, отмена цензуры, возрождение плюрализма, расширение научных контактов способствовали процессам интеграции в историографии. Появилась возможность конструктивного сотрудничества и диалога между историками, жившими в Чехословакии, и их соотечественниками за границей¹⁰. Появилась возможность изучать темы, которые нельзя было изучать ранее, а значит сделать представление о собственной истории более полным и цельным¹¹. Этому способствовало крушение коммунистической системы и последовавшее затем открытие архивов¹². Именно в этих условиях созрели предпосылки для дальнейшего изучения истории Чехословацкого корпуса, причём, чехословацкие авторы подчёркивали необходимость переосмысления итогов этого изучения как в чехословацкой, так и в зарубежной историографии¹³.

По мнению А.Л. Посадкова: «Падение коммунистических правительств в Восточной Европе открыло возможности к более объективному изучению истории чехословацкого корпуса. Однако, судя по имеющейся историографии, даже это мало чем обогатило разработку проблемы»¹⁴.

С другой стороны, бурные политические процессы сопровождались центробежными тенденциями, нашедшими отражение и в исторической продукции. Всё громче и громче стали звучать речи о необходимости «отделения» истории Словакии от истории Чехословакии¹⁵. На необходимость выделения чешской и словацкой историографии в качестве двух отдельных объ-

¹⁰ Křen J. Czech Historiography at a Turning Point // East European Politics and Societies. – 1992. – № 2. – P. 155-156.

¹¹ Cohen G.B. Rec. on: Die Konfliktgemeinschaft: Tschechen und Deutsche, 1780-1918. By Jan Křen. Veröffentlichungem des Collegium, Vol. 71. Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1996. 404 pp. // Journal of Modern History. – 1999. – № 3. – P. 746.

¹² Wolchik S. The Politics of Ethnicity in Post-Communist Czechoslovakia // East European Politics and Societies. – 1994. – № 1. – P. 153-154.

¹³ Havel P. Rec. on: Vojenske dějiny Československa (1918-1939). III. / Kolektiv autorů: Bělček J.; Broft M., Hronský M.; Karlický V.; Nesvadba F.; Pech P.; Pokorná A.; Vavra V. - Praha, Naše vojsko 1987. 583 s. // Historie a vojenství. – 1990. – № 6. – S. 152.

¹⁴ Посадков А.Л. «Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 33.

¹⁵ Marsina R. Slovenské dejiny (1. K otázke ich pomenovania) // Historický časopis. – 1990. – № 5. – S. 625-638.

ектов исследования указывает в своей статье Я. Крен¹⁶.

Другим проявлением этой тенденции было стремление «поделить» исторических деятелей на чехов и словаков. Так, рецензируя «Словарь чешских и словацких общественно-политических мыслителей и социологов 1848-1980», автор рецензии высказал недоумение предусмотренным в словаре принципом деления на чехов и словаков, так как он не смог отнести себя однозначно ни к тем, ни к другим¹⁷. При этом в ряде национальных историографий (чешской, словацкой и американской) наблюдалось стремление подчеркнуть искусственность соединения чехов и словаков в единое государство, учитывая множество различий в культуре, традициях, истории¹⁸. Применительно к истории корпуса в историографии также наблюдалось «деление» на чешских и словацких деятелей. Особенно ярко эта тенденция была выражена в словацкой историографии, уделившей значительное внимание личности М.Р. Штефаника¹⁹. М.Р. Штефаник назывался в публикациях словацким национальным героем²⁰, образ его нередко мифологизировался и легендаризировался²¹. В чешской историографии эта тенденция была выражена чуть слабее, хотя чешские историки не меньшее внимание уделяли личностям Э. Бенеша и Т. Масарика²². Т.Г. Масарика, например, называли одним из самых выдающихся деятелей в чешской истории, его имя ставилось в один ряд с именами Я. Гуса, Ф. Палацкого, Я.А. Коменского²³. Таким образом, ясно на-

¹⁶ Křen J. Op. cit. – P. 152.

¹⁷ Kolaja J. Rec. on: Slovník českých a slovenských sociálně politických myslitelů a sociologů 1848-1980. By Antonín Vaněk. Praguc: Univerzita Karlova, 1986. 211 pp. // Slavic Review. – 1989. – № 2. – P. 326.

¹⁸ Wingfield N.M. The Politics of Memory: Constructing National Identity in the Czech Lands, 1945 to 1948 // East European Politics and Societies. – 2000. – № 2. – P. 250; Wolchik S. Op. cit. – P. 160.

¹⁹ См. напр.: Štvrtecký Š. Štefánikova misia v Rusku a Československé problémy // Historický časopis. – 1990. – № 2. – S. 154-177; Mlnárik J. Milan Rastislav Štefánik v historiografii (1948-1988) // Historický časopis. – 1990. – № 3. – S. 398-419.

²⁰ Mlnárik J. Op. cit. – S. 405, 413.

²¹ Obertova E. Konferencia pri príležitosti 70. Výročia vzniku Československa // Historický časopis. – 1989. – № 3. – S. 477.

²² См. напр.: Sluka V., Králová B. T.G. Masaryk v boji za samostatný čs. Stát: [Dokumenty] // Historie a vojenství. – 1990. – № 3. – S. 162-182; Sluka V., Králová B. T.G. Masaryk v boji za samostatný čs. Stát (II): [Dokumenty] // Historie a vojenství. – 1990. – № 4. – S. 132-152; Sluka V. T.G. Masaryk – prezident ČSR (III): [Dokumenty] // Historie a vojenství. – 1990. – № 5. – S. 126-145.

²³ Revoluce v Československu a T.G. Masaryk // Slovanský přehled. – 1990. – № 2. – S. 97; Sluka V., Králová B. T.G. Masaryk v boji za samostatný čs. Stát: [Dokumenty] // Historie a vojenství. – 1990. – № 3. – S. 161.

блюдалось стремление поднять на щит новых, или вернее старых национальных героев, которые в новых исторических условиях рассматривались в качестве символа перемен и движения к демократии.

Вырос интерес и к отдельным деятелям чехословацкого военного движения в России. При этом в центре внимания находились именно легионеры²⁴. Немецкий историк Н. Штегманн, характеризуя книгу И. Фидлера, посвящённую «генералам-легионерам»²⁵, пишет, что автор ставит этим «великим мужчинам», чьё значение для Республики долгое время не могло быть упоминаемо и исследовано «историографический памятник»²⁶.

Следует обратить особое внимание на публикацию дневников и воспоминаний легионеров²⁷. Особое значение имеет переиздание воспоминаний Р. Гайды. В аннотации на эту книгу подчёркивается, что она содействует принципиальным образом «...освещению до сих пор находившихся под запретом успехов нашей воинской истории»²⁸.

Следует подчеркнуть, что не все деятели чехословацкого движения подверглись своеобразной «реабилитации» в чешской историографии. Часть их продолжала оставаться «персонами non-grata». При этом, прежде всего, учитывались их политические взгляды. Так, Ф. Несвадба в своей рецензии на книгу «Гражданские и военные лидеры стран Центральной и Восточной Европы», изданной в США, выражал своё удивление и негодование тем фактом, что «от Чехословакии» в этот сборник был включён Р. Гайда²⁹. Подобное

²⁴ Galandauc J. Včera a dnes (Legionářská minulost komunistického aktivisty) // Historie a vojenství. – 1998. – № 5. – S. 61-82; Klimek A., Hofman P. Vítěz, který prohrál: general Radola Gajda. – Praha: Litomyšl, 1995; Moulis M. Vzestup a pad Generála Gajdy. – Trebic, 2000; Vališ Z. Jan Kratochvíl, první velitel 1. čs. armádního sboru v SSSR // Historie a vojenství. – 1990. – № 2. – S. 90-102; Sviták I. Letec Otakar Sviták // Historie a vojenství. – 1991. – № 1. – S. 106-121; Vališ Z. Ludvík Svoboda. (Čs. legie v Rusku a předválečná čs. armáda) // Historie a vojenství. – 1990. – № 3. – S. 132-146.

²⁵ Fidler J. Generalové legionary. – Brno, 1999.

²⁶ Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2002. – Vol. 61. – S. 30-31.

²⁷ См.: Gajda R. Moje paměti. – Brno, 1996; Houra J. Hudba České Družiny // Historie a vojenství. – 1999. – № 3. – S. 623-630; Legionářská odyssea. Deník Františka Prudila. Z ruské fronty s prologem Oldřicha Jurmana a závěrečnou esejí Otakara Brůny o sváru mozku a srdce. – Praha, 1990.

²⁸ Gajda R. Op. cit. – [Суперобложка].

²⁹ Nesvadba F. Vojenske dějiny středoevropských národů v 18.-20. století z pohledu západní historiografie // Historie a vojenství. – 1989. – № 3. – S. 148.

мнение характерно для чехословацкой историографии конца 1980-х годов. В середине 1990-х годов отмечен рост интереса к этой фигуре³⁰. Р. Гайду называют «...одной из самых спорных личностей» чехословацкой истории в XX веке³¹, одним из главных актёров при столкновении Чехословацкого корпуса с большевиками³².

В чехословацкой историографии в 1990-е годы наблюдается рост интереса к истории Чехословацкого легиона в целом. Появились статьи, освещающие историю формирования чехословацких добровольческих частей³³. Были опубликованы статьи и монографии, в которых подробно рассматривается участие Чехословацкого корпуса в событиях в России в 1917-1920 годах³⁴.

Более того, мы можем констатировать рост интереса к не вполне традиционным сюжетам из истории корпуса. Так, И. Урминский изучает историю военно-воздушных сил Чехословацкого легиона в России³⁵. Ж. Заблудилова в своей статье рассматривает издательскую и культурно-просветительскую деятельность чехов и словаков, живущих в России, а также военнопленных и легионеров³⁶. И. Шедивый рассматривает влияние легионеров на характер первой Чехословацкой республики³⁷.

Все названные авторы используют материалы Военно-Исторического Архива (VNA) в Праге. И. Урминский ссылается на фонды чехословацкого

³⁰ Klimck A., Hofman P. Vítěz, který prohrál: general Radola Gajda. – Praha: Litomyšl, 1995; Moulis M. Vzcestup a pad Generála Gajdy. – Trebic, 2000.

³¹ Klimck A., Hofman P. Op. cit. – S. 5.

³² Gajda R. Op. cit. – [Суперобложка].

³³ Vávra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918 // Historie a vojenství. – 1988. – № 4. – S. 23-35; Vávra V. Formování České družiny (K počátkům čs. zahraničního odboje v Rusku 1914-1916) // Historie a vojenství. – 1990. – № 1. – S. 107-118.

³⁴ Fidler J., Stehlik E. Czechoslovak Legions in Siberia // XX International colloquium of military history, Warsaw – Poland, 28 august – 3 september 1994. – Warsaw, 1995. – P. 125-127; Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Českoslovenští legionáři (1914-1920). Praha, 1996; Sak R. Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku (1914-1920). – [Praha], 1996.

³⁵ Urminský I. Letecké síly československých legií v Rusku 1918-1920 // Historie a vojenství. – 1995. – № 4. – S. 21-49.

³⁶ Zabloudilová J. Přehled tisku Čechů a Slováků v Rusku 1914-1920. Periodika a nepereodické tiskoviny českých a slovenských krajanů, zajatců a legionářů // Historie a vojenství. – 1995. – № 4. – S. 102-141.

³⁷ Šedivý I. Legionářská republika? K systému legionářského zákonodárství a sociální péče v meziválečné ČSR // Historie a vojenství. – 2002. – № 1. – S. 158-184.

лётного отряда в России, отделение Министерства Обороны Чехословакии в России, а также штаба чехословацкого войска в России. Автор привлекает в основном делопроизводственную документацию (приказы ЧНС, приказы по автомобильному и лётному отделению, приказы по второй чехословацкой дивизии и т.д.).

Обращают на себя внимание статьи Ж. Заблудиловой (одна из статей в соавторстве), посвящённые истории сберегательной кассы и банка Чехословацкого легиона в России³⁸.

Рассматривая историю сберегательной кассы Чехословацких войск, автор приходит к мысли, что деятельность этого института имела огромное моральное значение, так как: «Сумела в период очевидного упадка воинской дисциплины, в период неверия, отсутствия настроения и усталости русских легионеров, разбудить во многих чувство бережливости, ответственности за себя, свою родину и будущее»³⁹.

Что касается изучения истории т.н. Легиобанка⁴⁰, то здесь наиболее интересными и важными нам представляются следующие утверждения. Прежде всего то, что активы Легиобанка формировались из средств самих легионеров, а не в результате реквизиций и краж⁴¹. Обращает на себя внимание утверждение, что отсутствие документов не позволяет поставить точку в окончательном заключении (обвинительном или оправдательном) в вопросе о «казанском золоте»⁴². Несколько страниц своей монографии посвящает деятельности Технического отделения чехословацкого войска в России М. Моулис⁴³. Он пишет, что силами чехословацких специалистов было введено в строй 15 больших фирм и 150 заводов, отмечает, что чехословацкие инжене-

³⁸ Zabloudilová J. Vojenská spořitelna čs. vojska v Rusku // Historie a vojenství. – 1999. – № 1. – S. 98-120; Zabloudilová J., Brádlarová D. Banka československých legií 1919-1925 // Historie a vojenství. – 2000. – № 2. – S. 345-377.

³⁹ Zabloudilová J. Vojenská spořitelna čs. vojska v Rusku. – S. 120.

⁴⁰ Банк, основанный легионерами в России в 1919 году. Получил своё название уже после возвращения чехословацких легионеров на родину.

⁴¹ Zabloudilová J., Brádlarová D. Banka československých legií 1919-1925. – S. 375.

⁴² Op. cit. – S. 361.

⁴³ Moulis M. Op. cit. – S. 41-43.

ры пользовались большим авторитетом и к ним часто обращались русские; М. Моулис также отмечает, что в силу слабости Сибирской армии: «Чехословацкие солдаты должны были сами обеспечивать существование и снабжение не только своих частей, но стотысячного гражданского населения. А ведь об этой деятельности чехословаков в Сибири в 1918-1919 годах известно очень мало»⁴⁴.

Особое внимание обращает на себя статья Ж. Заблудиловой, посвящённая пропаганде в чехословацком войске в России в 1914-1920 годах⁴⁵. Сами легионеры в 1920-30-е годы не выделяли данную тему в качестве отдельного объекта исследования, указывая лишь на то, что выступлению способствовала не агитация со стороны офицеров, а более глубокие, по их мнению, причины (при этом указывалось на негативную роль агитации чехословацких коммунистов, которая была направлена на разложение в рядах корпуса). В свою очередь, чехословацкие интернационалисты отмечали, что агитация в корпусе проводилась офицерами, носила контрреволюционный характер и способствовала выступлению. Вместе с тем, до настоящего времени никто специально не занимался данным вопросом. Ж. Заблудилова пишет, что, начиная с 1914 года пропаганда чехов и словаков, проживающих в России, опиралась на гуситские традиции и преподносила борьбу против Австро-Венгрии как «...законную месть за триста лет народного угнетения»⁴⁶. Однако наиболее ценным выводом в работе нам представляется утверждение, что на протяжении всего периода войны аргументация чехословацкой пропаганды сводилась к «...борьбе за самостоятельное чехословацкое государство, борьбе с немцами и мадьярами»⁴⁷. При этом, если стратегическая целевая установка в ходе проведения агитации оставалась неизменной, то тактические цели менялись: если до возникновения Чехословакии говорилось

⁴⁴ Moulis M. Op. cit. – S. 41.

⁴⁵ Zabloudilová J. Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920 // Historie a vojenství. – 2000. – № 1. – S. 56-65.

⁴⁶ Op. cit. – S. 59.

⁴⁷ Op. cit. – S. 65.

о стремлении «собственным порядком» добраться до Владивостока, то после возникновения государства – о стремлении успокоить легионеров, занять их чем-либо и объяснить, что их пребывание в России имеет большое значение для молодой чехословацкой республики⁴⁸.

И. Немец рассматривает историю Чехословацкого корпуса с позиций исторической социолингвистики⁴⁹. На основе анализа особенностей языка чехословацких легионеров в Сибири (характер заимствований из русского и немецкого языков, экспрессивные формы выражения, юмор) автор пришёл к выводу, что чехословацкому войску в России был присущ «демократический характер» и «традиции гуситского братства» и что язык чехословацких легионеров отражал в себе подобные отношения⁵⁰. Автор опирался в основном на воспоминания и свидетельства легионеров. Можно сказать, что он предположил прочтение прежних источников с новых позиций, увидел и выделил в них то, на что прежде не обращали внимание.

К нетрадиционным сюжетам также можно отнести изучение воинской формы чехословацких добровольческих частей⁵¹. По мнению автора, воинская форма и все изменения в ней были «...внешним отражением политико-организационных перемен в Чехословацком корпусе», отражали «...развитие тенденций в организационной структуре частей и тем самым весь процесс становления независимости чехословацких частей на территории России»⁵². Отъезд Чехословацкого корпуса на Дальний Восток через Сибирь, заключение Пензенского соглашения 26 марта 1918 года, втягивание корпуса в вооружённые события в России, наконец, завершение мировой войны, образование Чехословакии и провозглашение в связи с этим Чехословацкого корпуса частью чехословацкого войска в России,- все эти события оказали влияние на

⁴⁸ Op. cit. – S. 63, 65.

⁴⁹ Němec I. Jazyk československých legií v Rusku // Historie a vojenství. – 1991. – № 2. – S. 25-39.

⁵⁰ Op. cit. – S. 38.

⁵¹ Kutílková D. K problematice stejnokrojů československé jednotky v Rusku v letech 1914-1917 // Historie a vojenství. – 2001. – № 4. – S. 796-815; Kutílková D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918 // Historie a vojenství. – 2002. – № 4. – S. 884-912.

⁵² Kutílková D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918. – S. 885.

структуру Чехословацкого легиона и нашли отражение в изменении воинской формы.

О том, что чехословацкие легионеры в России не только воевали, но и открывали мастерские и цеха, ставили спектакли и издавали газеты, упоминает И. Сайдлер⁵³.

Однако, в большинстве случаев, история Чехословацкого корпуса рассматривается в контексте первой мировой войны и гражданской войны в России. При этом особое внимание уделяется формированию чехословацких добровольческих частей в 1914-1917 годах. По словам И. Сайдлера, Т.Г. Масарик видел в России «...главный человеческий резервуар для создания самостоятельной силы»⁵⁴. Это было связано с тем, что в России ещё накануне войны проживало много чехов и словаков (около 70 тысяч). В ходе войны их численность возросла до 200-250 тысяч человек (главным образом, за счёт военнопленных).

Чехословацкие историки пишут о влиянии революционных событий в России на судьбу корпуса. Они едины во мнении, что Февральская революция 1917 года в России внесла перемены в судьбу легиона⁵⁵. С одной стороны, эти перемены носили позитивный характер. Временное Правительство заявило верность союзническому долгу и объявило о своём намерении вести войну до победного конца. Оно разрешило сформировать единое воинское соединение из чехов и словаков – Чехословацкий корпус (до этого чехи и словаки были разбросаны по различным войсковым соединениям), - и довело его численность до 38 тысяч. Кроме того, Т.Г. Масарику удалось добиться того, что не удалось сделать М.Р. Штефанику летом 1916 года: он смог получить разрешение на переброску корпуса во Францию. С другой стороны, имелись и потенциально негативные последствия. В стране усиливались ан-

⁵³ Сайдлер И. Возникновение и борьба Чехословацкого корпуса – основание Чехословацкого государства // Т.Г. Масарик и Россия: возвращённые тезисы докладов междунар. науч. конф. – СПб., 1997. – С. 54.

⁵⁴ Сайдлер И. Указ. соч. – С. 51.

⁵⁵ Kolafa Š.J. Práce o vzniku Československa // Slovanský přehled. – 1988. – № 5. – S. 405; Kováč D. Op. cit. – S. 347.

тивоенные настроения, и этому во многом способствовали большевики. Именно этим объясняется форсирование Т.Г. Масариком переговоров о переброске корпуса на запад, во Францию.

По мнению чехословацких историков, после Октябрьской революции корпус превратился в лакомый кусочек: его намеревались использовать в своих целях как союзники, так и лидеры Белого движения на Юге России⁵⁶. Планы по использованию корпуса имелись и у большевиков: они хотели укрепить при помощи чехословацких легионеров Красную Армию, а также привлечь их к вооружённым действиям против наступающих немецких войск⁵⁷.

Следует подчеркнуть, что особенностью формирования чехословацких вооружённых сил в России было то, что они первоначально возникли с целью обозначить лояльность чехов и словаков по отношению к Российской империи⁵⁸. Характерно, что подобную лояльность лидеры национально-освободительного движения в лице Т.Г. Масарика, подчёркивали и позднее: в 1917 г.⁵⁹, когда, по словам В. Маматея, стремились избежать втягивания корпуса в события внутри России⁶⁰. Позднее лояльность превратилась в нейтралитет.

В литературе встречается мнение, что после Октябрьской революции, которая усложнила положение чехословацкого войска в России, политическим руководством Чехословацкого корпуса был провозглашён принцип «строгого нейтралитета». Более того, Россия продолжала рассматриваться как «друг», а русский народ – как «славянский брат»⁶¹. О том, что политическое и военное руководство корпуса после Октябрьской революции склоня-

⁵⁶ Richter K. Op. cit. – S. 125.

⁵⁷ Kováč D. Op. cit. – S. 349; Richter K. Op. cit. – S. 129.

⁵⁸ Vávra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918. – S. 25; ; Vávra V. Formování České družiny (K počátkům čs. zahraničního odboje v Rusku 1914-1916). – S. 108, 115.

⁵⁹ Richter K. Op. cit. – S. 122.

⁶⁰ Mamatey S.V. Rec. on: Masarykův triumf: příběh konce velké války. By Jiří Kovun. Toronto: Sixty-Eight, 1987. 715 pp. // Slavic review. – 1989. – № 2. – P. 324.

⁶¹ Zabloudivová J. Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920. – S. 61.

лось к нейтралитету, пишут и другие авторы⁶².

Я. Кржижек подчёркивал двойственный характер нейтралитета, объявленного Т.Г. Масариком перед отъездом из России. С одной стороны, он строго-настрого наказал «...добраться до Владивостока любой ценой», в то же время подчеркнул, что в случае нападения, легион должен принять энергичные меры к самообороне⁶³. О том, что нейтралитет был вооружённым пишут и некоторые другие историки⁶⁴. На подобную двойственность обращалось внимание ещё в легионерской историографии 1920-30-х годов. При этом, в данном факте не виделось противоречия. Считалось, что он органично отражал в себе положение чехословацкого войска в России, которое было не заинтересовано вмешиваться в дела того государства на территории которого оно находилось, но, вместе с тем, было готово выступить с оружием в руках на защиту своих идеалов. Таким образом, одна и та же целевая установка – борьба за независимость и свободу будущей Чехословакии – с одной стороны заставляли легионеров уклониться от участия в событиях в России, а с другой стороны, совсем даже не исключали возможности подобного участия.

По мнению Я. Кржижека, «...конфликт возник без его (Масарика Т.Г. – А.В.) ведома и одобрения как объективный факт»⁶⁵. Изменение отношения к большевикам произошло постепенно. Большевиков стали рассматривать как зависимых от Германии, а борьбу с ними – как борьбу с немцами⁶⁶. Сам Т.Г. Масарик рассматривал действия Чехословацкого корпуса как борьбу с немцами и австрийцами⁶⁷. Однако, в то же время, Я. Кржижек показывает Т.Г. Масарика противником большевизма как идейного и политического течения⁶⁸. По его мнению, Т.Г. Масарик выступал сторонником открытого воо-

⁶² Klimek A., Hofman P. Op. cit. – S. 22, 23.

⁶³ Křížek J. T.G. Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918. – S. 29-30.

⁶⁴ Kutílková D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918. – S. 887.

⁶⁵ Křížek J. T.G. Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918. – S. 30.

⁶⁶ Zabloudivlová J. Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920. – S. 62.

⁶⁷ Křížek J. T.G. Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918. – S. 30.

⁶⁸ Op. cit. – S. 41.

ружённого вмешательства в дела России вплоть до февраля 1919 года⁶⁹.

Чехословацкие историки уделяют особое внимание взаимоотношению Чехословацкого корпуса с Советской властью в период с октября 1917 по май 1918 года.

Они подчёркивают тот факт, что к осени 1917 года сложилась крайне противоречивая ситуация. Россия оказалась на грани выхода из войны. В то же время чехословацкие легионеры желали продолжения войны, так как её «преждевременное» завершение могло помешать решению их многовековой задачи – добиться обретения государственной самостоятельности⁷⁰. Именно поэтому Т.Г. Масарик хотел в мае 1917 года удержать Россию в войне⁷¹. Эта угроза обрела реальные очертания особенно после Октябрьской революции 1917 года и прихода большевиков к власти. По словам К. Рихтера, «...в деятельности большевиков и их ориентации на социалистическую революцию Масарик видел опасность, что Россия будет ослаблена и выйдет из войны на стороне Антанты. Это в его глазах представляло угрозу стремлению завоевать самостоятельное чехословацкое государство»⁷². Альтернатива превращения войны мировой в войну гражданскую пугала политическое руководство корпуса и отвергалась им, как «...измена «святому народному делу»⁷³. Позднее подобный анти-пацифизм будет одним из лозунгов агитации во время мятежа⁷⁴. Мирные инициативы большевиков объективно затрудняли, по мнению лидеров национально-освободительного движения чехов и словаков, достижение обозначенных целей борьбы. К тому же заключение мира с Германией ставило Чехословацкий корпус в весьма щекотливое положение. Всё это, с одной стороны, закладывало причины для потенциальной конфронтации между Чехословацким корпусом и большевиками, а с другой стороны

⁶⁹ Op. cit. – S. 44, 45.

⁷⁰ Frankberger O. Rec. on: Vojenske dějiny Československa. (II). / Kolektiv autorů: M. Brost, V. Dangl, P. Horváth, V. Kopčan, M. Mudra, A. Pomaňák, A. Špiesz, V. Vavra. - Praha, Naše vojsko 1986. 592 s. + 24 s. příl. // Historie a vojenství. – 1990. – № 4. – S. 164; Kováč D. Op. cit. – S. 348.

⁷¹ Kolafa Š.J. Op. cit. – S. 405.

⁷² Richter K. Op. cit. – S. 123.

⁷³ Vavra V. Čs. internacionalisté v sovětském Rusku 1917-1920. – S. 104-105.

⁷⁴ Vavra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918. – S. 28.

остро ставило вопрос о необходимости скорейшей эвакуации корпуса. При этом обе стороны отстаивали подобным образом свои насущные интересы.

Большевистская агитация могла привести к разложению в рядах корпуса. После прихода большевиков к власти их деятельность обрела непосредственные организационные формы, выражением чего было образование отрядов интернационалистов. Всё это также могло расшатывать дисциплину корпуса. Хотя Чехословацкие воинские соединения были одними из самых дисциплинированных в русской армии, сражавшейся на фронтах мировой войны, а также (до определённого времени) и в составе антибольшевистских сил. Кстати, именно данное обстоятельство отличало легионеров от их русских сослуживцев и превращало их в чуждый элемент: «Чехословацкие добровольцы сохранили дисциплину и воинский дух. Не понимали уныния русских и отметали их аргументацию, объяснявшуюся отвращением к войне и стремлением к миру. [Они] были в русском окружении чужеродным телом с выраженной националистической идеологией»⁷⁵. Мысль о том, что, чехословацкие легионеры в России были «чужим элементом» В. Вавра повторяет и впоследствии⁷⁶.

Таким образом, деятельность большевиков объективно способствовала разложению в рядах корпуса, даже ставила под угрозу само его существование (опасение того, что корпус может быть выдан немцам). В сознании политического руководства корпуса и рядовых легионеров большевистская власть ассоциировалась с Германией – злейшим врагом чехословаков. И их «антибольшевизм», о котором часто говорили, в частности, советские историки, следовало бы назвать «антигерманизмом».

Интересно, что в литературе имеется мнение, что в условиях хаоса в России весной 1918 года столкновение между чехословацкими легионерами и австро-венгерскими военнопленными, возвращающимися на родину, было

⁷⁵ Vávra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918. – S. 28.

⁷⁶ Vávra V. Formování České družiny (K počátkům čs. zahraničního odboje v Rusku 1914-1916). – S. 112.

практическим неизбежным⁷⁷.

Мы уделили столь подробное внимание отражению истории Чехословацкого корпуса в 1917-1918 годах в современной чехословацкой историографии для того, чтобы подчеркнуть, что чехословацкие легионеры и их русские партнёры мыслили различными категориями. Наиболее полно и подробно эту разницу удалось подчеркнуть К. Рихтеру в своей статье, имеющей знаковое название, «Встреча двух революций». По его мнению, в ходе революционных событий в России между собой столкнулись две революции: социалистическая с одной стороны и национально-демократическая с другой. Принципиальное различие между ними привело к трагическому конфликту⁷⁸. Атмосфера напряжённости и недоверия лишь усугубили положение.

В 1990-е годы произошло возрождение оценок легионерской историографии по вопросу об освещении взаимоотношений политического и военного руководства Чехословацкого корпуса. Некоторые авторы пишут о различии во взглядах между политическим и военным руководством по вопросу о сдаче оружия⁷⁹. По мнению Я. Кржижека, Чехословацкий корпус в конце мая 1918 года, отказавшись от переброски части корпуса на север, «...освободился от компетенции союзников, Отделения Чехословацкого Национального Совета и собственного командования»⁸⁰. Более того, в чешской историографии этого периода взаимоотношения между политическим (Отделение ЧНС в России) и военным руководством корпуса преподносятся не иначе, как конфликт. Так, авторы книги, посвящённой генералу Я. Червинке отмечают, что политическое руководство рассматривало армию лишь как источник людской силы для переброски на западный фронт, а военное руководство (в том числе генерал Я. Червинка), выступало за создание армии как военной силы, армии как таковой⁸¹. Более того, авторы указанной книги счи-

⁷⁷ Fidler J., Stehlik E. Op. cit. – S. 12.

⁷⁸ См. Richter K. Op. cit. – S. 121, 122, 124, 124, 130, 132.

⁷⁹ Fidler J., Stehlik E. Op. cit. - P. 127; Klimck A., Hofman P. Op. cit. - S. 24.

⁸⁰ Křížek J. T.G. Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918. - S. 35.

⁸¹ Freedom of the Czechs. - P. 41.

тают удачей и счастьем то, что было принято решение, вопреки приказам политического руководства, прекратить сдачу оружия. Это способствовало тому, что Чехословацкий корпус смог сохранить оружие, продовольствие, военную организацию и, в конечном итоге, самостоятельность⁸².

По сути, мы имеем дело со стремлением ряда авторов не просто подчеркнуть целесообразность действий Чехословацкого корпуса в России, но ещё и оправдать (и даже возвысить) тех, кто выступал с более решительных и твёрдых позиций по отношению к Советской власти. В легионерской историографии примером такого подхода может служить книга А.С. Калины⁸³.

В современной американской и английской историографии интерес к истории Чехословацкого корпуса выражен не столь явно, как в чешской или словацкой. Как правило, история корпуса рассматривается в контексте революции, гражданской войны и интервенции в России⁸⁴. Мы можем назвать лишь одну работу, в которой рассматривается история корпуса с 1914 года⁸⁵. Ещё один труд посвящен образованию Чехословакии, но и в нём автор анализирует обозначенную проблему через призму революции в России и внешней политики США⁸⁶.

По мнению современного российского историка В.И. Голдина: «В последние годы зарубежными и российскими историками проделана большая работа по воссозданию истории чехословацкого корпуса и главное по рекон-

⁸² *Op. cit.* – P. 41, 42.

⁸³ См. первый параграф второй главы настоящей работы.

⁸⁴ См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. – М., 1997; Fic V.M. The collapse of American policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson decision not to intervene (March – Oct. 1918). – New-York, 1995; Fic V.M. The rise of the constitutional alternative to soviet rule in 1918: Provisional governments of Siberia and All-Russia: Their quest for Allied intervention: P. I-II. – New-York, 1998; Figes O. A people's tragedy. The Russian Revolution, 1891-1924. – London, 1996; Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga countryside in Revolution (1917-1921). – Oxford: Clarendon press, 1989; Lincoln B.W. Red victory: A history of the Russian Civil War. – New-York, 1989; Marples D.R. Lenin's Revolution: Russia, 1917-1921. – Harlow, 2000; Mawdsley E. The Russian Civil War. – Boston, Cop. 1987; Pereira N.G.O. White Siberia: The politics of civil war. – Montreal, 1996; Rhodes B.D. The Anglo-American Winter War with Russia, 1918-1919: A Diplomatic and Military Tragicomedy. – New York – Westport, Connecticut – London, Cop. 1988; Rupp S.Z. The struggle in the East: Opposition politics in Siberia, 1918. – Pittsburgh, 1998; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. – London, 1996; Wade R.A. The Bolshevik revolution and Russian Civil War. – Westpoint (Conn.); London 2001, etc.

⁸⁵ Bradley J.F.N. The Czechoslovak Legion in Russia 1914-1920. – Boulder, CO, 1991. – Основу этой книги составила книга всё того же автора, изданная под аналогичным названием в Париже ещё в 1965 году.

⁸⁶ Unterberger B.M. The United States, revolutionary Russia and the rise of Czechoslovakia. – Chapel Hill; London, 1989.

струкции и анализу всей совокупности событий, факторов и причин, обусловивших его нараставший конфликт и, наконец, вооружённое выступление против Советской власти, ставшее мощным катализатором российской гражданской войны. Выявлены многие неизвестные ранее факты и обстоятельства, раскрывающие большую политическую игру различных внутренних и внешних сил, связывавших надежды на реализацию собственных замыслов с солдатами этого корпуса, ставших во многом игрушкой и заложниками в реализации чужих и по большому счёту чуждых им планов»⁸⁷. В дополнение к этому В.И. Голдин отмечает, что: «...исследования последних лет о месте и роли чехословацкого корпуса (легиона) в меняющейся стратегии держав Антанты на осуществление интервенции в Россию позволили неизмеримо глубже понять её генезис и последующие события»⁸⁸.

В американской и английской историографии история Чехословацкого корпуса в 1914-1917 годах излагается несколько конспективно. Однако во многих работах подчёркивается, что политическое руководство корпуса и рядовые легионеры рассматривали свою деятельность как борьбу за независимое Чехословацкое государство⁸⁹. В этом она сходна с чешской и словацкой историографией.

Более подробно освещается история корпуса в последующее время, в частности, в 1917-1918 годах. Английские и американские историки отмечают позитивное влияние Февральской революции в России на ход формирования корпуса, пишут о сложностях, вызванных Октябрьской революцией, о приверженности Т.Г. Масарика, даже в этих условиях, политике нейтралитета, о последующем росте напряжённости, о Челябинском инциденте, как о последней капле, переполнившей чашу терпения обеих сторон. Во всём этом

⁸⁷ Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерк новейшей историографии (вторая половина 1980-90-е годы). – Архангельск, 2000. – С. 54.

⁸⁸ Голдин В.И. Указ. соч. – С. 105.

⁸⁹ Fic V.M. The Collapse of American policy in Russia and Siberia. – P. 27-28; Figes O. A people's tragedy. – P. 576; Kencz P. A History of the Soviet Union from the beginning to the end. – Cambridge Univ. press, 1999. – P. 35; Lincoln B.W. Op. cit. – P. 93; Marples D.R. Op. cit. – P. 71; Pereira N.G.O. Op. cit. – P. 60; Wade R. Op. cit. – P. 66.

наблюдается сходство с чехословацкой историографией.

Среди новых аспектов истории Чехословацкого корпуса, который привлёк внимание исследователей, мы можем назвать сюжет о миссии С. Моэма. С. Моэм – известный английский писатель, который прибыл в Россию летом 1917 года как агент британской разведки. Вместе с ним в Россию прибыли четыре чеха (в том числе Е. Воска – глава Департамента разведки ЧНС). Целью этой миссии было создать в России национальную армию для продолжения войны с Германией. При этом ядро будущей армии должны были составить именно чехословацкие добровольческие формирования в России⁹⁰.

В американской историографии имеется мнение о неприятии Т.Г. Масариком Октябрьской революции в России, причём не только по внешне- но и по внутривнутриполитическим убеждениям. Вместе с тем, он провозгласил нейтралитет Чехословацкого корпуса и невмешательство во внутренние дела России, так как был озабочен его переброской во Францию. Более того, Т.Г. Масарик осознавал необходимость сотрудничества с большевиками и пришёл к мысли о возможности подобного сотрудничества⁹¹. Таким образом, личные политические симпатии и антипатии отодвигались на второй план перед решением важной политической, а вернее национально-политической задачи. Сотрудничество проявлялось, прежде всего, в военной сфере⁹² и продолжалось до тех пор, пока сохранялась возможность совместной борьбы с немцами⁹³. На протяжении этого периода, по словам О. Файджеса, отношения Чехословацкого корпуса с большевиками были хорошими⁹⁴.

По мнению современных английских и американских историков, выступлению Чехословацкого корпуса во многом способствовали действия большевиков, которые стремились разоружить корпус и ставили всяческие

⁹⁰ См.: Swain G. Op. cit. – P. 103-116. Сам С. Моэм упомянул об этом факте в автобиографическом произведении «Подводя итоги» / Моэм У.С. Избранное: Сборник. Пер. с англ. / Составл. и предисл. В. Скороденко.- М., 2001. – С. 477-478.

⁹¹ Unterberger B. Op. cit. – P. 133.

⁹² Marples D.R. Op. cit. – P. 72.

⁹³ Fic V.M. The Collapse of American policy in Russia and Siberia. – P. 40.

⁹⁴ Figes O. Peasant Russia. – P. 163.

препятствия на пути его следования во Владивосток. Лишь Б. Антербергер признаёт, что «...ни большевистское правительство, ни чехословаки не соблюдали конкретные обещания [данные] в Пензе»⁹⁵. Косвенно данный факт признаёт и О. Файджес, по словам которого: «Если бы обе стороны твёрдо придерживались этого соглашения (26 марта 1918 – А.В.; курсив мой), то гражданская война могла бы принять совершенно иной оборот»⁹⁶. Данное утверждение практически дословно повторяет слова, сказанные в своё время В. Чемберлином⁹⁷.

По мнению В.М. Фика, появление приказа о разоружении было обусловлено стремлением Советского правительства создать из чехословацких легионеров ядро будущей Красной Армии⁹⁸. Эта точка зрения также перекликается с мнением, имеющимся в чешской и словацкой историографии.

В историографии существует мнение, что выступлению способствовала позиция рядовых легионеров, а не политического и военного руководства, которое готово было идти на уступки и даже предпринимало усилия к предупреждению мятежа⁹⁹. Это противоречит выводам советской историографии, которая всегда утверждала, что мятеж был развязан «контрреволюционным офицерским составом»¹⁰⁰. В то же время, подобное утверждение идёт в русле чехословацкой легионерской историографии (во всяком случае, в американской и английской историографии 1920-30-х годов подобная постановка проблемы не наблюдается).

Интересно в связи с этим понимание роли стран Антанты в выступлении Чехословацкого корпуса. В литературе есть точка зрения, что мятеж стал неожиданностью для представителей стран Антанты и они оказались к нему не готовыми. Это при том, что выступление Чехословацкого корпуса отвеча-

⁹⁵ Unterberger B. Op. cit. – P. 136.

⁹⁶ Figes O. A people's tragedy. – P. 577; Figes O. Peasant Russia. – P. 163.

⁹⁷ Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. – 2 vol. – Vol. II. – New York, 1952. – P. 4.

⁹⁸ Fic V.M. The Collapse of American policy in Russia and Siberia. – P. 8, 39.

⁹⁹ Op. cit. – P. 45; Rupp S.Z. The struggle in the East. – P. 44.

¹⁰⁰ См. напр.: Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. – М., 1970. – С. 79.

ло их интересам, и они рассматривали возможности использования корпуса ещё до того как мятеж вспыхнул¹⁰¹. Подобное утверждение встречается в английской историографии ещё в 1930-е годы.

Утверждение, что выступление Чехословацкого корпуса произошло вопреки воле союзников, высказанные в своё время в работах Д. Брэдли, получает своё развитие в работе другого английского историка Д. Свэйна, который называет выступление Чехословацкого корпуса «...мятежом против союзников» и подчёркивает, что он способствовал созданию «странной коалиции» Л.Д. Троцкого и союзников, при этом последние «...желали помочь Троцкому достигнуть мирного решения»¹⁰². Далее он приводит факты совместной деятельности большевиков и представителей стран Антанты по убеждению легионеров в необходимости прекратить выступление. Это в корне отличается от концепции, имеющейся в советской историографии.

Из утверждения о том, что выступление Чехословацкого корпуса было «мятежом против союзников» можно вывести двойственное следствие. С одной стороны, подобным образом с представителей стран Антанты снимается ответственность за развязывание мятежа, с другой стороны – отмечается тот факт, что действия Чехословацкого корпуса не укладывались в схему заданной ему программы и легионеры руководствовались собственными мотивами и интересами.

Чехословацкий корпус рассматривается, как правило, в контексте интервенции и гражданской войны. При этом в центре внимания находится не столько его история, сколько то, какое влияние он оказал на события в России и как в зависимости от его действий менялась стратегическая обстановка на фронтах и планы союзников. Отмечается, что выступление Чехословацкого корпуса стало поводом для интервенции, предоставив странам Антанты «новые возможности», при этом в качестве основного довода для интервен-

¹⁰¹ Lincoln B.W. Op. cit. – P. 95; Mawdsley E. Op. cit. – P. 47.

¹⁰² Swain G. Op. cit. – P. 159.

ции называется открытие Восточного фронта. По мнению канадского историка М. Корли, мятеж Чехословацкого корпуса способствовал началу французской интервенции в России¹⁰³.

Корпус рассматривается в качестве активного участника гражданской войны, действия которого имели серьёзные последствия и влияли на её ход. Так, по словам Д. Свэйна, «...чехословацкий мятеж привёл не только к крушению большого предприятия союзников, но также привёл в действие антибольшевистскую борьбу эсеров»¹⁰⁴. На примере деятельности чехословацких легионеров иллюстрируются определённые тенденции из истории гражданской войны в России. Так, быстрый захват легионерами огромных пространств от Волги до Тихого океана иллюстрирует слабость противоборствующих сил в начальной период войны – летом 1918 года¹⁰⁵; когда, по мнению историка С.З. Рапп, ведущую роль играли не офицеры, а политики¹⁰⁶.

Американский историк Д. Рэйли в своей статье «Языки власти: как саратовские большевики представляли своих врагов» приходит к интересному заключению, что чехословацкие легионеры были одним из элементов собирательного образа врага, который пропагандировался со страниц большевистских периодических изданий¹⁰⁷. При этом он приводит факты того, что мятеж чехословацких легионеров действительно приводил к нежелательным для большевиков последствиям (восстания, мятежи)¹⁰⁸.

Отмечается, что выступление Чехословацкого корпуса способствовало образованию антибольшевистских правительств на огромном пространстве от Волги до Тихого океана¹⁰⁹. Более того, в литературе констатируется со-

¹⁰³ Цит. по: Long J.W. Rec. on: Corley M.J. Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917-1919. Kingston and Montreal: McGill-Queens University Press, 1983. xiii. 265 pp. // Russian History. – 1989. – № 1. – P. 100.

¹⁰⁴ Swain G. Op. cit. – P. 181.

¹⁰⁵ Pereira N.G.O. Op. cit. – P. 173.

¹⁰⁶ Rupp S.Z. Conflict and Crippled Compromise. Civil War Politics in the East and the Ufa State Conference // Russian Review. – Vol. 56. – 1997. – № 4. – P. 249-250.

¹⁰⁷ Raleigh D.J. Languages of Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined Their Enemies // Slavic review. – 1998. – № 2. – P. 331, 334.

¹⁰⁸ Op. cit. – P. 326.

¹⁰⁹ Mawdsley E. Op. cit. – P. 66, 232; Rupp S.Z. Conflict and Crippled Compromise. – P. 250.

чувствие чехословацких легионеров социалистам и их готовность выступить на защиту Директории¹¹⁰.

Ряд авторов отмечает, что легионеры активно влияли на политический процесс на востоке России. Так, в том числе и под их нажимом в Уфе открылось Государственное Совещание, которое сформировало единое всероссийское антибольшевистское правительство – Директорию. При этом чехословацкими легионерами двигали не политические, а скорее тактические соображения: им надоело нести всю тяжесть войны на себе, и они полагали, что объединение всех антибольшевистских сил может способствовать более эффективной борьбе с наступающей Красной Армией¹¹¹.

Говоря о немецкой историографии следует упомянуть практически единственную статью Н. Штегманн «Солдаты и граждане: самоописания легионеров в первой республике»¹¹². Автор статьи следующим образом формулирует цель, а вернее направление, своего исследования: «...фигура чехословацкого легионера должна изображаться в контексте процесса образования государства. Методическим инструментарием выступит культурно-исторически направленное исследование национализма, которое сильнее, чем прежде, преимущественно социально-исторически ориентированное исследование условий возникновения национальных движений, вопрошает символический язык национальных мифов и конструкций»¹¹³. В центре внимания автора находятся «...взаимоотношения военного, мужского и гражданского идеалов. В начале будут рассмотрены основные специфически чешские традиции и идеалы, которые конфронтировали в том числе с западной идеей «гражданина-солдата». Вслед за этим будут исследованы самоописания и стилизации чехословацких легионеров в «официальных» воспоминаниях и изображениях и представлены их авторы... Далее путём анализа представ-

¹¹⁰ Lincoln B.W. Op. cit. – P. 239.

¹¹¹ Rupp S.Z. Conflict and Crippled Compromise. – P. 253-254.

¹¹² Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik

¹¹³ Op. cit. – S. 29.

ленных в источниках образов презентации и мифов будет разработан вопрос о том, в какой мере сами легионеры своими работами формировали историческую картину и как соотносились различные идентичности при конструировании образов легионеров»¹¹⁴.

Таким образом, статья Н. Штегманн находится на стыке изучения истории и историографии Чехословацкого корпуса, а также его влияния на характер первой Чехословацкой республики. При этом, если упоминавшийся выше чешский историк И. Шедивый рассматривал организационное влияние чехословацких легионеров, то Н. Штегманн пишет в большей степени об идеологическом влиянии.

Н. Штегманн, вслед за Г. Туниг-Ниттнер обратила внимание на национальный состав Чехословацкого корпуса, подчеркнув, что среди легионеров 80 % были чехи, 7 % – словаки. При этом «...словаки преимущественно находились в низших военных чинах, что среди прочего объяснялось низким уровнем образования, а также преимущественно крестьянским составом словацкого населения. Среди чехов же ведущие позиции в легионе занимали люди с высшим образованием». Исходя из этого, она делает вывод, что «...идеи и цели «добровольческой армии» формировались чехами»¹¹⁵.

Автор подчёркивает, что легионеры в межвоенный период имели большое значение, как «...предвестники национальной и политической свободы», что в образе легионеров «...возникшая республика имела героев, чей пример должен был стать основополагающим при создании нации»¹¹⁶. Значение деятельности Чехословацкого легиона заключалось в том, что «...легионы добились государства, и его существование – из перспективы Первой республики, – оправдывало прошлые действия. Таким образом легионы становились составной частью чехословацкого мифа об основании го-

¹¹⁴ Op. cit. – S. 29-30.

¹¹⁵ Stegmann N. Op. cit. – S. 27.

¹¹⁶ Op. cit. – S. 25, 28.

сударства»¹¹⁷. При помощи «семейных конструкций», установившихся в Чехословацком корпусе (Т.Г. Масарик – «папочка», легионеры – его «парни») легионеры и чехословацкое правительство в эмиграции «...за недостатком институционализации легитимизировали друг друга»¹¹⁸.

Таким образом, рассматриваемый период ознаменовался значительными изменениями в трактовке и подходах к изучению истории Чехословацкого корпуса в ряде рассмотренных национальных историографий.

В наибольшей степени эти изменения проявились в чехословацкой историографии, которая стала изображать борьбу Чехословацкого корпуса в качестве прогрессивного явления, а его руководителей – как национальных героев. Подобное же отношение наблюдается к рядовым легионерам, а история Чехословацкого корпуса в Сибири именуется не иначе, как «героическая эпопея»¹¹⁹. На этом этапе происходит возрождение употребления такой формулировки как «анабазис»¹²⁰. По сути, это было возрождение оценок, существовавших в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами, отказ от которых произошёл в начале 1950-х годов. Так или иначе, но для чешской и словацкой историографии характерен иной концептуальный подход: они трактуют борьбу корпуса в России как один из элементов борьбы за государственную самостоятельность Чехословакии.

При этом значительное внимание современные чешские и словацкие историки (особенно на рубеже 1980-90-х годов) уделили рассмотрению истории формирования чехословацких добровольческих частей и взаимоотношению Чехословацкого корпуса с Советской властью в октябре 1917 – мае 1918 годов. Тем самым, они хотели подчеркнуть характер и содержание принципиальных различий между этими двумя силами.

¹¹⁷ Op. cit. – S. 32.

¹¹⁸ Op. cit. – S. 33.

¹¹⁹ Сайдлер И. Указ. соч. – С. 56.

¹²⁰ Freedom of the Czechs. – P. 41; Galandauer J. Včera a dnes (Legionářská minulost komunistického aktivisty). – S. 63, 73, 74; Moulis M. Op. cit. – S. 43; Němec I. Op. cit. – S. 34; Zabloudivová J. Vojenská spořitelna čs. vojska v Rusku. – S. 100.

Отрадно отметить, что в чехословацкой историографии на современном этапе наблюдается рост интереса к не вполне традиционным сюжетам. Объединяет все эти работы то, что их авторы приходят к мысли о демократическом характере чехословацкого войска в России; о том, что чехословацкие легионеры сражались за высокие цели и идеалы (восстановление чехословацкой государственности).

Современная английская и американская историографии рассматривают историю Чехословацкого корпуса в контексте гражданской войны в России.

Английские и американские историки признают, что национальные мотивы были определяющими в поведении легионеров Чехословацкого корпуса. Причём, не только в момент зарождения воинских формирований, но и как объяснение фактического самоустранения с фронтов гражданской войны осенью 1918 года. 28 октября 1918 г. Чехословацкий Национальный Совет провозгласил национальную независимость Чехословакии: «Как только новости дошли до Легиона, он принял решение не участвовать больше в боях на территории России, поскольку дело, за которое он боролся, победило»¹²¹. Подобное мнение встречается и в других работах¹²². Среди других причин отвода легионеров в тыл называются усталость, обусловленная непрерывными боевыми действиями и значительным усилением Красной Армии, а также отсутствие поддержки со стороны представителей стран Антанты и рост монархизма в русском антибольшевистском движении¹²³. Всё это также перекликается с оценками, которые существовали в английской и американской историографии на предыдущих этапах.

Обращает на себя внимание утверждение, что выступление Чехословацкого легиона было и мятежом против союзников. Данное утверждение позволяет, с одной стороны, снять ответственность за выступление с предста-

¹²¹ Пайпс Р. Указ. соч. – С. 41.

¹²² Figes O. A people's tragedy. – P. 586; Lincoln B.W. Op. cit. – P. 230; Pereira N.G.O. Op. cit. – P. 201.

¹²³ Figes O. A people's tragedy. – P. 581; Peasant Russia. – P. 171-172.

вителей стран Антанты, а с другой стороны, указывает на то, что чехословацкие легионеры в России руководствовались собственными целями и интересами.

При этом признаётся, что легионеры были важным, – а на определённом этапе и решающим, – компонентом антибольшевистских сил. По мнению С.З. Рапп, «...легион играл решающую роль в гражданской войне вплоть до Колчаковского переворота»¹²⁴, по мнению Б. Линкольна, велика заслуга легионеров в победоносных действиях антибольшевистских сил летом 1918 года¹²⁵.

Следует подчеркнуть, что английская и американская историографии во многом развивают те положения, которые зародились ещё в 1920-30-е годы. Введение в оборот отдельных новых сюжетов носит частный характер. Неизменен контекст в котором рассматривается история Чехословацкого корпуса в России – гражданская война и интервенция. Чехословацкое заграничное национально-освободительное движение рассматривается через призму внешней политики стран Антанты.

Таким образом, история Чехословацкого корпуса привлекла к себе внимание исследователей ещё в годы гражданской войны. Первыми исследователями выступили участники событий: чехословацкие легионеры и интернационалисты. Первые работы носили оправдательный или напротив обличительный характер. Бывшие легионеры заложили основы так называемой легионерской историографии, положения которой были господствующими в чехословацкой историографии 1920-30-х годов и возрождаются в настоящее время. Суть концепции сводилась к тому, что Чехословацкий корпус рассматривался как революционная армия, которая боролась за независимость Чехословакии. Все действия Чехословацкого корпуса в России оправдывались именно борьбой за высокие идеалы и интересы. Таким образом, в чехо-

¹²⁴ Rupp S.Z. The struggle in the East. – P. 44

¹²⁵ Lincoln B.W. Op. cit. – P. 248.

словацкой историографии рассмотрение истории Чехословацкого корпуса происходило в контексте борьбы за национальную государственность, особо подчёркивались национальные приоритеты в деятельности чехословацких легионеров.

Со второй половины 1940-х до конца 1980-х годов чехословацкая историография во многом шла в русле развития советской историографии. При этом, даже в этих условиях в 1960-е и 1980-е годы наблюдалось стремление смягчить некоторые жёсткие оценки, сложившиеся в советской историографии и указать на национальные приоритеты в деятельности чехословацких легионеров.

Отметим, что на современном этапе в чехословацкой историографии наблюдается рост интереса к Чехословацкому корпусу вообще и к невоенным аспектам его истории, в частности.

В развитии английской и американской историографии можно выделить черты, объединяющие её как с развитием отечественной, так и чехословацкой историографии. Общим было то, что первыми исследователями выступили не профессиональные историки, а политики (В. Черчилль, Д. Ллойд-Джордж), военные (В. Грэвс, Д. Уорд). История Чехословацкого корпуса рассматривалась в контексте истории гражданской войны и иностранной военной интервенции. Интерес к этой теме был продиктован тем, что она позволяла историкам обосновать причины интервенции необходимостью помощи Чехословацкому корпусу. При этом английские и американские историки указывали на национальные приоритеты в деятельности легионеров Чехословацкого корпуса на всём протяжении гражданской войны в России (что объединяет их с легионерской и современной чешской и словацкой историографией). Для английской и американской историографии характерно примерно такое же сюжетное разнообразие, как и для отечественной историографии. В центре внимания английских и американских историков находятся военные аспекты деятельности Чехословацкого корпуса в России.

Подходы отечественной и зарубежной историографии одновременно противоречат и дополняют друг друга. В этой связи наиболее удачным нам представляется название статьи К. Рихтера «Встреча двух революций». Такое определение было дано вооружённому конфликту между legionерами и красноармейцами в годы гражданской войны. Вместе с тем, вполне оправданным будет использование этого определения и для характеристики историографической ситуации по данному вопросу. И лучше, чтобы встреча на этот раз оказалась мирной и продуктивной.

В основе логики поведения чехословацких legionеров в России лежали классовые, национальные и психологические факторы. Следовательно, для понимания логики их действий и, в конечном итоге, их роли, необходим некий синтез подходов отечественной и зарубежной историографии. На установление подобного соответствия и была направлена наша работа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Чехословацкого корпуса привлекла к себе внимание исследователей с самого начала гражданской войны в России. Указанная тема с самого начала переросла рамки чисто научного исследования и приобрела важное практическое значение. Первыми исследователями Чехословацкого корпуса выступили не профессиональные историки, а партийные, военные и государственные деятели.

Общей тенденцией характерной для отечественной историографии на всех этапах её развития являлось то, что Чехословацкий корпус рассматривался в контексте гражданской войны в России.

Именно в 1920-е годы сложилось сюжетное разнообразие, характерное для отечественной историографии вплоть до наших дней. В центре внимания находились такие вопросы, как взаимоотношения Чехословацкого корпуса с Советской властью, боевые действия в 1918 году, реакция чехословацких легионеров на омский переворот 18 ноября 1918 года и последующий их уход в тыл, выдача А.В. Колчака и золота Политцентру, факты разложения в рядах Чехословацкого легиона. В центре внимания отечественных историков находились, главным образом, военные аспекты. Отечественная историография ещё с 1920-х годов, изучая Чехословацкий корпус, на деле изучала историю борьбы с ним.

Интересно, что те работы, авторы которых не ставили своей целью рассмотреть участие Чехословацкого корпуса в гражданской войне, доводили изложение событий лишь до 1918 года. Так или иначе, но «невоенная» история Чехословацкого корпуса в 1918-1920 годах (эвакуация продолжалась до сентября 1920 года) выпала из сферы внимания исследователей. Иными словами, вне гражданской войны Чехословацкий корпус не представлял для историков интерес.

Подобное сюжетное разнообразие стало традиционным для отечественной историографии и сохранилось вплоть до наших дней. В этой связи, мы можем говорить о преемственности в развитии историографии по теме. В 1930-1950-е годы произошло обеднение тематики исследований. Во многом это произошло за счёт того, что прекратилась публикация и даже упоминание работ тех, кто стоял «по другую сторону баррикад». XX съезд КПСС и его решения не привели к прорыву в изучении темы. Интерпретация истории деятельности Чехословацкого корпуса, которая сложилась в трудах большевистских историков ещё в 1920-е годы, продолжала оставаться преобладающей и на этом этапе.

Лишь в 1990-е годы были предприняты попытки рассмотреть невоенные аспекты деятельности Чехословацкого корпуса (рассмотрение экономического сотрудничества с антибольшевистскими силами).

Несмотря на то, что в отечественной историографии до начала 1990-х годов Чехословацкому корпусу было посвящено не более 20 работ, его история занимала важное место в трудах советских историков. Она, являясь частью истории гражданской войны и иностранной интервенции в России, встраивалась в концепцию гражданской войны.

Изучение истории Чехословацкого корпуса позволяло большевистским, а вслед за ними и советским историкам, иллюстрировать и обосновывать отдельные утверждения, составляющие суть концепции гражданской войны и иностранной интервенции в России: 1) за Чехословацким легионом закреплялась определённая роль в картине под названием «заговор мировых империалистов»; при этом особо подчёркивалось, что действия чехословацких легионеров способствовали эскалации гражданской войны в России; 2) утверждение о слабости местных российских антибольшевистских сил и об их зависимости (был спорным лишь вопрос о степени зависимости) от вооружённой поддержки Чехословацкого корпуса (иностранной силы). Что касается

небольшевистских историков 1920-х годов, то они, рассматривая историю Чехословацкого корпуса, стремились объяснить причины поражения антибольшевистских сил и списать их, в том числе, на действия (или бездействие) Чехословацкого корпуса.

Публикация источников является одним из факторов развития историографии. Важность той роли, которую сыграл Чехословацкий корпус в событиях гражданской войны в России, а также то место, которое его история занимала в работах, посвящённых гражданской войне, не получила адекватного и пропорционального выражения в издании источников по теме. Все публиковавшиеся источники отражали не историю Чехословацкого корпуса, а историю борьбы с Чехословацким корпусом. За 80 с лишним лет в отечественной историографии было предпринято лишь три попытки публикации документов, в которых непосредственно отражалась история Чехословацкого корпуса в России. Отечественные историки практически не обращались к трудам чехословацких легионеров как к историческому источнику. «Документальное обеспечение» при изучении темы происходило за счёт воспоминаний участников борьбы с Чехословацким легионом, постановлений органов Советской власти, в которых содержалась оценка выступления чехословацких легионеров, а также резолюций правительств стран Антанты, в которых говорилось о намерениях использовать Чехословацкий корпус. Можно сделать вывод, что историографические концепции, мнения и оценки строились не на документальной (источниковой) базе, а опирались, главным образом, на первоначальную реакцию очевидцев и участников событий, а также на оценки выступления Чехословацкого корпуса, сложившиеся в постановлениях органов Советской власти. Вместе с тем, работая в ГАРФ, мы обнаружили документы, которые непосредственно отражают историю Чехословацкого корпуса в России и которые могли бы пролить свет на такие вопросы, как характер взаимоотношений представителей антибольшевистских сил с Чехословацким

корпусом, деятельность чехословацкой контрразведки и т.д. Работы некоторых отечественных историков (О.Ю. Никоновой, Д.Г. Симонова) показывают, что в российских архивах (как в центральных, так и местных) содержатся документы, которые отражают историю Чехословацкого корпуса, в том числе невоенные аспекты. В любом случае, настоятельной необходимостью является публикация документов по истории Чехословацкого корпуса.

Для английской и американской историографии характерно некоторое сходство с отечественной историографией. Одними из первых исследователей истории Чехословацкого корпуса выступили не профессиональные историки, а политики и военные. Интерес к истории Чехословацкого легиона также был обусловлен практическими соображениями, а именно стремлением обосновать интервенцию необходимостью помощи чехословацким legionерам. Английская и американская историографии также рассматривали Чехословацкий корпус в контексте гражданской войны и иностранной военной интервенции в России. Однако, если в советской историографии изучалась главным образом борьба с Чехословацким корпусом, то в английской и американской историографии изучалась борьба по вопросу использования Чехословацкого корпуса и реакция на него в правительственных и дипломатических кругах стран Антанты. Иными словами, история Чехословацкого корпуса также встраивалась, прежде всего, в концепцию гражданской войны и интервенции. Особенностью трудов английских и американских историков является то, что в них говорится о национальных приоритетах в деятельности чехословацких legionеров. Эта особенность сближает их с работами чехословацких историков. При этом английские и американские историки также оставляют в стороне невоенные аспекты истории Чехословацкого корпуса. Для английской и американской историографии характерно примерно такое же сюжетное разнообразие, как и для трудов отечественных историков

(взаимоотношения с Советской властью весной 1918 года и нарастание вооружённого конфликта, участие Чехословацкого корпуса в боевых действиях, взаимоотношения с представителями антибольшевистских сил, уход Чехословацкого корпуса в тыл осенью 1918 года и его причины).

Что касается чехословацкой историографии, то она, рассматривая Чехословацкий корпус в контексте гражданской войны в России, стремилась к оправданию и обоснованию деятельности чехословацких легионеров в России. Однако гораздо важнее для неё был другой контекст, а именно – рассмотрение истории Чехословацкого корпуса в контексте образования независимой Чехословакии. Неслучайно, что представители обоих направлений в чехословацкой историографии в 1920-30-е годы (легионеры и интернационалисты) в ходе своей деятельности стремились к одной цели – независимому и самостоятельному государству, – но шли к нему разными путями. Неслучайно также и то, что в чехословацкой историографии 1920-30-х годов был поставлен вопрос о том, чья позиция в большей степени способствовала успеху заграничного национально-освободительного движения: «нейтрального» Т.Г. Масарика или «активного» Р. Гайды.

Со второй половины 1940-х годов и вплоть до конца 1980-х годов чехословацкая историография по теме развивалась в русле советской историографии. Однако даже в этих условиях в 1960-е годы наблюдались попытки смягчить некоторые жёсткие оценки и подчеркнуть национальный приоритет в деятельности легионеров.

На современном этапе чехословацкие историки обратились к не вполне традиционным аспектам из истории Чехословацкого корпуса. При этом все авторы приходят к одному и тому же выводу, что объект их исследования (вне зависимости от того, что это – периодическая печать, сберегательная касса или воинская форма) отражал демократический дух войска и цели его борьбы – независимость Чехословакии. В чехословацкой историографии на современном этапе происходят примерно те же процессы, что и в

русской: вчерашние «враги народа» и «контрреволюционеры» превращаются в «вождей» и «героев».

Следует подчеркнуть, что английские и американские историки при изучении истории Чехословацкого корпуса обращаются главным образом к документам, отражающим борьбу в дипломатических и правительственных кругах стран Антанты по вопросу использования Чехословацкого корпуса, а также освещающих реакцию на его выступление. Современные чешские и словацкие историки активно обращаются к материалам чехословацких архивов, что позволяет им рассматривать такие аспекты истории Чехословацкого корпуса, которые до этого выпадали из сферы внимания чехословацких историков. Следует подчеркнуть, что зарубежные историки гораздо более активно привлекают труды русских авторов, чем русские авторы – труды зарубежных историков.

Укажем на некоторое сходство и различия в развитии отечественной и зарубежной историографии. Долгие годы в историографии наблюдалось такое явление, как «столкновение двух революций». Чехословацкие легионеры, английские, американские, немецкие историки подчёркивали национальный приоритет в деятельности легионеров. Советские историки, напротив, подчёркивали, что действия «вождей» чехословацкого национально-освободительного движения были обусловлены не национальными, а классовыми интересами, что события на фронтах гражданской войны в России оказали на легионеров гораздо большее воздействие, нежели известия с фронтов мировой войны.

Перейдём к общему в развитии отечественной и зарубежной историографии. Прежде всего – рассмотрение Чехословацкого корпуса в контексте гражданской войны и иностранной военной интервенции в России (это в большей степени проявляется при соотнесении отечественной историографии с английской и американской историографией). Отечественные историки на современном этапе сделали шаг по направлению

к своим зарубежным коллегам, признав, что выступление Чехословацкого корпуса имеет связь с мировой войной и указав на национальные приоритеты в деятельности легионеров Чехословацкого корпуса. В современной отечественной, и особенно чехословацкой (вернее, чешской) историографии, обозначилась тенденция на изучение невоенных аспектов истории Чехословацкого корпуса в России. В обозначенном факте мы видим взаимопроникновение идей (главным образом, влияние достижений зарубежной историографии на отечественных историков).

Подходы отечественной и зарубежной историографии одновременно противоречат и дополняют друг друга. Такая разность взглядов носит объективный характер и обусловлена прежде всего влиянием на наше сознание описываемых и изучаемых событий. В этой связи наиболее удачным нам представляется название статьи К. Рихтера «Встреча двух революций». Такое определение было дано вооружённому конфликту между легионерами и красноармейцами в годы гражданской войны. Вместе с тем, вполне оправданным будет использование этого определения и для характеристики историографической ситуации по данному вопросу. И лучше, чтобы встреча на этот раз оказалась мирной и продуктивной.

Какие же задачи стоят перед будущими исследователями Чехословацкого корпуса в России? На наш взгляд, они очевидны. Прежде всего, мы солидаризируемся с мнением А.А. Коробкина и А.Л. Ожиганова, что для полного понимания роли Чехословацкого корпуса в нашей истории, необходимо рассматривать Чехословацкий корпус не как объект для воздействия со стороны большевиков или стран Антанты, а как субъект гражданской войны, который руководствовался собственными целями и идеалами. Далее, мы согласимся с утверждением А.Л. Посадскова о необходимости изучения невоенных аспектов истории Чехословацкого корпуса в России.

Следует, прежде всего, рассматривать Чехословацкий корпус, как некую общность, субъект, имеющий собственные цели, идеалы и интересы. Отечественным историкам следует сделать особый упор на то, что национальные интересы были приоритетными для действий легионеров Чехословацкого корпуса. Представляется необходимым осознать ценность изучения истории Чехословацкого корпуса самого по себе, как феномена национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов. Пересмотр сложившихся мнений и оценок, расширение тематики исследований должны сопровождаться публикацией источников по теме.

Всё это, несомненно, будет способствовать более глубокому пониманию роли Чехословацкого корпуса в событиях гражданской войны в России, а также пониманию сущности самой гражданской войны. Последнее обстоятельство имеет особое значение и ценность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I ИСТОЧНИКИ

I.1 НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р-667. Отдел иностранных дел Комитета членов Учредительного Собрания.

Оп. 1. Д. 7. 37 л.

Переписка с Чехословацким Национальным Советом: об участии чехословаков в работах комиссии по проверке благонадёжности беженцев и пленных из враждебных стран; проект реорганизации промышленности. предложенный представителем Чехословацкого Совета.

Оп. 1. Д. 16. 72 л.

Обращение Комуча к Сибирскому Казачеству с призывом о защите Всероссийского Учредительного Собрания, протоколы казачьих съездов и инородцев, сообщения об организации Чехо-Словацкой Республики, протест Оренбургского атамана Дутова против неправильности освещения его деятельности в Сибири.

Оп. 1. Д. 24. 54 л.

Переписка с делегатом Королевского Датского Посольства, представителем Королевской шведской миссии и норвежским представителем об аресте представителей датской делегации гр-на ПЕТЕРСОНА и других; об обыске в приюте вышеуказанного посольства, произведённого представителем чехо- словацких войск, сотрудником контрразведки штаба Народной Армии, об аналогичных действиях местной власти по отношению к представителю Шведской миссии.

Оп. 1. Д. 38. 4 л.

Копии телеграмм начальника штаба Западного фронта и уполномоченного Добромыслова начальнику штаба Самарской группы о вербовке новых добровольцев для пополнения чешско-русских частей.

Оп. 2. Д. 1. 15 л.

Приказы по Военному Отделу при Совете Управляющих Ведомствами.

Ф. Р-670. Совет управляющих ведомствами Комитета членов Учредительного Собрания.

Оп. 2. Д. 4. 12 л.

Переписка с Уральским отделением. По вопросу формирования Русско-Чешского Полка и др.

Оп. 2. Д. 5. 11 л.

Телеграммы о формировании русско-чешского полка. Назначение капитана Гайда на должность командующего русско-чешским полком и др.

Оп. 2. Д. 9. 8 л.

Переписка с Оренбургским Отделением о формировании Русско-Чешского полка из добровольцев.

Оп. 2. Д. 13. 11 л.

Переписка с I Русско-Чешским Полком.

Ф. Р-749. Комитет членов Учредительного Собрания.

Оп. 1. Д. 51. 162 л.

Сообщения о деятельности Комитета членов Учредительного Собрания, о положении в Самарской губернии, взятии Казани белыми и чехословаками, о работе Чехословацкого воинского съезда, организации и деятельности народной армии Самарского правительства, эсеро-меньшевистские воззвания и др. Телеграмма подполковника Каппеля о захвате золотого запаса России в 650 млн. во время взятия Казани.

I.2 ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

1. «За землю и волю»: орган исполкома казанского губернского совета крестьянских депутатов и казанского губернского комитета партии левых эсеров-интернационалистов. – Казань, 1918.
2. «Знамя революции»: орган Казанского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. – Казань, 1918.

3. «Казанское слово»: газета беспартийно-демократическая. – Казань, 1918.
4. «Народная Армия»: [однодневная газета]. – Казань, 1918, 21 августа.
5. «Народная жизнь»: издание Казанского губернского земства. – Казань, 1918.
6. «Новое Казанское слово»: орган независимой прогрессивной мысли. – Казань, 1918.
7. «Рабочая воля»: газета социал-демократическая, общественно-политическая и литературная. – Казань, 1918.
8. «Рабочее дело»: орган казанской организации РСДРП (объединённой). – Казань, 1918.
9. «Трудовой путь»: издание Казанского губернского земства – Казань, 1918.

1.3 ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Антибольшевистское правительство (Из истории белого движения): сб. документов. Учебное пособие для абитуриентов и студентов, обучающихся по специальности «Документоведение, документационное обеспечение управления» /Сост. С.П. Васильченко, О.А. Васьковский, Е.П. Сичинский, Т.И. Славко.- Тверь: Изд-тво Тверского госуниверситета, 1999. – 219 с.
2. Боевые подвиги частей Красной Армии в 1918-1922 гг.: сб. документов. – М.: Воениздат, 1957. – 239 с.
3. Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. (Август 1918 – декабрь 1920): сб. документов и материалов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1961. – 708 с.

4. Борьба за Казань. Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. – Казань: Восток, 1924. – № 1. – 258 с.
5. Главнокомандующий всеми вооружёнными силами Республики И.И. Вацетис: сб. документов. – Рига: «Зинатне», 1978. – 364 с.
6. Директивы Главного командования Красной Армии. (1917-1920). – М.: Воениздат, 1969. – 884 с.
7. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). В 4-х тт. – Т. I. – М.: Воениздат, 1971. – 788 с.
8. Документы внешней политики СССР. – Т. 1. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1957. – 771 с.; Т. 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. – М.: Госполитиздат, 1958. – 803 с.
9. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – Т. 1. ноябрь 1917 г. – август 1922 г. / Том подготовили: Ч. Аморт, А.Х. Клеванский, А.И. Недорезов, Я. Пиволуска. – М.: Наука, 1973. – 562 с.
10. Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика / Перевод с чешского О.С. Хархардина; Редакция и предисловие М. Туманова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1954. – 319 с.
11. Документы по истории гражданской войны в СССР. – Т. I. Первый этап гражданской войны / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. – М.: Политиздат, 1941. – 544 с.
12. Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив. – 1961. – № 6.
13. Из истории гражданской войны в СССР: сб. документов и материалов. В 3-х тт. – Т. 1. Май 1918 – март 1919. – М.: Советская Россия, 1960. – 831 с.; Т. 2. Март 1919 – февраль 1920. – М.: Советская Россия. 1961. – 895 с.

14. Каржанский Н. (Качанов). Чехословаки в России. По неизданным официальным документам / Н. Каржанский (Качанов). – М.: Змий, 1918. – 94 с.
15. Ленин В.И. Военная переписка. 1917-1922 гг. / Сост.: Л.Б. Виноградова, Е.Ф. Полковникова. – М.: Воениздат, 1987. – 438 с.
16. Максаков В. Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918) / В. Максаков, А. Турунов. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 304 с.
17. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопросы истории. – 1971. – № 2. – С. 103-107.
18. Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920): сб. документов и материалов. – Пенза: Пензенское книжное издательство, 1960. – 288 с.
19. Первый год пролетарской диктатуры в Татарии: сб. документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г. / Под ред. М. Вольфовича, С. Гафурова. – Казань: Татгосиздат, 1933. – XXIII, 440 с.
20. Пионтковский С. Гражданская война в России (1918-1921 гг.): Хрестоматия / С. Пионтковский. – М.: Изд-во Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1925. – 708 с.
21. Приговор Верховного Революционного Трибунала по делу партии эсеров. – М.: Красная новь, 1922. – 39 с.
22. Процесс эсеров. Речи защитников и обвиняемых. – М.: Главполитпросвет; Красная новь, 1922. – 242 с., VI.
23. Самарская губерния в годы гражданской войны. – Куйбышев, 1958.
24. Симбирская губерния в годы гражданской войны: сб. документов. – В 2-х тт. – Т. 1. Май 1918 г. – Март 1919 г. – Ульяновск: Ульяновское книжное

- издательство, 1958. – 488 с.; Т. 2. Март 1919 г. – декабрь 1920 г. – Ульяновск: Ульяновское книжное издательство, 1960. – 464 с.
25. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция (На военной работе). В 3-х тт. Т. 1. Тысяча девятьсот восемнадцатый год. – М.: Высший Военный Редакционный Совет, 1923. – 431 с.
26. The Trotsky papers, 1917-1922 / Ed. and annotated by J.M. Mejer. – Vol. I. 1917-1919. – London; Paris: Mouton, 1964. – XV, 858 pp.

1.4 ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Абов В. О партизанском движении в Сибири / В.О. Абов.- Новосибирск: Запсиботделение, 1932. – 24 с.
2. Абрамовский А.П. О некоторых вопросах тактики Челябинской подпольной большевистской организации в период колчаковщины / А.П. Абрамовский // Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооружённую борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918-1919): сб. науч. тр. – Свердловск, 1990. – С. 70-84.
3. Агалаков В.Т. Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири. 1919-1921 гг. / В.Т. Агалаков. – Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1958.- 184 с.
4. Агалаков В.Т. Подвиг Центросибири / В.Т. Агалаков. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. – 152 с.
5. Алексеев В. Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье / В. Алексеев // Пролетарская революция. – 1927. – № 4. – С. 45-88.
6. Алексеев В. Восстание главкома Муравьёва / В. Алексеев. – Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936. – 102 с.

7. Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917-1920 / А. Анишев. – Л.: Государственное издательство, 1925. – 288 с.
8. Антисоветская интервенция и её крах. 1917-1922. – М.: Политиздат, 1987. – 206 с.
9. Архангельсктй В. Волжский фронт Учредительного собрания в 1918 г. / В. Архангельский / Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Ргана: Издание общества участников Волжского движения, 1930. – С. 5-37.
10. Бакунин А.В. В.И. Ленин и Восточный фронт в 1918-1919 гг. / А.В. Бакунин // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг.: сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв, В.И. Шишкин. – Новосибирск: «Наука», 1985. – С. 89-97.
11. Безуверова Н.В. Ревкомы - органы мобилизации масс на защиту Урала в начальный период гражданской войны / Н.В. Безуверова // Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооружённую борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918-1919): сб. науч. тр. – Свердловск, 1990. – С. 6-11.
12. Беликова Л. И. Пропагандистская работа дальневосточных большевиков в войсках интервентов (1917-1922) / Л.И. Беликова // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): сб. ст. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 10-25.
13. Белоусова О.А. Чехословацкая «Одиссея» в Сибири (по материалам периодической печати и воспоминаниям современников) / О.А. Белоусова // История Белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. 7-8 февраля 2005 г. / Отв. ред. С.П. Звягин.- Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 40-46.

14. Берёзкин А. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918-1920 гг.) / А. Берёзкин. – Политиздат, 1952. – 256 с.
15. Болтин Е. К двадцатилетию победы над Колчаком / Е. Болтин. – Омск: Омское областное издательство, 1939. – 24 с.
16. Бондаренко А.А. Левые эсеры Сибири в начальный период гражданской войны / А.А. Бондаренко // Октябрь и гражданская война в Сибири: История, историография, источниковедение: сб. ст. / Отв. ред. М.Е. Плотникова. – Томск: Изд-во Томского университета, 1985. – С. 86-101.
17. Бочков А. Три года Советской власти в Казани. 1917 – 25, октября – 1920 гг. (Хроника событий) / А. Бочков / Под ред. М. Корбут. – Казань: Государственное издательство, 1921. – 63 с.
18. Бубеннов М., Валеев А. Освобождение Казани от белоинтервентов в 1918 году / М. Бубеннов, А. Валеев. – Казань: Татгосиздат, 1939. – 87 с.
19. Будберг А. Дневник белогвардейца / А. Будберг. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. – 336 с.
20. Бурджалов Э.Н. Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920): Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б) / Э.Н. Бурджалов. – М., 1952. – 160 с.
21. Буревой К. Колчаковщина / К. Буревой. – М.: Государственное издательство, 1919. – 40 с.
22. Буревой К. Распад. 1918-1923 / К. Буревой. – Б.м.: «Новая Москва», 1923. – 135 с.
23. Буцевич А. Первые дни чехословаков / А. Буцевич // Пролетарская революция. – 1922. – № 5. – С. 262-274.

24. Быков В. Колчаковщина и гражданская война на Урале. (Выставка Урал-бюро Истпарта) / В. Бычков // Пролетарская революция. – 1922. – № 10. – С. 528-532.
25. Быстрянский В. Антанта, Россия и революция / В. Быстрянский. – Петербург: Государственное издательство, 1920. – 27 с.
26. Быстрянский В. Из истории гражданской войны в России / В. Быстрянский. – Петербург: Государственное издательство, 1924. – 94 с.
27. Быстрянский В. Империалистическая Англия против социалистической России / В. Быстрянский. – Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1919. – 15 с.
28. Быстрянский В. Красная Армия и революционная война / В. Быстрянский. – Петербург: Государственное издательство, 1920. – 23 с.
29. Быстрянский В. Контрреволюция и её методы (Белый террор прежде и теперь) / В. Быстрянский. – Петербург: Государственное издательство, 1920. – 16 с.
30. Быстрянский В. Меньшевики и эсеры в русской революции / В. Быстрянский. – Петербург: Государственное издательство, 1921. – 79 с.
31. Валеев А.М. Освобождение Татарии от интервентов и белогвардейцев в 1918 году / А.М. Валеев. – Казань: Редакция политической и исторической литературы, 1956. – 92 с.
32. Василевский В.И. Из истории борьбы с интервентами в Восточном Забайкалье / В.И. Василевский // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): сб. ст. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 47-61.
33. Вегман В.Д. Вооружённые восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири / В.Д. Вегман. – Новосибирск, 1928. – 17 с.

34. Верещагин А.С. Гражданская война в России. 1917-1922: учебное пособие / А.С. Верещагин. – Уфа: Издательство УГНТУ, 1998. – 72 с.
35. Владимирова В. Год службы социалистов капиталистам / В. Владимирова. – М.; Л., 1927. – 386 с.
36. Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.) / В.М. Войнов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 51-64.
37. Волков И. Вспоминания бывшего царского каторжанина / И. Волков // Пути революции. 1922. – № 1. – С. 13-38.
38. Волков Ф.Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917-1924) / Ф.Д. Волков. – Политиздат, 1954. – 400 с.
39. Гай Г. Борьба с чехословаками на Средней Волге / Г. Гай. – М.: Государственное военное издательство, 1931. – 80 с.
40. Гай Г.Д. В боях за Симбирск. (Краткий очерк гражданской войны в губернии) / Г. Гай. – Ульяновск, 1928. – IV, 43 с.
41. Гак А.М. О судьбе золотого запаса России (1918-1920 гг.) / А.М. Гак // Новая и новейшая история. – 1993. – № 6. – С. 133-155.
42. Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917-начале 1918 г. / Р.Ш. Ганелин. – Л.: «Наука», 1975. – 204 с.
43. Гармиза В.В. Из истории Самарской учредилки / В.В. Гармиза // Исторический журнал. – 1940. – № 8. – С. 33-43.
44. Гармиза В.В. Классовая сущность эсеро-меньшевистских органов власти / В.В. Гармиза // История СССР. – 1982. – № 2. – С. 17-28.
45. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств / В.В. Гармиза. – М.: Мысль, 1970. – 294 с.

46. Гармиза В.В. О некоторых общих закономерностях возникновения, деятельности и ликвидации эсеро-меньшевистских правительств / В.В. Гармиза // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922 гг.: сб. науч. тр. – Ч. I. – М., 1977. – С. 177-187.
47. Германов Л. (М. Фрумкин) К истории чехословацкого наступления и свержения Советской власти в Сибири / Л. Германов (М. Фрумкин) // Пролетарская революция. – 1922. – № 4. – С. 16-23.
48. Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства): в 2 т. / Г.К. Гинс. – Пекин, 1921. – Т. 1. – 325 с.
49. Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского Правительства): в 2 т. / Г.К. Гинс. – Пекин, 1921. – Т. 2. – 325 с.
50. Гирченко В. Революционная деятельность иностранных интернационалистов военно-пленных в Восточной Сибири / В. Гирченко. – Верхнеуральск: Бургосиздат, 1933. – 32 с.
51. Голубев А.В. Гражданская война. 1918-1920 гг. / А.В. Голубев. – М.: ОГИЗ – Молодая гвардия, 1932. – 223 с.
52. Голубых М. Уральские партизан. Поход отрядов Блюхера и Каширина в 1918 году / М. Голубых. – Екатеринбург: Издательство Уралкнига, 1924. – 105 с.
53. Гоппер К. Четыре катастрофы. Воспоминания / К. Гоппер. – Б.м., б.г. – 168 с.
54. Гражданская война. 1918-1921: в 3 т. / Под общ. ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского, Р.П. Эйдемана. – М.: Военный вестник, 1928. – Т. 1. – 373 с.; Т. 2. – 418 с.; М.; Л.: Госиздат, Отдел военной литературы, 1930. – Т. 3. – 560 с.

55. Гражданская война в СССР: в 2 т. М.: Воениздат, 1980. – Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). – 368 с.; Т. 2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. – октябрь 1922 г.). – 447 с.
56. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 702 с.
57. Гуковский А.И. Ликвидация пермской катастрофы / А.И. Гуковский. – М.: Воениздат, 1939. – 48 с.
58. Гулыга А.В. США – организатор и активный участник антисоветской интервенции в 1918-1920 годах. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве / А.В. Гулыга. – М.: Знание, 1952. – 31 с.
59. Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова) / К.В. Гусев. – М.: РОССПЭН, 1999. – 207 с.
60. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. (Исторический очерк) / К. В. Гусев. – М.: Мысль, 1975. – 383 с.
61. 28 октября 1918 г. (Десятилетие чехословацкой независимости и чехословацкие легионы в России) // Вольная Сибирь. – Прага, 1928. – Т. IV. – С. 5-8.
62. Деникин А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин. В 3-х книгах. – Книга 2 / Т. 2. Борьба генерала Корнилова; Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 736 с.
63. Дмитриев Н.И. К вопросу о роли чехословацкого корпуса в хозяйственной жизни белого Востока России / Н.И. Дмитриев // История белой Си-

- бири: тезисы 4-й научной конференции. 6-7 февраля 2001 года. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – С. 155-158.
64. Долуцкий И.И. Гражданская война в России. 1917-1921 гг.: материалы к изучению отечественной истории / И.И. Долуцкий. – М., 1992. – 168 с.
65. Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914-1920 гг. / В.С. Драгомирецкий. – Париж; Прага: 1928. – III, 219 с.
66. Дроков С.В. Некоторые проблемы истории гражданской войны в Сибири / С.В. Дроков // Вопросы истории. – 1999. – № 6. – С. 46-63.
67. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.) / Н.Г. Думова. – М.: Наука, 1982. – 416 с.
68. Думова Н.Г. Черчилль и Милюков против Советской России / Н.Г. Думова, В.Г. Трухановский. – М.: Наука, 1989. – 205 с.
69. Жуков В.С. Некоторые аспекты внешней политики правительства А.В. Колчака и его взаимоотношения с союзниками / В.С. Жуков // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 120-122.
70. Зайцов А. 1918 год: очерки по истории Русской Гражданской войны / А. Зайцов. – [Париж], 1934. – 275 с.
71. Захаров В. Разгром Колчака: (учебное пособие) / В. Захаров. – Б.м.: Издание Академия, 1942. – 66 с.
72. Зензинов В. Из жизни революционера / В. Зензинов. – Париж, 1919. – 119 с.
73. Зимина В.Д. Белочешский мятеж и германофильская монархическая контрреволюция. Попытки взаимодействия и их крах / В.Д. Зимина // Великий Октябрь и крах непролетарских партий в России: сб. науч. тр. – Калинин, 1989. – С. 137-145.

- 74.Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году / А.В. Иванов // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. – № 4. – С. 7-24.
- 75.Иванов С. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке / С. Иванов. – Владивосток: Примиздат, 1952. – 247 с.
- 76.Игрицкий Ю.И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления / Ю.И. Игрицкий // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 55-70.
- 77.Иностранная интервенция против страны Советов (Зарубежная историография): реферативный сборник. – М., 1989. – 168 с.
- 78.Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах / Г.З. Иоффе. – М.: Мысль, 1983. – 294 с.
- 79.Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции / Г.З. Иоффе. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
- 80.Иоффе Г.З. От контрреволюции «демократической» к буржуазно-помещичьей диктатуре (Омский переворот) / Г.З. Иоффе // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 108-120.
- 81.Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых / Г.З. Иоффе. – М.: Республика, 1992. – 351 с.
- 82.Искендеров А.А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия / А.А. Искендеров // Вопросы истории. – 2003. – № 10. – С. 75-95.
- 83.История гражданской войны. План издания, утверждённый Главной редакцией 27 марта 1932 г. – М.: Объединение государственных издательств, 1932. – 133 с.

84. История гражданской войны в СССР. В 5 тт. – Т. 3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны. (Ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). – М.: Госполитиздат, 1958. – 677 с.
85. История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век (1918-1998). – М.: Наука, 2000. – 232 с.
86. Казанчиев А.Д. Уфимская Директория 1918 года: дис. ... канд. ист. наук / А.Д. Казанчиев. – Уфа, 1995. – 263 с.
87. Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком / Н.Е. Какурин. – М.; Л., 1928. – 80 с.
88. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. / Н.Е. Какурин. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 1. – 272 с.
89. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. / Н.Е. Какурин. – М.: Политиздат, 1990. – Т. 2. – 431 с.
90. Калягин А.В. Гражданская война в России. 1917-1920: учебное пособие / А.В. Калягин. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 72 с.
91. Калягин А.В. «Третий путь» в гражданской войне (опыт деятельности самарского Комуча): Учебное пособие / А.В. Калягин, П.Н. Парамонов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. – 29 с.
92. Каминский В.В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917-1920 годах / В.В. Каминский // Вопросы истории. – 2003. – № 11. – С. 115-126.
93. Каминский В.В. Русское офицерство и белое движение на Востоке России (1918-1919 гг.) / В.В. Каминский // История Белой Сибири: тезисы третьей научной конференции 2-3 февраля 1999 года, Кемерово. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 19-23.
94. Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 года: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Каревский. – Москва, 2001. – 370 с.

95. Каревский А.А. К истории взаимоотношений Сибирской и Народной армий летом-осенью 1918 г. / А.А. Каревский // История белой Сибири: материалы 5-й междуна. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – С. 147-150.
96. Каревский А.А. К истории российской армии Уфимской директории / А.А. Каревский // История Белой Сибири: тезисы третьей научной конференции 2-3 февраля 1999 года, Кемерово. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 23-26.
97. Кармашев В. Последние дни Советской власти в Западной Сибири в 1918 г. / В. Кармашев. – М.: Государственное издательство, 1921. – 16 с.
98. Карпенко З. Гражданская война в Дальневосточном крае (1918-1922) / З. Карпенко. – Хабаровск: Далькрайиздат, 1934. – 167 с.
99. Китаев А.Я. Современная буржуазная историография роли коммунистической партии в революционной борьбе трудящихся Урала и Сибири в белогвардейском тылу (1918-1919) / А.Я. Китаев // Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооружённую борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918-1919): сб. науч. тр. – Свердловск, 1990. – С. 141-152.
100. Клавинг В.В. Белая гвардия / В.В. Клавинг. – СПб.: Изд-во «Ольга», 1999. – 452 с.
101. Клеванский А.Х. Крах империи Габсбургов / А.Х. Клеванский // Краткая история Чехословакии. С. древнейших времён до наших дней / Отв ред. А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, И.И. Поп. – М.: Наука, 1988. – С. 277-293.
102. Клеванский А.Х. Борьба Советского правительства за нормализацию советско-чехословацких отношений (конец 1918 – начало 1920 г.) / А.Х. Клеванский // Вопросы истории. – 1969. – № 2. – С. 98-111.

103. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. / А.Х. Клеванский. – М.: Наука, 1965. – 394 с.
104. Климущин П.Д. Борьба за демократию на Волге / П.Д. Климущин // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Прага: Издание общества участников Волжского движения, 1930. – С. 38-102.
105. Кожевников В.А. Лозунг «автономной Сибири» в деятельности антибольшевистских сил Сибири и Дальнего Востока (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.) / В.А. Кожевников // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.): сб. науч. ст. – Хабаровск: РИО ДВФУ, 1999. – С. 5-21.
106. Колбин И. Борьба за Волгу и Каму в 1918 г. / И. Колбин. – М.; Л.: ОГИЗ: Молодая гвардия, 1931. – 72 с.
107. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке / Е.Е. Колосов. – Пг.: Былое, 1923. – 192 с.
108. Константинов А. Чехи в Казани / А. Константинов // Борьба за Казань. – Казань, 1924. – С. 182-189.
109. Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность её альтернативы? (опыт альтернативной истории) / С.И. Константинов // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения: к 80-летию прекращения регулярных боевых действий на Урале: материалы регионального научного семинара, 24-25 апреля 1999 г. / Отв. ред. Нарский И.В. – Челябинск: Издательский дом Обухова, 1999. – С. 56-72.
110. Котомкин А. О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918-1920. Воспоминания и документы / А. Котомкин. – Париж, 1930. – 173 с.

111. Котов Г. Партийная и советская работа в Уфе в 1918 г. / Г. Котов // Пролетарская революция. – 1928. – №6/7. – С. 293-318.
112. Красиков С.И. Россия в условиях Первой мировой войны и общенационального кризиса 1919-1920 гг.: учебное пособие для студентов всех специальностей / Красиков С.И. – М.: МГУЛ, 2002. – 63 с.
113. Краснов В.Г. Интернационалисты на фронтах гражданской войны / В.Г. Краснов. – М.: Знание, 1989. – 64 с.
114. Краткая история гражданской войны в СССР / Г.Г. Алахвердов [и др.]. – М.: Политиздат, 1960. – 431 с.
115. Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи) / Л.А. Кроль. – Владивосток: «Свободная Россия», 1921. – 212 с.
116. Круссер Г.В. Колчаковщина / Г.В. Круссер. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927. – 38 с.
117. Кузнецов А. Казань под властью чехо-учредиловцев (5 августа – 9 сентября 1918 г.) / А. Кузнецов // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 55-70.
118. Лазаревский В. Россия и Чехословацкое возрождение. Очерк чешско-русских отношений 1914-1918 гг. / В. Лазаревский / С предисловием В.В. Шульгина. – [Париж]: Град Китеж, [1927]. – 175 с.
119. Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: дис. ... канд. ист. наук / В.А. Лапандин. – Самара, 1997. – 245 с.
120. Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917-1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук / Н.С. Ларьков. – Томск, 1996. – 575 с.
121. Ларьков Н.С. Из истории идейно-политической борьбы в антиколчаковском партизанском движении в Сибири / Н.С. Ларьков // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-

- 1922 гг.: сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 134-141.
122. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть / Н.С. Ларьков. – Томск: Издание Томского университета, 1995. – 252 с.
123. Латышев И. Как Япония похитила российские золото / И. Латышев. – М., 1996. – 96 с.
124. Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. – New England, 1986. – 63 с.
125. Левидов М. К истории союзной интервенции в России / М. Левидов. – Т. 1. Дипломатическая подготовка. – Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1925. – 184 с.
126. Левчук А.П. Ещё раз о «Преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) / А.П. Левчук // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): материалы Всерос. симпозиума, посвящённого памяти И.М. Разгона. – Ч. 2. – Томск, 1996. – С. 3-12.
127. Лейтенант N.N. Записки белогвардейца / Архив русской революции: в 22 т. – М.: Политиздат, 1991. – Т. 10. – С. 56-113.
128. Лелевич Г. (Могилевский Л.) В дни Самарской учредилки / Г. Лелевич (Л. Могилевский). – Б.м.: Государственное издательство, 1921. – 44 с.
129. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. - Т. 36. Март-июль 1918. – М.: Политиздат, 1962. – 741 с.; Т. 37. Июль 1918 – март 1919. – М.: Политиздат, 1963; Т. 50. Письма. Октябрь 1917 – июнь 1919. – М.: Политиздат, 1965. – 623 с.

130. Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918-1920 гг.: Учебное пособие по спецкурсу / С.Г. Лившиц / Барнаул. гос. пед. ин-т. – Барнаул, 1991. – 120 с.
131. Литвин А.Л. «Дело сдать в архив...» / А.Л. Литвин. – Казань: Татарское книжное издательство, 1986. – 200 с.
132. Литвин А.Л. Казань: время гражданской войны / А.Л. Литвин. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 174 с.
133. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. / А.Л. Литвин. – М.: «ЭКСМО»; Яуза, 2004. – 448 с.
134. Литвин А.Л. Основные итоги изучения краха мелкобуржуазных партий в Поволжье (1918-1920 гг.) / А.Л. Литвин // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922 гг.: сб. науч. тр. – Ч. II. – М., 1977. – С. 87-97.
135. Литвин А.Л. Размышляя о гражданской войне в России / А.Л. Литвин // Гражданская война в России: события, мнения, оценки / Сост. Е.Ю. Кораблёва, В.Л. Телицын и др. – М.: Раритет, 2002. – С. 325-333.
136. Литвин А.Л. Решающий рубеж / А.Л. Литвин, М.К. Мухарямов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1978. – 168 с.
137. Луков Е.В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского Правительства как источник по истории гражданской войны в Сибири (конец мая 1918 – начало ноября 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Луков. – Томск, 1999. – 185 с.
138. Мазлер В. Чехословацкий корпус, союзная интервенция и Колчак // Байкал. – 1970. – № 5. – С. 141-149.
139. Майский И. Демократическая контрреволюция / И. Майский. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. – 360 с.

140. Машин М.Д. Вооружённая борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции (1918-1919) / М.Д. Машин, В.С. Семьянинов. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1991. – 288 с.
141. Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918) / В.Г. Медведев. – Ульяновск: Издательство СВНЦ, 1998. – 220 с.
142. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.) / Е.И. Медведев. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1974. – 352 с.
143. Мельчин А.И. Американская интервенция на советском дальнем Востоке в 1918-1920 гг. / А.И. Мельчин. – М.: Военно-морское издательство Военно-морского министерства СССР, 1951. – 72 с.
144. Меньковский В.И. Чехословацкий корпус в Сибири в 1919 г. / В.И. Меньковский, С.А. Габрусевич // История Белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. (7-8 февраля 2005 г.) / Отв. ред. С.П. Звягин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С. 46-48.
145. Милковский А.И. Гражданская война в СССР 1918-1920 гг.: Лекции / А.И. Милковский. – М.: Издание Академии, 1940. – Ч. II. – Разгром первого похода Антанты. Разгром второго похода Антанты. – 116 с.
146. Минц И.И. Год 1918-й / И.И. Минц. – М., 1982. – 576 с.
147. Мухарямов М.К. Гражданская война в Татарии (1917-1919) / М.К. Мухарямов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1969. – 300 с.
148. Мухарямов М.К. Борьба за Казань в 1918 году / М.К. Мухарямов, А.Л. Литвин. – Казань: Татарское книжное издательство, 1968. – 88 с.
149. Мымрин Г.Е. Американские империалисты – вдохновители и организаторы военной интервенции против Советской России (1918-1920 гг.) /

- Г.Е. Мымрин. – Архангельское областное государственное издательство, 1951. – 50 с.
150. Назаров М. Уроки белого движения / М. Назаров // Московский вестник. – 1994. – № 2. – С. 200-228.
151. Назаров М. Уроки Ясского совещания / М. Назаров // Грани. – 1993. – № 168. – С. 175-198.
152. Насыров Т.М. Октябрь и печать Татарии (1917-1920 гг.) / Т.М. Насыров. – Казань: Татарское книжное издательство, 1975. – 212 с.
153. Ненароков А.П. Восточный фронт 1918 / А.П. Ненароков. – М.: Наука, 1969. – 280 с.
154. Николаев С.Н. Политика «Комуча». (Опыт характеристики) / С.Н. Николаев // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Прага: Издание общества участников Волжского движения, 1930. – С. 103-164.
155. Никонова О.Ю. Чехословацкий корпус и правительства «демократической контрреволюции» в 1918-1919 годах / О.Ю. Никонова // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Ч. 2. Челябинск, 1995. – С. 57-60.
156. Новиков П.А. Части Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май-август 1918 года) / П.А. Новиков // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. № 7. – С. 5-17; 2000. – № 8. – С. 5-21.
157. Огородников О.Ф. Удар по Колчаку / О.Ф. Огородников. – М.: Воениздат, 1938. – 316 с.
158. Памяти Т.Г. Масарика. [Прага]:[1937]. – 23 с.
159. Парфёнов П.С. (Пётр Алтайский). Гражданская война в Сибири в 1918-1920 / П.С. Парфёнов. – М.: Государственное издательство, Б.г. –

160. Парфёнов П.С. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 г. (к процессу эс-эров) / П.С. Парфёнов // Пролетарская революция. – 1922. – № 7. – С. 59-71.
161. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. (1918-1922 гг.) / П.П. Петров. – Рига: Издание М. Дидковского, 1930. – 250 с.
162. Плеханов И.П. 1917 год и гражданская война в России: Учебное пособие для студентов высшей школы / И.П. Плеханов, П.М. Шаронов. – Самара: Издательство СамГПУ, 2001. – 216 с.
163. Плешкевич Е.А. Временное Областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования / Е.А. Плегкевич // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 30-35.
164. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность / И.Ф. Плотников. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998. – 320 с.
165. Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП (б) в 1918-1920 гг. / И.Ф. Плотников. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 336 с.
166. Плотников И.Ф. О развёртывании белого движения, образовании и становлении укреплений его фронта в Поволжье и на Урале / И.Ф. Плотников // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – С. 120-122.
167. Плотников И.Ф. Средний Урал в годы гражданской войны (1918-1920): Учебное пособие / И.Ф. Плотников. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 94 с.
168. Подвойский Н.И. Правда о чехословаках / Н.И. Подвойский. – М.: Издательство ВЦИК, 1918. – 16 с.

169. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917-1918 гг.: (Опыт военно-исторического исследования) / И. Подшивалов. – М.: Государственное Военное издательство, 1925. – 222 с.
170. Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация / Ю.А. Поляков // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 40-54.
171. Поляков Ю.А. Боевой восемнадцатый год / Ю.А. Поляков, Д.К. Шелестов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 96 с.
172. Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки / Ф.Г. Попов. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1959. – 216 с.
173. Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка / Ф.Г. Попов. – М.; Самара: Средневожское краевое государственное краевое издательство: ОГИЗ, 1932. – 232 с.
174. Путна В. Восточный фронт. (Штрихи). – 2-е изд., доп. / В. Путна. – М.: «Военный вестник», 1927. – 95 с.
175. Рабинович С. История гражданской войны (краткий очерк): Учебное пособие для военных школ РККА / С. Рабинович / Под ред. А. Геронимуса. – М.: Партийное издательство, 1933. – 184 с.
176. Райский Б. Красные и белые / Б. Райский // Новое время. – 1967. – № 37. – С. 16-19.
177. Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак / Н.И. Ракитников. – М.: Просветительное кооперативное издательское товарищество «Народ», 1920. – 38 с.
178. Рейснер Л. Казань (Лето и осень 1918 года). / Л. Рейснер // Пролетарская революция. 1922. – № 12. – С. 180-196.

179. Рейхберг Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) / Г. Рейхберг. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 212 с.
180. Рейхберг Г. Японская интервенция на Дальнем Востоке. 1918-1922. Краткий очерк / Г. Рейхберг. – М.: ОГИЗ: Соцэкгиз, 1935. –
181. Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны / М.Д. Савваитова / Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М.: Наука, 1994. – С. 113-126.
182. Сахаров К.В. Белая Сибирь: Внутренняя война, 1918-1920 / К.В. Сахаров. – Мюнхен, 1923. – 324 с.
183. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (Чешское предательство) / К.В. Сахаров. – [Берлин, 1930]. – 136 с.
184. Светачёв М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922) / М.И. Светачёв. – Новосибирск, 1983. – 336 с.
185. Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре-декабре 1918 г. / Н.В. Святицкий. – М.: Просветительное кооперативное издательское товарищество «Народ», 1921. – 174 с.
186. Святицкий Н.В. Реакция и народовластие (Очерк событий на востоке России) / Н.В. Святицкий. – М.: Просветительское кооперативное издательское товарищество «Народ», 1920. – 32 с.
187. Сибиряков В. Что принёс Колчак сибирским рабочим и крестьянам / В. Сибиряков. – М.: Книгоиздательство «Коммунист», 1919. – 31 с.
188. Симонов Д.Г. К вопросу о свержении Советской власти в Новониколаевске / Д.Г. Симонов // История «белой» Сибири: тезисы второй на-

- учной конференции / Под ред. С.П. Звягина, С.В. Макаруча, В.А. Сергиенко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 131-134.
189. Симонов Д.Г. К вопросу о численности Чехословацкого корпуса на востоке России в период гражданской войны (1918-1920) Д.Г. Симонов // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. – С. 145-148.
190. Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом / В.Г. Сироткин. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2000. – 424 с.
191. Скробов В.С. Боевые действия Красной Армии летом 1918 г. на Северо-Урало-Сибирском фронте / В.С. Скробов // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг.: сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103-110.
192. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири / Славянофил. – Токио, 1921. – 48 с.
193. Слободин В.П. Гражданская война России (1917-1922 гг.): лекция / В.П. Слободин. – М.: МЮИ МВД России, 1999. – 45 с.
194. Случевский Н. Чехословацкий мятеж / Н. Случевский // Военный вестник. Общевоинской пехотный журнал. – 1938. - № 9. – С. 7-12.
195. Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. (Краткий биографический очерк) / М.И. Смирнов. – Лондон: Издание Военно-Морского Союза, 1930 // Адмирал Александр Васильевич Колчак. Сборник. (Вступительная статья докт. ист. наук С. Волкова). – М.: Патриот, 1991. – С. 19-61.

196. Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда: (Из записок русского революционера) / Б. Солодовников. – Прага: Издание автора, 1921. – 92 с.
197. Софинов П. Чехословацкий мятеж / П. Софинов // Исторический журнал. – 1940. – № 12. – С. 47-61.
198. Субаев Н.А. Родники солидарности / Н.А. Субаев. – Казань: Татарское книжное издательство, 1971. – 120 с.
199. Троцкий Л.Д. Моя жизнь / Л.Д. Троцкий. – М.: Вагриус, 2001. – 572 с.
200. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. 17. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. I. Первоначальный период накопления сил. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 748 с.
201. Тухачевский М.Н. Избранные произведения. В 2-х тт. – Т. 1. 1919-1927 гг. – 320 с.; Т. 2. 1928-1937 гг. – 264 с. – М.: Воениздат, 1964. –
202. Урал в гражданской войне / Отв. ред. Васьковский О.А. – Свердловск: Издательство Урал. ун-та, 1989. – 336 с.
203. Устинкин С.В. Участие чехословацкого корпуса в интервенции в России (1918-1920 гг.) / С.В. Устинкин // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды славянской «библиотеки и пражских архивов»: Международная конференция, Прага, 14-15 августа 1995 г.: сб. докладов. – Ч. 2. – Прага, 1995. – С. 590-596.
204. Ушаков А.И. Гражданская война в России. 1917-1920: учебное пособие А.И. Ушаков. – М.: МУПК, 2002. – 48 с.
205. Хабас Р. К истории борьбы с чехословацким мятежом / Р. Хабас // Пролетарская революция. – 1928. – № 5. – С. 56-65.

206. Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация / В.В Хрулев. – М.: Военное издательство, 1940. – 100 с.
207. Цветков В. «Интернациональный долг» в гражданской войне / В. Цветков // Посев. – 1999. – Г. 54. – № 3. – С. 34-38.
208. Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917-1922 годы / В.Ж. Цветков // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 56-73.
209. Ципкин Ю.Н. Ещё раз о судьбе «белогвардейского» золота / Ю.Н. Ципкин // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.): сб. науч. ст. – Хабаровск: РИО ДВ ГНБ, 1999. – С. 96-111.
210. Чехословаки в Самаре (По данным Высшей Военной Инспекции). – М.: Издательство ВЦИК, 1918. – 14 с.
211. Шалдыбин С.Г. Гражданская война 1917-1920 годов: причины, последствия: учебно-методическое пособие. – Пенза, 1995. – 27 с.
212. Шевелев Д.Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати): дис. ... канд. ист. наук / Д.Н. Шевелев. – Томск, 1999. – 230 с.
213. Шевелев Д.Н. Политическая мифология восточной контрреволюции и её роль в формировании положительного образа Сибирской армии / Д.Н. Шевелев // Гражданская война в Сибири: сб. докладов и статей научной конференции, ноябрь 1999 г. / Под ред. М.Д. Северьянова / Красноярский государственный университет / Красноярск, 1999. – С. 109-115.
214. Шиловский М.В. Восстание Барабинского полка 6-7 декабря 1919 г. в Новониколаевске / М.В. Шиловский // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 173-177.

215. Шишкин В.А. Антисоветская блокада и её крушение / В.А. Шишкин. – Л.: Наука, 1989. – 208 с.
216. Шпилев Г. Из истории партийной работы в Сибири при Колчаке / Г. Шпилев // Пролетарская революция. – 1927. – № 1. – С. 67-84.
217. Шурыгин А.П. В.И. Ленин и борьба за советский Дальний Восток / А.П. Шурыгин // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг.: сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 97-103.
218. Шурыгин А. Революционные волнения в интервентских войсках на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.) / А.Шурыгин. – Хабаровск: Дальневосточное краевое государственное издательство, 1938. – 40 с.
219. Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый / С.А. Щепихин. – Прага: Издание общества участников Волжского движения, 1930. – С. 165-213.
220. Щербаков Ю.Н. Братство, скреплённое кровью. Участие иностранных интернационалистов в борьбе за Советскую власть в Среднем Поволжье в 1918-1919 гг. / Ю.Н. Щербаков. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1961. – 76 с.
221. Щетинкин П.Е. Борьба с колчаковщиной / П.Е. Щетинкин / Под ред., со вступ. статьёй и дополнениями В.Д. Вегмана. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. – 98 с.
222. Южанинов Л. Путешествие в Белую и Красную Сибирь / Л. Южанинов // Слово. – 1999. – № 4. – С. 37-43.
223. Юрченко В. Мятеж, которого не было / В. Юрченко // Родина. – 1994. – № 1. – С. 28-34.
224. Янгузов З.Ш. Дважды краснознамённая / З.Ш. Янгузов, Л.Г. Юдкевич. – Казань: Татарское книжное издательство, 1978. – 152 с.

225. Ярёмченко А. Партизанское движение в Приморской области (1918-1920 гг.) / А. Ярёмченко // Пролетарская революция. – 1922. – № 7. – С. 72-96.
226. Ярославский Е. Краткие очерки по истории ВКП (б). – Ч. II. От периода империалистической войны до наших дней / 2-е изд., доп. и пересмотренное. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 480 с.
227. Amort Č. Říjnová revoluce a boj za samostatný československý stát / Č. Amort // Slovanský přehled. – 1987. – № 6. – S. 477-486.
228. Berk S.M. The «Class-Tragedy» of Izhevsk: Working-Class Opposition to Bolshevism in 1918 / S.M. Berk // Russian History. – Vol. 2. – 1975. – Part 3. – P. 176-190.
229. Bradley J.F.N. Allied intervention in Russia / J.F.N. Bradley.- London: Wiedefeld and Nicolson, 1968. – XX, 251 pp.
230. Brinkley G.A. The Volunteer Army and Allied intervention in South Russia, 1917-1921. A Study in the Politics and Diplomacy of the Russian Civil War / G.A. Brinkley. – University of Notre Dame Press, 1966. – XVII, 446 pp.
231. Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921 / W.H. Chamberlin. In 2 vol. Vol. I. – New York: The Macmillan Company, 1935. – XI, 511 pp.; Vol. II. – New York: The Macmillan Company, 1952. – 556 pp.
232. Corley M.J. Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917-1919 / M.J. Corley. – Kingston and Montreal: McGill-Queens University Press, 1983. – XIII, 265 pp.
233. Fejlek V. 28. říjen 1918 a vznik předmnichovské Československé armády / V. Fijlek // Historie a vojenství. – 1958. – № 3. – S. 368-392.
234. Fic V.M. The collapse of American policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson decision not to intervene (March – Oct. 1918) / V.M. Fic. – New-York: Columbia Univ. press, 1995. – XVI, 494 pp.

235. Fic V.M. The rise of the constitutional alternative to soviet rule in 1918: Provisional governments of Siberia and All-Russia: Their quest for Allied intervention / V.M. Fic. – Part I-II. – New-York: Columbia Univ. Press, 1998. – XXVII, 481 pp.
236. Fidler J. Czechoslovak Legions in Siberia / J. Fidler, E. Stehlik // XX International colloquium of military history, Warsaw – Poland, 28 fugust – 3 september 1994.- Warsaw, 1995.- P. 125-127.
237. Figes O. A people's tragedy. The Russian Revolution, 1891-1924 / O. Figes. – London: Jonathan Cope, 1996. – XXIX, 923 pp.
238. Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga countryside in Revolution (1917-1921) / O. Figes. – Oxford: Clarendon press, 1989. – XIX, 401 pp.
239. Footman D. Civil War in Russia / D. Footman. – London: Faber and Faber, 1961. – 328 pp.
240. Freedom of the Czechs. The contribution of General Jaroslav Cervinka in World War I / Available sources compiled and analyzed by V.B. Cervin, with J.C. Cervin. – Printed privetley, 1993. – 120 pp.
241. Gajda R. Moje paměti / R. Gajda.– Brno: Bonus A, 1996. – 332 s.
242. Galandauer J. Včera a dnes (Legionářská minulost komunistického aktivisty) / J. Galandauer // Historie a vojenství. – 1998. – № 5. – S. 61-82.
243. Galandauer J. Vznik Československé republiky 1918. Programy, projekty, perspektivy / J. Galandauer. – Praha: Svoboda, 1988. – 345 s.
244. Halas F. starši Bez legend. «Sibiřska anabase» ve vzpomínkách bývalého delníka a rutního důvěrníka / F. Halas starši. – Praha: Naše Vojsko, 1958. – 108 s.
245. Hingley R. A people in turmoil: Revolutions in Russia / R. Hingley. – New York: Holt, Rineheart a. Winston, Cop. 1970. – VII, 173 pp.

246. Houra J. Hudba České Družiny / J. Houra // Historie a vojenství. – 1999. – № 3. – S. 623-630.
247. Hoyt E.P. The Army without a country. The thrilling story of the Czechoslovakian Legion, its daring World War I, exploits, and its heroic struggle to create a new nation / E.P. Hoyt. – New York: The Macmillan company; London: Collier-Macmillan Ltd., 1967. – 243 pp.
248. Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End / P. Kenez. – Cambridge University Press, 1999. – IX, 317 pp.
249. Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917-1920. – vol. II. The Decision to Intervene / G.F. Kennan. – Princeton, 1958. – XII, 513 p.
250. Kettle M. Russia and the Allies, 1917-1920. – In 3 vol. – Vol. I. The Allies and the Russian Collapse, March 1917-March 1918 / M. Kettle. – Andre Deutsch, 1981. – 287 pp.; Vol. II. The Road to Intervention, March-November 1918. – London; New York: Routledge, 1988. – 401 pp.; Vol. III. Churchill and the Archangel fiasco, November 1918 – July 1919. – London; New York: Routledge, 1992. – XIV, 582 pp.
251. Klimek A. Vítěz, který prohrál: general Radola Gajda / A. Klimek, P. Hoffman. – Praha; Litomyšl, Paseka, 1995. – 295 s.
252. Kováč D. Myšlienka československej štátnosti. Jej vznik a realizácia / D. Kováč // Historický časopis. – Roč. 36. – 1988. – № 3. – S. 341-353.
253. Křížek J. Nemci, Lenin a čs. legie / J. Křížek. – Praha: Vyšehrad, 1997. – 110 s.
254. Křížek J. Protisovětské vystoupení čs. legií a změna vztahu Dohody k čs. zahraničnímu odboji v roce 1918 / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1966. – № 2. – S. 1-37.
255. Křížek J. T.G. Masaryk a možnost obnovy východní fronty v létě 1918 / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1992. – № 1. – S. 19-45.

256. Kutílková D. K problematice stejnokrojů příslušníků československé jednotky v Rusku v roce 1918 / D. Kutílková D. // Historie a vojenství. – 2002. – № 4. – S. 884-912.
257. Kvasnička J. Československé légie v Rusku 1917-1920 / J. Kvasnička. – Bratislava: Vydateľstvo Slovenskej Akadémie Vied, 1963. – 343 s.
258. Legionářská odysea. Deník Františka Prudila. Z ruské fronty s prologem Oldřicha Jurmana a závěrečnou esejí Otakara Brůny o sváru mozku a srdce. – Praha: Lucie, 1990. – 79 s.
259. Lincoln B.W. Red victory: A history of the Russian Civil War / B.W. Lincoln. – New-York: Simon a. Schuster, Cop., 1989. – 637 pp.
260. Marples D.R. Lenin's Revolution: Russia, 1917-1921 / D.R. Marples. – Harlow: Longman, 2000. – XV, 156 pp.
261. Mawdsley E. The Russian Civil War / E. Mawdsley. – Boston: Allen and Unwin, Cop. 1987. – XVI, 351 pp.
262. Mlnárik J. Milan Rastislav Štefánik v historiografii (1948-1988) / J. Mlnárik // Historický časopis. – Roč. 38. – 1990. – № 3. – S. 398-419.
263. Moulis M. Vzestup a pad Generála Gajdy / M. Moulis. – Trebic: Fakta, 2000.- 153 s.
264. Muška J., Hořec J. K úloze československých legií v Rusku / Jiří Muška. Účast československé armády v Rusku na imperialistické válce a protisovětské intervenci v letech 1914-1920. Jaromír Hořec. Politika světových imperilistů a česká burzoasie v protisovětské intervenci. Vyd. 2., doplněně. – Praha: Mír, 1954. – 200 s.
265. Němec I. Jazyk československých legií v Rusku / I. Němec // Historie a vojenství. – 1991. – № 2. – S. 25-39.
266. Peck I. The Russian Revolution / I. Peck. – New York: Scholastic book services, 1968. – 126 pp.

267. Pereira N.G.O. The Idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and revolutionary Russia / N.G.O. Pereira // *Russian History*. – Vol. 20. – 1993. – № 1/4. – P. 163-178.
268. Pereira N.G.O. White Siberia: The politics of civil war / N.G. Pereira. – Montreal: McGill-Queen's Univ. press, 1996. – XII, 261 pp.
269. Pichlík K. K otázce navrátilců z ruského zajetí / K. Pichlík // *Historie a vojenství*. – 1962. – № 1. – S. 90-124.
270. Pichlík K. Lednová generální stávka v roce 1918 a rakousko-uherská armáda / K. Pichlík // *Historie a vojenství*. – 1962. – № 6. – S. 817-838.
271. Pichlík K. Rozpad rakousko-uherské armády na podzim 1918 / K. Pichlík // *Historie a vojenství*. – 1963. – № 2. – S. 226-276.
272. Pichlík K. Českoslovenští legionáři (1914-1920) / K. Pichlík, B. Klípa, J. Zabloudivová. – Praha: Mladá fronta, 1996. – 283 s.
273. Price M.P. The truth about the interventions of the Allies in Russia: how the rulers of England are strangling the Russian Revolution / M.P. Price. – Belp Bern: Promachos Publishing House, 1918. – 17 pp.
274. Raleigh D.J. Languages of Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined Their Enemies / D.J. Raleigh // *Slavic review*. – 1998. – № 2. – P. 320-349.
275. Revoluce v Československu a T.G. Masaryk // *Slovanský přehled*. – 1990. – № 2. – S. 97-99.
276. Rhodes B.D. The Anglo-American Winter War with Russia, 1918-1919: A Diplomatic and Military Tragicomedy / B.D. Rhodes. – New York – Westport, Connecticut – London: Greenwood Press, Cop. 1988. – XII, 156 pp.
277. Richter K. Setkání dvou revolucí / K. Richter // *Historie a vojenství*. – 1990. – № 1. – S. 119-134.
278. Rose R.B. The Russian Revolution / R.B. Rose. – [Melbourne]: Cheshire, [1970]. – 53 pp.

279. Rupp S.Z. Conflict and Crippled Compromise. Civil War Politics in the East and the Ufa State Conference / S.Z. Rupp // *Russian Review*. – Vol. 56. – 1997. – № 4. – P. 249-264.
280. Rupp S.Z. The struggle in the East: Opposition politics in Siberia, 1918 / S.Z. Rupp. – Pittsburgh: Center for Russ. f. East Europ. studies, 1998. – 56 pp.
281. Sak R. Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku (1914-1920) / R. Sak. – [Praha]: H&h, 1996. – 174 s.
282. Sak R. «Mohutný sen» Bohdana Pavlů. Český příspěvek k pokusu o demokratickou přestavbu Ruska / R. Sak // *Acta contemporanea*. K pětadesátinám Viléma Prečana. – Ústav pro soudobé dějiny AVČR, 1998. – P. 336-355.
283. Sakwa R. Bolshevism of the Left and the Right / R. Sakwa // *Russian Review*. – Vol. 51. – 1992. – № 3. – P. 418-425.
284. Salabová-Kučerová M. Vojenská správa prvního československého zahraničního odboje (1914-1920) / M. Salabová-Kučerová // *Historie a vojenství*. – 1965. – № 2. – S. 238-277.
285. Šedivý I. Legionářská republika? K systému legionářského zákonodárství a sociální péče v meziválečné ČSR / I. Šedivý // *Historie a vojenství*. – 2002. – № 1. – S. 158-184.
286. Serge V. Year one of the Russian Revolution / Transl. a. ed. by Peter Sedjwick / V. Serge. – London: Lane and Penguin Press, 1972. – 436 pp.
287. Shapiro L. The Russian Revolutions of 1917: The Origins of Modern Communism / L. Shapiro. – New York: Basic books, Cop. 1984. – XI, 239 pp.
288. Silverlight J. The Victors' dilemma: Allied intervention in the Russian Civil War / J. Silverlight. – New York: Weybright a. Talley, 1970. – XIII, 392 pp.

289. Stegmann N. Soldaten und Bürger: Selbstbilder tschechoslowakischer Legionäre in der Ersten Republik / N. Stegmann // Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2002. – Vol. 61. – S. 25-48.
290. Štvrtecký Š. Štefánikova misia v Rusku a Československé problémy / Š. Štvrtecký // Historický časopis. – Roč. 38. – 1990. – № 2. – S. 154-177.
291. Swain G. The Origins of the Russian Civil War / G. Swain. – London and New York; London, 1996. – XIV, 296 pp.
292. Thunig-Nittner G. Die Tschechoslowakische Legion in Russland. Ihre Geschichte und Belevtung bei der Entstehung der 1. Tschechoslowakisechen Republik / G. Thunig-Nittner. – Wiesbaden: [Otto] Harrassowitz, 1970. – XX, 299 s.
293. Ullman R.H. Anglo-Soviet relations, 1917-1921. – In 2 vol. – Vol. I. Intervention and the War / R.H. Ullman. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1961. – XVI, 360 pp.; Vol. II. Britain abd the Russian civil war, November 1918 – February 1920 / R. Ullman. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1968. – XIX, 395 pp.
294. Unterberger B.M. The United States, revolutionary Russia and the rise of Czechoslovakia / B.M. Unterberger. – Chapell Hill; London: The University of North Carolina press, 1989. – XIV, 463 pp.
295. Unterberger B.M. America's Siberian Expedition 1918-1920. A study of National Policy / B.M. Unterberger. – Durham, N.C.: Duke University Press, 1956. – 271 pp
296. Sviták I. Letec Otakar Sviták / I. Sviták // Historie a vojenství. – 1991. – № 1. – S. 106-121.
297. Urminský I. Letecké síly československých legií v Rusku 1918-1920 / I. Urminský // Historie a vojenství. – 1995. – № 4. – S. 21-49.

298. Vališ Z. Jan Kratochvíl, první velitel 1. čs. armádního sboru v SSSR / Z. Vališ // Historie a vojenství. – 1990. – № 2. – S. 90-102.
299. Vališ Z. Ludvík Svoboda. (Čs. legie v Rusku a předválečná čs. armáda) / Z. Vališ // Historie a vojenství. – 1990. – № 3. – S. 132-146.
300. Vávra V. Formování České družiny (K počátkům čs. zahraničního odboje v Rusku 1914-1916) / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1990. – № 1. – S. 107-118.
301. Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (I.) / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1984. – № 2. – S. 3-17.
302. Vávra V. Čs. internationalisté v Rusku 1917-1918 a národnostní otázka (II.) / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1984. – № 3. – S. 93-106.
303. Vávra V. Čs. internacionalisté v sovětském Rusku 1917-1920 / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1987. – № 4. – S. 104-120.
304. Vávra V. Československé jednotky v armádách Dohody 1914-1918 / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1988. – № 4. – S. 23-35.
305. Vávra V. Klamná cesta. Příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií / V. Vávra. – Praha: Naše Vojsko, 1958. – 277 s.
306. Vávra V. Francouzská vojenská mise v ČSR 1918-1925 (I) / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1987. – № 1. – S. 29-45.
307. Vávra V. Francouzská vojenská mise v ČSR 1918-1925 (II) / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1987. – № 3. – S. 53-65.
308. Vávra V. Příprava protisovětské intervence na severu Ruska v r. 1918 / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1963. – № 1. – S. 61-90.
309. Vávra V. Slučovací sjezd čs. komunistických skupin v Moskvě (25.-27. květen 1918) / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1978. – № 3. – S. 65-84.

310. Wade R.A. The Bolshevik revolution and Russian Civil War / R.A. Wade. – Westpoint (Conn.); London: Greenwood press, 2001. – XXIII, 220 pp.
311. Williams B. The Russian Revolution, 1917-1921 / B. Williams. – Oxford; New York: Blackwell, 1987. – 119 pp.
312. Zabloudilová J. Přehled tisku Čechů a Slováků v Rusku 1914-1920. Periodika a nepereodické tiskoviny českých a slovenských krajanů, zajatců a legionářů / J. Zabloudilová // Historie a vojenství. – 1995. – № 4. – S. 102-141.
313. Zabloudilová J. Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920 / J. Zabloudilová // Historie a vojenství. – 2000. – № 1. – S. 56-65.
314. Zabloudilová J. Banka československých legií 1919-1925 / J. Zabloudilová, D. Brádlarová // Historie a vojenství. – 2000. – № 2. – S. 345-377.
315. Zabloudilová J. Vojenská spořitelna čs. vojska v Rusku / J. Zabloudilová J. // Historie a vojenství. – 1999. – № 1. – S. 98-120.
316. Бенеш Э. Речи и статьи. Вып. I. / Авторизованный перевод с чешского Н.Ф. Мельниковой-Папоушек / Э. Бенеш. – Прага: Воля России, 1925. – 263 с.
317. Велеховский Ф. Чехословаки в России / Ф. Велеховский. – Екатеринбург: Издание ЧНС (Отделение для России). – 39 с.
318. Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии: сборник докладов, прочитанных на научной конференции историков в Праге в ноябре 1949 г. / Перевод с чешского И.П. Хатунцевой и Н.А. Шленовой / Под редакцией и со вступительной статьёй И.И. Удальцова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951. – 124 с.

319. Веселы И. О причинах возникновения и гибели буржуазного Чехословацкого государства / И. Веселы // Вопросы истории. – 1958. – № 1. – С. 107-125.
320. Веселы И. Чехи и словаки в революционной России / И. Веселы / Перевод с чешского Ф.С. Чумало. – М.: Воениздат, 1965. – 182 с.
321. Вильямс В.Э. Американская интервенция в России в 1917-1920 гг. / В.Э. Вильямс // История СССР. – 1964. – № 4. – С. 166-194.
322. Глос И. Чехословаки и Сибирская Областная Дума / И. Глос // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 28-35.
323. Голечек В. Чехословацкое войско в России / В. Голечек. – Prague: «Наша Речь», б.г. – 86 с.
324. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918-1920) / Пер. с англ. А.Ф. Сперанского и С.С. Соколова; со вступительной статьёй И.И. Минца / В. Грэвс. – М.: Государственное военное издательство, 1932. – XLVIII, 248 с.
325. Грэвс В. Колчак, Америка и Япония (Интервенция Америки в Сибири) / Пер. с англ. С. Займовского / В. Грэвс. – М.: Журнально-газетное объединение, 1932. – 48 с.
326. Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша / Пер. с чеш. М.М. Хазанова / Ред. и предисл. А.И. Недорезова В. Краль. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1955. – 280 с.
327. Кржижек Я. Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев / Пер. с чешского В. Аверина / Я. Кржижек. – [Пенза]: Пензенское книжное издательство, 1958. – 242 с.
328. Куделя Й.Ф. О российском золотом запасе и чехословацких легионах / Й.Ф. Куделя. – Прага: «Легиография», 1924. – 28 с.

329. Куделя Й.Ф. Первая годовщина Чехословацкой республики / Й.Ф. Куделя. – Иркутск: Издание Информационно-просветительного отдела чеховойск, 1919. – 32 с.
330. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. / Э. Людендорф / Пер. с 5-го немецкого издания под ред. и спредисл. А. Свечина. – В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Высший Военный редакционный Совет; Государственное издательство, 1923. – 323 с.; Т. 2. – М.: Высший Военный редакционный Совет; Государственное издательство, 1924. – 316 с.
331. Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. В 2-х томах / Авторизованный перевод Н.Ф. Мельниковой-Папоушек / Т.Г. Масарик. – Т. I. – Прага: Пламя: Орбис, 1926. – VI, 232 с.; Т. II. – Прага: Пламя: Орбис, 1927. – 391 с.
332. Муна А. Кто такие чехословаки / А. Муна. – М.: Издательство ВЦИК Советов РСК и КД, 1918. – 8 с.
333. Пайпс Р. Россия при большевиках / Р. Пайпс. – М.: РОССПЭН, 1997. – 662 с.
334. Папоушек Я. Предпосылки политических отношений России и Чехословакии / Перевод с чешского Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой / Я. Папоушек. – Прага, 1931. – 45 с.
335. Перейра Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны / Н. Перейра // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М.: Наука, 1994. – С. 201-214.
336. Радль Э. Томаш Г. Масарик. Его жизнь, общественная и научная деятельность / С предисловием Бориса Соколова / Э. Радль. – Прага: «Наша Речь», 1921. – 75 с.
337. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию / Э. Ротштейн. – М.: Прогресс, 1982. – 188 с.

338. Сайдлер И. Возникновение и борьба Чехословацкого корпуса – основание Чехословацкого государства / И. Сайдлер // Т.Г. Масарик и Россия: Развёрнутые тезисы докладов международной научной конференции, 12-13 ноября 1997 г. – СПб., 1997. – С. 50-56.
339. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918-1919 гг. / С предисловием И.М. Майского / Д. Уорд. – М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. – 172 с.
340. Черчилль У. Мировой кризис / Пер. с англ / В. Черчилль. – М.; Л.: Государственное военное издательство, 1932. – XIX, 328 с.
341. Шип Ф. Как происходило снабжение Чехословацкой армии? / Ф. Шип // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. – Прага: Издание общества участников Волжского движения, 1930. – С. 214-233.
342. Шмераль Б. Чехословаки и эсеры / Б. Шмераль. – М.: Главполитпросвет, ГИЗ, 1922. – 22 с.
343. Шмераль Я.Б. Образование Чехословацкой республики в 1918 году / Я.Б. Шмераль. – М.: Наука, 1967. – 340 с.
344. Штейдлер Ф. Выступление Чехословаков в России 1918 года / Ф. Штейдлер // Вольная Сибирь. – Т. IV. – Прага, 1928. – С. 9-27.

II ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Н. Рец. на: Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. – Пг.: Былое, 1923. – 190 с. // Пролетарская революция. – 1923. – № 6-7 (18-19). – С. 302-315.

2. Агалаков В.Т. Ещё раз о книге А.Г. Липкиной «1919 год в Сибири (Борьба с колчаковщиной)» / В.Т. Агалаков. – М.: Воениздат, 1962. – 234 с. // История СССР. – 1963. – № 5. – С. 170-172.
3. Алахвердов Г.Г. Из истории некоторых «пророчеств» буржуазных фальсификаторов / Г.Г. Алахвердов // Вопросы истории КПСС. – 1965. – № 6. – С. 65-74.
4. Алахвердов Г.Г. Фальсификация буржуазными историками США истории американской интервенции против Советской России в 1917-1920 гг. / Г.Г. Алахвердов // Вопросы истории. – 1958. – № 11. – С. 177-189.
5. Андреев А.Г. Фальсификация истории возникновения иностранной военной интервенции в Советскую Россию в работах американских и английских буржуазных авторов / А.Г. Андреев // Против буржуазной фальсификации истории Советского общества: сб. ст. – Издательство Ленинградского университета, 1967. – С. 22-42.
6. Афанасьев Ю.Н. Фальсификация истории становления и защиты Советской власти в современной французской буржуазной литературе / Ю.Н. Афанасьев // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 453-458.
7. Балашов В.А. Историография отечественной истории (1917-начало 90-х гг.): учеб. пособие / В.А. Балашов, В.А. Юрченков. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 1994. – 190 с.
8. Барвенко Е.И. «Архив Русской Революции» как источник по истории контрреволюции в Сибири / Е.И. Барвенко / Октябрь и гражданская война в Сибири: История, историография, источниковедение: сб. ст. / Отв. ред. М.Е. Плотникова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. – С. 133-144.
9. Барвенко Е.И. Критика белоэмигрантских представлений о борьбе за массы сил революции и контрреволюции в 1917-1920 годах / Е.И.

- Барвенко // Великий Октябрь – торжество идей марксизма-ленинизма: материалы конф. – М., 1987. – С. 45-54.
10. Берёзкин А. Кеннан фальсифицирует историю [Рец. на: «The Decision to Intervene. Soviet-American Relations, 1917-1920» by George F. Kennan. vol. II. Princeton, 1958. XII + 513 p.] / А. Берёзкин // Коммунист. – 1958. – № 13. – С. 121-128.
11. Варгин Н.Ф. О литературе по истории гражданской войны и иностранной военной интервенции в Сибири / Н.Ф. Варгин // История СССР. – 1964. – № 4. – С. 140-155.
12. Варгин Н. Об освещении боевых действий Восточного фронта Красной Армии в 1918-1920 годах / Н. Варгин // Военно-исторический журнал. – 1968. – № 5. – С. 80-85.
13. Верещагин А.С. Отечественная историография гражданской войны на Урале (1918-1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук/ А.С. Верещагин. – М., 2001. – 498 с.
14. Владимирова В. Рец. на: П.С. Парфёнов (Пётр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919, 1920 гг. – Харбин: Издательство «Правда», 1921. – 170 с. / В. Владимирова // Пролетарская революция. – 1922. – № 7. – С. 235-237.
15. Владиславлев И.В. Литература по истории Октября и гражданской войны. (Указатель работ, за исключением Истпартовских изданий) / И.В. Владиславлев // Пролетарская революция. – 1924. – № 10 (33). – С. 240-267.
16. Волк С.С. Лженаучные теории реакционной буржуазной историографии истории СССР / С.С. Волк, А.Р. Дзенискевич // Вопросы истории. – 1964. – № 1. – С. 58-74.
17. Воронин О. Некоторые вопросы революции и гражданской войны на востоке России в работах Н.В. Устрялова / О. Воронин // Борьба за власть

- Советов в Восточной Сибири [1917-1922]: Вопросы историографии и источниковедения: сб. науч. тр. / Науч. ред. В.Т. Агалаков. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. – С. 136-157.
18. Газеты первых лет Советской власти. Сводный библиографический каталог. – Ч. I-IV. – М., 1990.
19. Гибадуллина Р.Н. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Отечественная историография: дис. ... канд. ист. наук / Р.Н. Гибадуллина. – Казань, 1993. – 210 с.
20. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерк новейшей историографии (вторая половина 1980-90-е годы) / В.И. Голдин. – Архангельск: Изд-во «Боргес», 2000. – 280 с.
21. Гуковский А. Литература о союзной интервенции в России в годы гражданской войны / А. Гуковский // Историк-Марксист. – 1927. – № 6. – С. 242-253.
22. Добряков Т. Рец. на: F. Šip. Několik capitol o hospodářství naší sibiřské armády. V odpověď na «Bílou Sibiř» generála Sacharova. Praha, 1926. 49 s. / Т. Добряков // Вольная Сибирь. – Прага, 1927. – Т. II. – С. 204.
23. Ещенко Т.Е. Американская буржуазная историография военной интервенции на Дальнем Востоке СССР / Т.Е. Ещенко // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 110-118.
24. Игрицкий Ю.И. Гражданская война и интервенция в СССР в новейших работах западных историков / Ю.И. Игрицкий // История СССР. – 1969. – № 2. – С. 217-237.
25. Игрицкий Ю.И. Извилистый путь американского советоведа (к характеристике эволюции взглядов Фредрика Льюса Шумана) / Ю.И. Игрицкий // История СССР. – 1963. – № 5. – С. 180-207.

26. Игрицкий Ю.И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой октябрьской социалистической революции / Ю.И. Игрицкий. – М.: Мысль, 1974. – 272 с.
27. Иностранцев М. История, истина и тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Внутренняя война 1918-1920 гг.) / Иностранцев М. – Прага: Издание Союза Русских Военных Инвалидов, 1933. – 72 с.
28. Ионенко И.М. О некоторых итогах и задачах изучения Октябрьской революции и гражданской войны в Поволжье / И.М. Ионенко // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: межвуз. сб. / Отв. ред. П.С. Кабытов. – Куйбышев: КГУ, 1984. – С. 3-14. ✓
29. Иоффе Г.З. О новых «советоведческих» работах по истории Октября и гражданской войны / Г.З. Иоффе // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 467-477.
30. Каневский Б.П. Рец. на: George F. Kennan. Soviet-American Relations. 1917-1920. V. I. Russia leaves the War. Princeton, Princeton University Press, 1956. 544 p. / Б.П. Каневский // История СССР. – 1957. – № 1. – С. 252-260.
31. Козлова З. К вопросу о «днях Самарской Самарской учредилки» / З. Козлова // Пролетарская революция. – 1922. – № 9. – С. 305-306.
32. Колтыгин В.А. Рец. на: Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 771 с. / В.А. Колтыгин // Новая и новейшая история. – 1958. – № 5. – С. 138-140.
33. Комин В.В. В.И. Ленин о блоке империалистической реакции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны / В.В. Комин //

- Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг.: сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 152-155.
34. Кораблёв Ю.И. Гражданская война 1918-1920 годов: новые подходы / Ю.И. Кораблёв // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди / Под. общ. ред. А.Т. Кинкулькина; Сост.: Г.В. Клокова и др. – М.: Политиздат, 1989. – С. 56-87
35. Коробкин А.А. Отечественная историография «Демократической контрреволюции» (лето – осень 1918 г.) в России: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Коробкин. – Екатеринбург, 2003. – 225 с.
36. Косаковский А.А. Критика западногерманской буржуазной историографии гражданской войны и интервенции в Советской России / А.А. Косаковский // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 445-452.
37. Кузнецов С.И. Английская и американская историография Октябрьской революции, иностранной интервенции и гражданской войны в России / С.И. Кузнецов, Б.Е. Штейн // Вопросы истории. – 1956. – № 11. – С. 147-158.
38. Кунина А.Е. Американская буржуазная историография о политике США в отношении Советской России в 1917-1920 годах / А.Е. Кунина // Вопросы истории. – 1960. – № 10. – С. 36-55.
39. Курас Л.В. Современная советская историография руководства большевиков Восточной Сибири партизанским движением / Л. Курас // Борьба за власть Советов в Восточной Сибири [1917-1922]: вопросы историографии и источниковедения: сб. науч. тр. / Под ред. В.Т. Агалакова. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. – С. 103-120.

40. Лагутин Е.С. Последние версии буржуазной науки о гражданской войне в России / Е.С. Лагутин // История СССР. – 1963. – № 4. – С. 206-211.
41. Лелевич Г. Обзор литературы о самарской Учредилке / Г. Лелевич // Пролетарская революция. – 1922. – № 7. – С. 225-229.
42. Лелевич Г. Литература о Самарской Учредилке (Обзор второй) / Г. Лелевич // Пролетарская революция. – 1924. – № 8-9. – С. 366-373.
43. Литвин А.Л. Восточный фронт (1918-1919 гг.) (Обзор литературы 1920 – начала 1930-х гг.) / А.Л. Литвин // Из истории Татарии: краеведческий сборник. – Казань, 1965. – С. 123-166. ✓
44. Литвин А.Л. Документальные публикации по истории гражданской войны в Среднем Поволжье / А.Л. Литвин // Археографический ежегодник за 1988 год. – М.: Наука, 1989. – С. 193-201. ✓
45. Литвин А.Л. Партийно-советская печать в борьбе за организацию разгрома врага на Восточном фронте 1918 – август 1919 г. (По материалам Вятской, Казанской, Самарской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист наук / А.Л. Литвин. – Казань, 1961. – 241 с.
46. Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье / А.Л. Литвин. - Издательство Казанского университета, 1991. – 136 с. ✓
47. Литвин А.Л. Советская историография краха «демократической» контрреволюции в России / А.Л. Литвин // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 111-119.
48. Литвин А.Л. Современная историография истории гражданской войны в Среднем Поволжье / А.Л. Литвин // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: межвузовский сборник / Отв. ред. П.С. Кабытов. – Куйбышев: КГУ, 1984. – С. 98-106. ✓

49. Литвин А.Л. Современная англо-американская историография гражданской войны в Поволжье / А.Л. Литвин, С.Б. Скибинская. – Казань, 1990. – 112 с.
50. Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук / С.Ю. Малышева. – Казань, 1991. – 271 с.
51. Малышева С.Ю. Советская историография интернационалистского движения в Советской России в годы гражданской войны и иностранной интервенции / С.Ю. Малышева // Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории: сб. ст. / Науч. ред. и сост. С.И. Ионенко. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1991. – С. 46-51.
52. Манохин И.В. Вооружённые формирования на территории Сибири в период гражданской войны и военной интервенции: историография и источниковедение проблемы: дис. ... канд. ист. наук / И.В. Манохин. – М., 2003. – 221 с.
53. Марушкин Б.И. История и политика. Американская буржуазная историография Советского общества / Б.И. Марушкин. – М.: Наука, 1969. – 394 с.
54. Минц И.И. В белой эмиграции. (По поводу книги «Белое дело») / И.И. Минц // Большевик. – 1927. – № 6. – С. 40-48.
55. Минц И.И. Изучение истории Великой пролетарской революции и гражданской войны / И.И. Минц // Двадцать пять лет исторической науки в СССР / Под ред. ак. Волгина В.П., ак. Тарле Е.В. и чл.-корр. АН СССР Панкратовой А.М. – М.;Л.: Издательство АН СССР, 1942. – С. 157-163.
56. Минц И.И. Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны / И.И. Минц, В.П. Наумов // Изучение

- отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС / Под ред. С.С. Хромова и др. – М.: Наука, 1982. – С. 87-111.
57. Мухаметзянова Н.Р. Периодическая печать времени гражданской войны в России (1918-1920 гг.) как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук / Н.Р. Мухаметзянова. – Казань, 1997. – 184 с. ✓
58. Найда С.Ф. Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР / С.Ф. Найда, В.П. Наумов // Очерки по историографии советского общества. – М.: Мысль, 1965. – Гл. 4. – С. 137-219.
59. Наумов В.П. Ведущие проблемы историографии гражданской войны / В.П. Наумов // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 369-381.
60. Наумов В.П. Изучение истории гражданской войны в СССР / В.П. Наумов // Очерки истории исторической науки в СССР / Гл. ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1985. – Т. V. – Гл. VII. – С. 431-447.
61. Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 году / В.П. Наумов // Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. – М., 1958. – С. 142-180.
62. Наумов В.П. Новейшая историография гражданской войны и империалистической интервенции / В.П. Наумов // Историография гражданской войны и империалистической интервенции (1918-1920 гг.): сб. ст. / Отв. ред.: В.П. Наумов, А.И. Зевелев. – М., 1983. – С. 1-17.
63. Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР / В.П. Наумов. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
64. Наумов В.П. Основные этапы в изучении истории гражданской войны в СССР / В.П. Наумов // Вестник Московского университета. – Сер. 8. – История. – 1964. – № 2. – С. 3-18.

65. Наумов В.П. История гражданской войны и интервенции в СССР (Современная буржуазная историография) / В.П. Наумов, А.А. Косаковский. – М.: «Знание», 1976. – 64 с.
66. Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950-х – середины 1980-х годов / И.В. Наумов. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1991. – 144 с.
67. Немчинова Т.А. Белое движение в Сибири: современная российская историография: дис. ... канд. ист. наук / Т.А. Немчинова. – Улан-Удэ, 2002. – 243 с.
68. Никитин А.Н. Борьба за власть Советов в Восточной Сибири в годы гражданской войны в освещении периодической печати и мемуаров / А.Н. Никитин // Борьба за власть Советов в Восточной Сибири [1917-1922]: вопросы историографии и источниковедения: сб. науч. тр. / Под ред. В.Т. Агалакова. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. – С. 88-103.
69. Ожиганов А.Л. Отечественная историография Колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук / А.Л. Ожиганов. – Екатеринбург, 2003. – 317 с.
70. Пасков С.С. История возникновения интервенции Японии на советском дальнем Востоке в японской историографии (1946-1970 гг.) / С.С. Пасков // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 459-466.
71. Поликарпов В.Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения) / В.Д. Поликарпов. – М.: Наука, 1980. – 371 с.
72. Посадсков А.Л. «Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920-2000 гг.) / А.Л. Посадсков // История белой Сибири: материалы 5-й междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 30-35.

73. Рейхберг Г.Е. Буржуазная историография Октября и гражданской войны в Сибири / Г.Е. Рейхберг, А.П. Шурыгин. – Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1981. – 72 с.
74. Ростунов И. Советская военная историография в межвоенный период / И. Ростунов // Военно-исторический журнал. – 1967. – № 11. – С. 86-93.
75. Ростунов И. У истоков советской военной историографии / И. Ростунов // Военно-исторический журнал. – 1967. – № 8. – С. 84-96.
76. Салов В.И. Историзм и современная буржуазная историография / В.И. Салов. – М.: Мысль, 1977. – 254 с.
77. Салов В.И. К критике антимарксистской историографии гражданской войны и иностранной интервенции / В.И. Салов, В.С. Рыкалов // Критика буржуазной историографии советского общества. – М.: Политиздат, 1972. – С. 64-101.
78. Селезнёв Г.К. Рец. на: George F. Kennan. Russia leaves the War. Princeton, 1956. 544 pages / Г.К. Селезнёв // Вопросы истории. – 1957. – № 8. – С. 196-201.
79. Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917-1970-е годы / Г.Л. Соболев. – Л.: Наука, 1979. – 248 с.
80. Современная буржуазная историография Советского общества. – М.: Наука, 1988. – 248 с.
81. Современная немарксистская историография и советская историческая наука // История СССР. – 1988. – № 1. – С. 172-202.
82. Тормозов В.Т. Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918-1998 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / В.Т. Тормозов. – М., 1998. – 376 с.
83. Телицын В.Л. Рец. на: Белая гвардия. Исторический альманах. М.: Изд-во Посев. Вып. 1. 1997. 96 с.; вып. 2. 1998. 104 с.; вып. 3. 1999. 120 с.; вып. 4.

- Моряки в гражданской войне. 2000. 120 с.; вып. 5. Белое движение на Востоке России. 2001. 220 с.; вып. 6. Антибольшевистское повстанческое движение. 2002. 240 с. / В.Л. Телицын // Вопросы истории. – 2003. – № 1. – С. 168-170.
84. Тосминский С.Г. Октябрь в белогвардейском освещении / С.Г. Тосминский // Историк-Марксист. – 1927. – № 5. – С. 184-190.
85. Трибицов Ю.М. Вооружённое выступление Чехословацкого корпуса в России в 1918 году в отечественной историографии / Ю.М. Трибицов // История «белой» Сибири. – Кемерово, 1999. – С. 165-171.
86. Ушаков А.И. Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.И. Ушаков. – Казань, 2004. – 43 с.
87. Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. (Серия «Первая монография» под редакцией Г.А. Бордюгова) / А.И. Ушаков. – М.: ИЦ «Россия Молодая», 1993. – 144 с.
88. Ушаков А.И. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России / А.И. Ушаков. – М.: АИРО-XX, 2004. – 96 с.
89. Фоминых С. Критика современной англо-американской буржуазной историографии гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР (источниковедческие аспекты) / С.Ф. Фоминых / Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг.: сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 68-77.
90. Фоминых С.Ф. Основные тенденции англо-американской буржуазной историографии гражданской войны и антисоветской интервенции / С.Ф.

- Фоминых // Из истории гражданской войны и интервенции 1917-1922 гг.: сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 438-444.
91. Фурманов Д. Краткий обзор литературы (непериодической). О гражданской войне (1918-1920 г.г.) / Д. Фурманов // Пролетарская революция. – 1923. – № 5. – С. 321-341.
92. Хесин С.С. Некоторые вопросы историографии первых лет Советской власти (к завершению издания «Истории гражданской войны в СССР») / С.С. Хесин // История СССР. – 1961. – № 3. – С. 103-115.
93. Чубарьян А.О. По поводу переиздания книги Уиллер-Беннета «Брест-Литовск. Забытый мир. Март 1918 г.» / А.О. Чубарьян // История СССР. – 1958. – № 3. – С. 248-256.
94. Шелестов Д.К. Военная историография борьбы с интервентами и белогвардейцами в 1918-1920 гг. / Д.К. Шелестов // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 9. – С. 93-97.
95. Шелестов Д.К. Военная историография борьбы с интервентами и белогвардейцами в 1918-1920 гг. / Д.К. Шелестов // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 11. – С. 94-99.
96. Шелестов Д.К. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР / Д.К. Шелестов // Вопросы истории. – 1964. – № 2. – С. 22-48.
97. Шелестов Д.К. Д.А. Фурманов и Истпарт // Вопросы истории. – 1973. – № 6. – С. 40-52.
98. Шерман И.Л. Первые исследования по истории гражданской войны / И.Л. Шерман // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 2. – С. 98-107.
99. Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР. (1920-1931) / И.Л. Шерман. – Харьков: Издательство Харьковского университета, 1964. – 340 с.

100. Шишкин В.И. Современная советская историография иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы / В.И. Шишкин // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг.: сб. ст. / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв, В.И. Шишкин. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 20-41.
101. Шпилев Г. Рец. на: Центросибирцы / Сб. под ред. В.Д. Виленского-Сибирякова, Н.Ф. Чужака-Насимовича и П.Ф. Щёлока.- Издательство «Московский Рабочий». – 158 с. / Г. Шпилев // Историк-Марксист. – 1927. – № 5. – С. 268-270.
102. Шумилов М.И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России. (Историографический очерк): учеб. пособие / М.И. Шумилов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1992. – 95 с.
103. Щербинина Н. Некоторые вопросы взаимоотношений Колчака и интервентов в работах советских историков 50 - начала 80-х годов / Н. Щербинина // Октябрь и гражданская война в Сибири: История, историография, источниковедение: сб. ст. / Отв. ред. М.Е. Плотникова. – Томск: Изд-во Томского университета, 1985. – С. 127-132.
104. Якушев И.А. Рец. на: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914-1920 гг. – Париж-Прага, 1928. – III, 219 с. / И.А. Якушева // Вольная Сибирь. – Прага, 1928. – Т. IV. – С. 175-176.
105. Якушев И.А. Рец. на: I.Ф. Кудела: О российском золотом запасе и чехословацких легионах. Под ред. Исторического отдела «Památníku od-boje». – Прага, 1923. – 28 с. / И.А. Якушев // Вольная Сибирь. – Прага, 1927. – Т. II. – С. 202-203.

106. Fidler J. Rec. on: Politická elita meziválečného Československa 1918-1938. Kdo byl kdo. (red. František Kolář). – Praha: Pražská edice, 1998. – 304 s. / J. Fidler // Historie a vojenství. – 1998. – № 6. – S. 176-180.
107. Fisher R.H. Rec. on: The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution. Edited and introduced by Alan Wood. – London: Roetledge, 1991. – XIV, 192 pp. / R.H. Fisher // Russian History. – Vol. 18. – 1991. – № 3. – P. 363-365.
108. Frankerberger O. Rec. on: Vojenske dějiny Československa. (II). / Kolektiv autorů: M. Broft, V. Dangl, P. Horváth, V. Kopčan, M. Mudra, A. Pomaňák, A. Špiesz, V. Vavra. – Praha: Naše vojsko, 1986. – 592 s. + 24 s. příl. / O. Frankerberger // Historie a vojenství. – 1990. – № 4. – S. 159-165.
109. Galandauer J. Český a slovenský voják v první světové válce [Rec. on: Pichlík K., Vavra V., Křížek J. Červenobílá a rudá. – Praha: Naše vojsko, 1967] / J. Galandauer // Historie a vojenství. – 1968. – № 1. – S. 99-104.
110. Hartgrove J.D. Rec. on: Oliver H. Radkey. The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in the Tambov Region 1920-1921. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1976. – XIV, 457 pp. / J.D. Hartgrove // Russian History. – 1981. – Vol. 8. – Part. 3. – P. 432-433.
111. Havel P. Rec. on: Jan Galandauer: 2.7.1917, bitva u Zborova. Česka legenda. – Praha: Havran, 2002. – 152 s. / P. Havel // Historie a vojenství. – 2002. – № 4. – S. 970-973.
112. Havel P. Vojenske dějiny Československa (1918-1939). III. / Kolektiv autorů: Bélek J.; Broft M., Hronský M.; Karlický V.; Nesvadba F.; Pech P.; Pokorná A.; Vavra V. – Praha: Naše vojsko, 1987. – 583 s. / P. Havel // Historie a vojenství. – 1990. – № 6. – S. 152-157.
113. Kárník Z. O československých legionářích potisící a poprvé [Rec. on: Pichlík K., Klípa B., Zabloudivá J. Českoslovenští legionáři (1914-1920). –

- Praha: Mladá fronta, 1996. – 283 s.] / Z. Kárník // Historie a vojenství. – 1996. – № 5. – S. 158-163.
114. Kolaja J. Rec. on: Slovník českých a slovenských sociálně politických myslitelů a sociologů 1848-1980. By Antonin Vaněk. – Prague: Univerzita Karlova, 1986. – 211 pp. / J. Kolaja // Slavic Review. – Vol. 48. – 1989. – № 2. – P. 325-326.
115. Kratochvíl J. Ke vzniku Československé republiky (Rec. on: Galandauer J. Vznik Československé republiky 1918. – Praha: Svoboda, 1988. – 335 s.) / I. Kratochvíl // Historie a vojenství. – 1989. – № 1. – S. 128-132.
116. Křížek J. Ke studii československých vojenských dějin / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1967. – № 6. – S. 1051-1056.
117. Křížek J. K významné publikaci o dějinách občanské války v SSSR [Rec. on: G.G. Alachverdov, N.F. Kuzmin, M.V. Rybakov, L.M. Spirin, N.I. Šatagin, Kratkaja istorija graždanskoj vojny v SSSR. - Moskva 1960. – 430 s.] / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1963. – № 2. – S. 333-340.
118. Křížek J. Nová publikace o čs. legiích v Rusku [Rec. on: Kvasnička J. Československé légie v Rusku 1917-1920. – Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1963. – 342 s.] / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1963. – № 6. – S. 1014-1018.
119. Křížek J. Rec. on: G.G. Alachverdov, N.F. Kuzmin, M.V. Rybakov, L.M. Spirin, N.F. Šatagin. Kratkaja istoria graždanskoj vojny v SSSR. – Moskva, 1960. – 430 s.; Stručné dějiny občanské války v SSSR. – Praha, 1962. – 334 s. / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1963. – № 2. – S. 333-340.
120. Křížek J. K jedné emigrantské práci o čs. legiích v Rusku [Rec. on: Dr. František Polák. Masarykovy legie v boji proti sovětům. – New York: Independence Publishing Corporation, 1957. – 96 s.] / J. Křížek, Š. Štvrtecký // Historie a vojenství. – 1963. – № 5. – S. 869-876.

121. Křížek J. Nová práce o Wilsonovi a čs. legiích v Rusku koncem první světové války [Rec. on: Fic V.M. The collapse of American policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson decision not to intervene (March – Oct. 1918). – New-York: Columbia Univ. press, 1995. – XVI, 494 pp.] / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1996. – № 3. – S. 154-158.
122. Křížek J. Nová sovětská práce o vzniku ČSR [Rec. on: J.B. Šmeral. Obrazovanie Českoslovsckoj republiky v 1918 godu. – Moskva, 1967. – 338 s.] / J. Křížek // Historie a vojenství. – 1968. – № 2. – S. 311-316.
123. Křížek Jurij. Rec. on: Oldřich Říha. Ohlas Říjnové revoluce v ČSR / Jurij Křížek // Historie a vojenství. – 1958. – № 2. – S. 308-312.
124. Moulis V. Opoždená úvaha nad dílem V. Krále / V. Moulis, Z. Sládek // Historický časopis. – 1989. – № 3. – S. 147-161.
125. Muška J. Rec. on: Vávra V. Klamná Cesta. – Praha: Naše vojsko, 1958. – 276 s. / J. Muška // Historie a vojenství. – 1958. – № 3. – S. 466-471.
126. Nesvadba F. Občanská válka a vojenská intervence v SSSR (Rec. on: Graždanskaja vojna a vojennaja inetrvencija v SSSR. Enciklopedija. – Moskva: Sovetskaja enciklopedija, 1987. – 720 s.) / F. Nesvadba // Historie a vojenství. – 1988. – № 3. – S. 148-154.
127. Nesvadba F. Rec. on: Vojenske dějiny Československa. I díl (do roku 1526). Praha 1985, 363 s.; II díl (1526-1918). – Praha, 1986. – 589 s. / F. Nesvadba // Historie a vojenství. – 1990. – № 6. – S. 140-153.
128. Nesvadba F. Vojenske dějiny středoevropských národů v 18.-20. století z pohledu západní historiografie / F. Nesvadba // Historie a vojenství. – 1989. – № 3. – S. 144-150.
129. Pichlík K. Nové sovětské práce o Haškově činnosti v Rusku [Křížek J. Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. – Praha, 1957] / K. Pichlík // Historie a vojenství. – 1962. – № 4. – S. 559-565.

130. Pichlík K. Rec. on: Holotík L. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. – Bratislava: SAV, 1958. – 363 s. / K. Pichlík // Historie a vojenství. – 1958. – № 4. – S. 625-630.
131. Rak J. Rec. on: Górný M. Miedzy Marksem a Palackým. Historiografia w komunistycznej Czechoslowacji. – Warszawa: Trio, 2001. – 220 s. / J. Rak // Historie a vojenství. – 2002. – № 2. – S. 469-471.
132. Štvrtecký Š. Nová práce o čs. červenoarmejcoch a légiách v Rusku [Rec. on: Klevanskij A.Ch. Čechoslovackije inetrnationalisty i prodanyj korpus. – Moskva: Nauka, 1965. – 392 s.] / Š. Štvrtecký // Historie a vojenství. – 1966. – № 3. – S. 452-457.
133. Suny R.G. Rec. on: Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga countryside in Revolution, 1917-1921. – Oxford: Clarendon press, 1989. – XIX, 401 pp. / R.G. Suny // Russian Review. – Vol. 51. – 1992. – № 1. – P. 128-130.
134. Thompson J.M. Rec. on: Civil War in Siberia. The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918-1920. By Jonathan D. Smele. – Cambridge University Press, 1996. – XXVIII, 759 pp. / J.M. Thompson // Slavic Review. – Vol. 57. – 1998. – № 2. – P. 457-458.
135. Vávra V. Rec. on: Halas F. starší. Bez legend (Praha: Naše vojsko, 1958. – 108 s.) / V. Vávra // Historie a vojenství. – 1958. – № 3. – S. 491-493.
136. Zelnik R.E. Rec. on: A people's tragedy: A History of the Russian Revolution, 1891-1924. By Orlando Figes. – New York: Viking, 1996. – XXIII, 923 pp. / R.E. Zelnik // Slavic Review. – Vol. 57. – 1998. – № 2. – P. 453-455.
137. Малиа М. Из под глыб, но что? Очерк истории западной советологии / М. Малиа // Отечественная история. – 1997. – № 5. – С. 93-109

138. Фитцпатрик Ш. Гражданская война в Советской историографии: Западная историография интервенции / Ш. Фитцпатрик // Гражданская война в России: перекрёсток мнений. – М., 1994. – С. 344-363.
139. Чейхан В. Изучение истории СССР и чехословацко-советских отношений в Чехословакии (1960-1963) / В. Чейхан, М. Швакмаер // История СССР. – 1964. – № 3. – С. 210-214.